

1979

Из истории
античного
общества

МИНИСТЕРСТВО ВЫСШЕГО И СРЕДНЕГО
СПЕЦИАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ РСФСР
ГОРЬКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ОРДЕНА ТРУДОВОГО
КРАСНОГО ЗНАМЕНИ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ Н. И. ЛОБАЧЕВОГО

*Дорогому
Евгению Александровичу
от администрации
23/11 80г.*

ИЗ ИСТОРИИ АНТИЧНОГО
ОБЩЕСТВА

Межвузовский сборник

ГОРЬКИЙ 1979

Печатается по решению редакционно-издательского совета ГГУ

В настоящем втором выпуске сборника исследуются некоторые вопросы источниковедения, истории древней Греции и Рима, а также социально-политические проблемы истории периферийных античных обществ и их контакты с внеантичными регионами.

Издание рассчитано на студентов, аспирантов и специалистов по истории Древней Греции и Рима. Доп. план 1979 года, поз. 224.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Н. П. СОКОЛОВ (отв. редактор), **Е. В. КУЗНЕЦОВ**, **Э. Д. ФРОЛОВ**,
М. С. САДОВСКАЯ (зам. отв. редактора), **Ю. В. АНДРЕЕВ**, **В. М. СТРУ-**
ГЕЦКИЙ

**ДИОДОР СИЦИЛИЙСКИЙ О ПРОЦЕССАХ
ПРОТИВ ФЕМИСТОКЛА И ПАВСАНИЯ
(XI, 39—47; 54—59),**

Перевод и историко-критический комментарий

В. М. Строгоцкий

Борьба с персами и победа в ней эллинов, с одной стороны, способствовала образованию афинской морской державы и дальнейшему развитию демократии в Афинах. С другой стороны, она вызвала рост противоречий между Спартой и Афинами, а также обострение политической борьбы внутри каждого из этих государств.

Эти важнейшие тенденции наметились уже в первое десятилетие после битвы у мыса Микале. Строительство оборонительных стен, предпринятое афинянами под руководством Фемистокла в 479 г., и сооружение морской гавани Пирея встретили решительные возражения со стороны Спарты и послужили одной из причин распада общеэллинского единства, сложившегося накануне похода Ксеркса.

В 478/77 г. командующий общеэллинским флотом спартиэт Павсаний был обвинен союзниками, среди которых главную роль играли ионийцы, поддерживаемые афинянами, в деспотическом правлении и тайных связях с персами. Несмотря на то, что Павсаний был оправдан, враги, желая с ним расправиться, стали обвинять его не только в сношениях с персами, но также в стремлении к государственному перевороту и в подстрекательстве с этой целью илотов к восстанию. Думая избежать ареста, Павсаний скрылся в храме Афины Меднодомной, но, будучи приговорен спартанцами к голодной смерти, был выведен из храма уже умирающим.

С трагедией Павсания оказалась тесно связанной и судьба Фемистокла. В 472/71 г. он потерпел поражение в борьбе с Клином и, подвергнувшись остракизму, нашел убежище в Аргосе. Спартанцы, воспользовавшись благоприятным обстоятельством, отправили в Афины посольство с требованием предать Фемистокла суду как предателя общеэллинских интересов и соучастника заговора Павсания. Враги Фемистокла в

Афинах поддержали требование Спарты и вместе с лакедонянами стали преследовать его, чтобы арестовать и привести на суд. Фемистоклу удалось бежать, и он с большими трудностями прибыл в Азию, где нашел спасение у только что пришедшего к власти (465/64 г.) персидского царя Артаксеркса.

Обстоятельное изложение этих событий мы находим у Фукидида в его описании укрепления Афин и Пирея (Thuc., 1.89—93), а также в экскурсах о Павсании и Фемистокле (Thuc., 1.94—95, 128—138). Так как Фукидид был почти современником событий и очень заботился о хронологии (1.97,2) и о возможно точном установлении фактов (1.22,3), то его изложение может служить критерием при оценке прочих известий.

Современная этим событиям литература утрачена. Особенно приходится сожалеть о потере «Записок» (ἐπιδημῶν или ἐποικυράτα) поэта Иона из Хиоса (около 490—421 гг.) и сочинения Стесимброта из Фасоса (сер. V в. до н. э.) «О Фемистокле, Фукидиде и Перикле».

Насколько можно судить по немногим фрагментам, Ион в своих «Записках» сообщал некоторые подробности из жизни различных греческих политических деятелей.¹

Сочинение Стесимброта представляло собой политический памфлет, написанный, как считают исследователи, после 430 г. Автор, родом с союзного и угнетаемого афинянами острова Фасоса, был сторонником аристократии и враждебно относился к Афинам и, в частности, к афинской демократии. Он дал отрицательную характеристику создателю афинского флота Фемистоклу². Сочинения Иона и Стесимброта являлись одним из источников Плутарха.

¹ Все фрагменты Иона изданы А. фон Блюменталем (A. v. Blumenthal, Ion von Chios, Stutt., 1939). Исторические фрагменты издал Ф. Якоби (F. Jacoby, F. Gr. Hist. III в, с. 276—283; I в, с. 191—201; II в, с. 125—132). См. к этому: W. Schmidt und O. Stählin, Geschichte der griechischen Literatur, Bd 12, Munch., 1934, с. 514—520 и особ. F. Jacoby, Some remark on Ion of Chios, Abhandlungen zur griechischen Geschichtschreibung, Leiden, 1956, с. 144—168. Впервые эта статья была напечатана в CL. Q., vol 41, 1947, с. 1 и сл.; H. Bengtson, Griechische Geschichte, Munch., 1969, с. 188. См. также Соболевский С. Н., Позднейшие историки — в кн.: История греческой литературы, т. II, М., 1955, с. 130.

² Все фрагменты сочинения Стесимброта собраны у Ф. Якоби (F. Jacoby, F. Gr. Hist. II В, с. 512—522; комментарий II Д, с. 343—349). К этому см. Ad. Schmidt, Das Perikleische Zeitalter, Bd I, с. 183 сл.; Bd II, passim, Jena, 1877—1879. Однако значение этого памфлета как источника для более поздних авторов А. Шмидт переоценивает. (См. G. Visconti, Griechische Geschichte, Bd III, 1, Gotha, 1897.)

Не сохранились до нашего времени сочинения писателей VI в. до н. э. Эфора и Феопомпа, вышедших из школы Исократа.

От главного сочинения Эфора «Всеобщая история», состоявшего из 30 книг, сохранилось только 157 фрагментов³, из которых 14 посвящены описанию пентеконтаэтии⁴. Насколько можно судить по фрагментам «Истории» Эфора, он был сторонником афинской демократии и всячески старался подчеркнуть значение Афин. Поэтому, рассказывая о судьбе Фемистокла, он завершает свое описание восторженной оценкой деятельности этого великого человека, который оказался обижен своими гражданами⁵.

Предательство Павсания Эфор использует для нападок на Спарту. Он рисует в мрачных тонах тираническое поведение Павсания и позорный конец его⁶.

Сочинение Эфора послужило важным источником для последующих писателей, таких, как Помпей Трог (=Justin., II. 15), Корнелий Непот (в жизнеописаниях Фемистокла, Аристиды и Павсания), Полиэн, Плутарх (в жизнеописаниях Фемистокла, Аристиды, а также отчасти Кимона и Перикла) и особенно Диодор Сицилийский, о котором более детально речь пойдет ниже.

Что касается Феопомпа, то главными его сочинениями были «Греческая история» и «История Филиппа Македонско-

с. 7 сл.; R. Laqueur, *Stesimbrotos*, R. E. Bd. III A, Stutt, 1929, стлб. 2465 сл.; Stählin, ук. соч., Bd. I: 2 с. 676 сл.; H. Bengtson, ук. соч., с. 188, 201; М. Мандес, Опыт историко-критического комментария к греческой истории Диодора, Одесса, 1901, с. 121; Соболевский С. И., ук. соч., т. II, с. 131).

³ F. Jacoby, *F. Gr. Hist.* II A, с. 37—109 и II C, с. 22—103. К этому см.: C. Wachsmuth, *Einleitung in das Studium der alten Geschichte*. Lpz., 1895, с. 498—508; G. Busolt, *Griechische Geschichte*. I: с. 135—159 сл.; II с. 558 сл., 622 сл.; III, I, с. 15—24; II, 2, с. 706—726. Наиболее фундаментальным сочинением является ст. Эд. Шварца (*Ed. Schwartz*, *Ephoros*, R. E., Bd. VI, Stutt, 1901, стлб. I сл.). См. также R. Laqueur, *Ephoros*, *Hermes*, Bd. 46, 1911, с. 161—206; 321—354; G. L. Barber, *The Historian Ephorus*, Camb., 1935; H. Bengtson, *Griechische Geschichte*, с. 189; E. N. Tigerstedt, *The legend of Classical Sparta*, Lund., 1965, с. 207 сл.; Соболевский С. И., ук. соч., т. II, с. 138 сл. Гиперкритическое отношение некоторых ученых к Эфору (см. U. v. Wilamowitz-Möllendorff, *Aristoteles und Athen*, Bd II, Stutt., 1913, с. 13 сл.; Ed. Schwartz, ук. ст.; F. Jacoby, *F. Gr. Hist.* II C, с. 23, 30; Ero же, *Atthis. The Local Chronicles of Ancient Athens*, Oxf., 1949, с. 129 сл.) неправомерно: (См. G. L. Barber, ук. соч., с. 154 сл.; E. N. Tigerstedt, ук. соч., с. 208 сл.; Соболевский С. И., ук. соч., с. 138 сл.

⁴ *Ephoros*, frg 63—67; 186—196; ср. *Diod.*, XI, 38—XII, 40. *Just.* II. 15: III. 6.

⁵ *Diod.*, XI, 54. 5—59.

⁶ *Diod.*, XI, 44—46.

го». От первого сочинения сохранилось 20 фрагментов, от второго — 250⁷. Специальный раздел своих *Φιλίππικαὶ ἱστορίαι* (X книга) он посвятил афинским демагогам Фемистоклу, Климону и др.⁸

В отличие от Эфора Феопомп крайне недоброжелательно относится к афинской демократии. Его симпатии на стороне аристократии и Спарты. Именно поэтому он дает резко отрицательную характеристику Фемистоклу⁹. Феопомп также был одним из источников Диодора Сицилийского, Плутарха, Корнелия Непота, который, правда, называл его вместе с Тимеем «двумя очень злоречивыми писателями» (*Nep., Alcib. 11*).

Эфор и Феопомп принадлежали к риторическому направлению в греческой историографии. Стремление к отысканию истины, столь характерное для Фукидида, в их сочинениях уступает свое место риторике, что проявляется не только в способе выражения мыслей (построение красивых и эффектных фраз), но и в характере самого повествования. Так, например, постоянно высказываются одобрительные или неодобрительные мнения автора по поводу рассказываемых событий или политических деятелей; вставляются яравоучительные рассуждения, иллюстрируемые подходящими анекдотами, предпочтительно пикантного характера, а также возвышенные речи, полные романтического восхищения деяниями и доблестями предков и патетического порицания пороков и недостатков современного поколения. Влияние этого направления мы прослеживаем также у тех авторов, для которых сочинения Эфора и Феопомпа служили источником. В частности это прежде всего относится, как мы увидим ниже, к Диодору Сицилийскому.

В «Афинской политике» Аристотеля интересующие нас события описаны крайне бегло (*Arist., Ath. Pol. 23, 3; 24, 1; 25, 3—4*). Аристотель отрицательно отзываясь о Фемистокле, причем весь его рассказ о том, как Фемистокл содействовал Эфиальту в устранении власти Ареопага, носит характер анекдота и хронологически несовместим с его деятельностью.

⁷ Фрагменты Феопомпа собраны в Ф. Якоби (*F Gr Hist II B, 1929, с. 526—617* и II Л. 1930, с. 351—403). См. к этому R. Laqueur, *Theopompus*. P. E., XA, 1939; K. von Fritz, *The historian Theopompus*. *The American historical Review*, XLVI, 1940/41, стр. 765—787; E. N. Tigerstedt, *ук. соч.*, стр. 222 сл.; W. R. Connor, *Theopompus and fifth century Athens*, Camb. 1968; Соболевский С. И., *ук. соч.*, с. 140 сл.; Борухович В. Г., *Политические взгляды Феопомпа*, Уч. зап. ГГУ, вып. 66, сер. ист. фил., 1959, с. 189—197.

⁸ Τα κερὶ τῶν Ἀθηναίων δῆμαρχῶν, frg 85—100.

⁹ *Theopomp.* frg. 153—155. Ср. U. v. Wilamowitz-Möllendorff, *ук. соч.* Bd I, с. 183 сл.; Борухович В. Г., *ук. ст.*, с. 189 сл.; Соболевский С. И., *ук. соч.*, с. 140.

Итак, для характеристики событий 479—465/4 гг. мы располагаем достаточно подробными сведениями прежде всего Фукидида и Диодора Сицилийского, которые в некоторых случаях могут быть дополнены сообщениями Аристотеля, К. Непота, Плутарха, Полиэна и Юстина.

Диодор Сицилийский посвящает этим событиям 15 глав XI книги (XI. 39—47, 54—59) своего сочинения «Историческая библиотека»¹¹. Будучи современником Цезаря и Августа, Диодор отчасти сохранил для нас особенности мировоззрения своей эпохи, например, отобразив влияние стоической философии на историю (Diod., I, 1 сл.). Но главное значение Диодора прежде всего в том, что, пользуясь недошедшими до нашего времени сочинениями авторов IV в., он сообщает комплекс знаний о греческой истории, в значительной степени отличающихся от тех сведений, которые передают Геродот, Фукидид и Ксенофонт. Исследователи нового времени называют этот комплекс знаний исторической вульгатой, основывающейся на тех данных, которые введены в общий обиход наиболее популярными историческими трудами, а также произведениями знаменитых ораторов и риторов¹². Несомненно, историческая вульгата, сложившаяся в IV в. до н. э., должна была существенно отличаться от той исторической вульгаты, которая получила распространение в V в. до н. э. прежде всего потому, что она отражала взгляды, выходящие далеко за рамки полисной идеологии. Наиболее популярными сочинениями, способствовавшими утверждению этих взглядов, были сочинения Эфора и Феопомпа, о которых уже говорилось выше.

Не случайно поэтому, когда речь заходит о Диодоре Сицилийском, прежде всего возникает необходимость выявить те источники, которыми он пользовался. Впервые эта проблема была поставлена в статье Хр. Г. Гейне «Об источниках и авторитетах историй Диодора»¹³.

Со времени опубликования работы Хр. А. Фольквардзена¹⁴

¹¹ Основные издания сочинения Диодора следующие: Diodorus Siculus, Bibliotheca historica, rec. L. Dindorfus, vol. I—V, Lpz., 1866—1868; Diodorus Siculus, Bibliotheca historica, rec. Vr Fogel et C. Th. Fischer, vol I—V, Lpz., 1888—1906.

¹² Манлес М., ук. соч., с. 116, сл.; см. также рец. Э. фон Штерн, ЖМНП. 1902, нояб., отд. II, с. 207.

¹³ Chr. G. Heyne, De fontibus et auctoribus Historiarum Diodori — в кн.: P. Wesseling, Editio Bipontina, vol. I, 1773, с. XIX—CIV. Позже эта статья была перепечатана в издании Исторической библиотеки Диодора Сицилийского Л. Диндорфом.

¹⁴ Chr. Aug. Volquardsen, Untersuchungen über die Quellen der griechischen und sicilischen Geschichten bei Diodor, Buch XI—XVI Kiel, 1868; См. также Collmann, De Diodori Siculi fontibus, Leipz., Diss., 1869; C. Wachsmuth, Über das Geschichtswerk des sikelloten Diodoros, Bd I—II, Lpz., 1892. Ero же Einleitung in das Studium der alten Geschichte, с. 81—103; Ed. Schwartz, Diodoros, RE, Bd V. I, Stutt., 1903, стлб. 663 сл.

утвердилось мнение, что единственным источником греческой истории Диодора в XI—XVI книгах был Эфор. Согласно этому мнению. Диодор был не более, чем переписчиком. Такой взгляд на Диодора, также, впрочем, как и на Плутарха, был обусловлен господствовавшей тогда так называемой теорией единого источника (*Einquellentheorie*), согласно которой древние авторы, подобные Диодору или Плутарху, за основу брали какой-то один источник и слепо переписывали его, не сверяя и не комбинируя его с другими данными.

Однако вскоре была отмечена ошибочность этой точки зрения. Новые исследования показали, что состав труда Диодора намного сложнее, чем думал Хр. А. Фольквардсен. Тем не менее защитники Диодора зашли слишком далеко, стараясь подчеркнуть его обширное образование, начитанность и независимость¹⁵.

Если даже Эфор не являлся единственным, то, несомненно, он был одним из главных источников Диодора при изложении им греческой истории до середины IV в.¹⁶

Несмотря на то, что сочинение Диодора не отличается оригинальностью и чаще всего отражает взгляды тех авторов, трудами которых он пользовался, тем не менее его «Историческая библиотека» представляет собой обширный и богатый содержанием источник, без которого при изучении многих периодов греческой истории практически невозможно обойтись. Являясь в некоторой степени заменой утраченных больших и ценных исторических сочинений, Диодор иногда оказывается единственным автором, сообщаям нужные нам сведения. В других же случаях он вносит важные дополнения к тем событиям, которые получили, к сожалению, лишь краткое освещение у более ранних авторов. Так, например, события пентеконтаэтии (480—430 гг.) у Фукидида нашли

¹⁵ L. O. Bröcker, *Moderne Quellenforscher und antike Geschichtsschreiber*. Insbr., 1882; Ad. Holm, *Geschichte Siziliens im Altertum*. Bd II, Lpz., 1874, с. 342 сл.; O. Leuze, *Die römische Jahrzahlung*. Tübing., 1909, с. 78, № 107; A. Scherr, *Diodors XI Buch*, Diss., Tübing., 1933, с. VII и 27 сл.; C. H. Oldfather, *Introduction* — в кн.: *Diodorus Siculus, Works with an English transl.*, vol I, Lond. 1946, с. XVII; R. Laqueur, *Diodorea*, *Hermes*, Bd. 86, 1958, с. 257—290; Мандес М. И., укр. соч. с. I—XX; 1 сл.

¹⁶ F. Jacoby, *F. Gr. Hist.*, Bd. II, 33; Bd. IIIa, 77; A. v. Meiss, *Untersuchungen über die Arbeitsweise Diodors*, *Rh. Mus.*, 1906, с. 244—266; Kolbe, *Diodor Wert für die Geschichte der Pentekontaette*, *Hermes*, 72, 1937, с. 245 сл.; J. Palm, *Über Sprache und Stil des Diodoros von Sizilien. Ein Beitrag zur Beleuchtung der hellenistischen Prosa*, Lund., 1955; R. Drewes, *Diodorus and his Sources*, *AJPh*, vol 83, 1962, с. 383—392; E. N. Tisserstedt, укр. соч., с. 209 № 878; Бузескул В. П., *Введение в историю Греции*, Харьков, 1910, с. 113; Э. фон Штерн укр. рец., с. 198—218; Соболевский С. И., *Диодор Сицилийский* — в кн.: *История греческой литературы*, т. III, М., 1960, с. 153.

отражение в немногим более чем 30 главах, а у Диодора это целая книга (XI. 37—XII. 38).

Учитывая такое значение труда Диодора, мы считаем целесообразным предложить читателю наш перевод и историко-критический комментарий тех глав XI книги «Исторической библиотеки», в которых нашли отражение события первой декады знаменитого пятидесятилетия.

Труд Диодора переводился на русский язык лишь однажды. Однако этот перевод, выполненный братьями Алексеевыми в 1774 г., совершенно устарел. Указанные главы Диодора не переводились также и для хрестоматий. В западноевропейской литературе до сих пор отсутствует комментированное издание Диодора. Историко-критический комментарий к XI—XIII книгам его сочинения, составленный профессором Новороссийского университета М. И. Мандесом в 1901 г., как отмечал в своей рецензии Э. фон Штерн, нуждается в исправлении, кроме того, к настоящему времени он также устарел.

Перевод указанных глав XI книги «Исторической библиотеки» Диодора выполнен нами с греческого текста, изданного Фр. Фогелем и К. Т. Фишером (см. прим. 11).

Кн. XI, гл. 39.

1. В Элладе афиняне после победы при Платеях детей и женщин из Трезена и Саламина возвратили в Афины и тотчас стали обносить город стеной и делали все необходимое для укрепления его безопасности¹. 2. Лакедемоняне, будучи свидетелями того, что афиняне в морских сражениях снискали себе огромную славу, подозрительно относились к росту их могущества и пытались помешать им строить стены². 3. Итак, они тотчас отправили в Афины послов, которые должны были убедить афинян в настоящий момент не строить стены вокруг города, чтобы не принести несчастья эллинам. Ведь если Ксеркс, говорили они, снова появится с более многочисленными войсками, чем прежде, — он получит за пределами Пелопоннеса укрепленные города, пользуясь которыми, легко покорит эллинов³. Не убедив их, послы, подойдя к строителям, приказали как можно быстрее прекратить работу⁴. 4. Когда афиняне недоумевали, что нужно делать, Фемистокл, пользующийся тогда у них большим влиянием, советовал сохранять спокойствие, ибо, если они будут сопротивляться, лакедемоняне вместе с пелопоннесскими войсками легко помешают им укреплять город. 5. В совете однако тайно сказал, что сам вместе с некоторыми другими отправится в качестве посла в Лакедемон, чтобы дать отчет лакедемонянам о строительстве. Архонтам же приказал, когда из

Лакедемона прибудет посольство в Афины, задерживать его до тех пор, пока сам из Лакедемона не возвратится. В течение всего этого времени требовал общими усилиями укреплять город и, таким образом, считал, что они выполнят свое намерение⁵.

Кн. XI, гл. 40.

1. Послушав Фемистокла и отправив его во главе посольства в Спарту, афиняне с большим подъемом стали возводить стены, не щадя ни зданий, ни гробниц. Работой были охвачены и женщины, и дети, и вообще всякий чужеземец и раб, причем никто не уступал друг другу в усердии⁶. 2. Когда дела удивительно быстро подвигались к концу по причине множества рабочих рук и всеобщего усердия, Фемистокл, вызванный эфорами и подвергнувшийся упрекам из-за того, что афиняне продолжали возводить укрепления, отрицал существование стен и призывал эфоров не верить пустым слухам, но отправить в Афины наиболее заслуживающих доверия послов, и тогда, благодаря им, узнают истину. Себя же вместе с остальными членами посольства передал как заложников. 3. Лакедемоняне, поверив ему, членов посольства во главе с Фемистоклом посадили под стражу, в Афины же послали самых знаменитых наблюдателей, которым было приказано разузнать все необходимое. Когда прошло время, и афиняне успели соорудить стену на достаточную высоту, прибывших в Афины лакедемонских послов, высказывающих в их адрес угрозы и оскорбления, они арестовали, заявив, что отпустят лишь тогда, когда лакедемоняне освободят Фемистокла и остальных членов афинского посольства. 4. Таким образом, побежденные хитростью лаконцы вынуждены были освободить афинское посольство, чтобы вернуть свое. Фемистокл же с помощью такой стратегемы, быстро и безопасно укрепив родной город, добился выдающейся славы у граждан⁷.

Кн. XI, гл. 41.

1. Когда этот год закончился, в Афинах архонтом стал Адриант, а в Риме консулами были избраны М. Фабий Вибулан и Луций Валерий Публий⁸. В это время Фемистокл, благодаря искусному руководству и проницательности, получил известность не только у граждан, но и во всей Элладе. 2. Поэтому-то, воодушевленный славой, он вынашивал еще более грандиозные замыслы, предусматривающие укрепление тегемонии его родного города. Поскольку Пирей в то время еще не был гаванью, а в качестве стоянки для судов афи-

няне пользовались так называемым Фалериком⁹, и так как эта стоянка была слишком маленькой, Фемистокл решил построить порт в Пирее, который, как он считал, без больших затрат может стать прекраснейшей и величайшей гаванью в Элладе. 3. Итак, он надеялся, присоединив Пирей к Афинам, сделать город способным бороться за господство на море. Ведь Афины владели тогда большим числом триер, имели опыт ведения морских сражений и прославились благодаря достигнутым в них победам. 4. Вместе с тем он полагал, что ионийцы по причине родства поддержат афинян и с их помощью освободят и других эллинов в Азии, которых можно будет благодеяниями склонить на свою сторону. Жители всех островов с готовностью к ним присоединятся, будучи напуганы величием морских сил афинян, которые могут принести как разрушение, так и помощь. 5. При этом он видел, что лакедемоняне располагают хорошо подготовленными сухопутными силами, сражаться же на море они совершенно неспособны¹⁰.

Кн. XI, гл. 42.

1. Обдумав все это, Фемистокл решил не говорить открыто о планах, точно зная, что лакедемоняне будут всячески препятствовать их осуществлению. Поэтому, выступив на собрании перед гражданами, сказал, что желает стать для города советником и руководителем больших и полезных дел. Однако более ясно охарактеризовать их отказался, считая, что об этих планах подобает знать лишь немногим из людей. Поэтому он просил демос избрать двух человек, которым афиняне оказывают наибольшее доверие, и подучить им познакомиться с существом дела, 2. Когда граждане согласились с ним, демос избрал двух человек — Аристида и Ксантиппа, отдав им предпочтение не только по причине их доблести, но и потому, что были соперниками Фемистокла в славе и первенстве и из-за этого относились к нему недоброжелательно. 3. Они, услышав лично от Фемистокла о его замысле, объявили народу, что сказанное им принесло бы народу многие выгоды и могущество. 4. Так как народ восхищался этим человеком и вместе с тем боялся, как бы он с помощью таких и столь великих замыслов не установил тиранию, то требовал, чтобы он ясно рассказал о своих планах. Фемистокл же снова сказал, что не принесет пользы народу открытое разъяснение его планов. 5. Когда народ еще больше был изумлен могуществом и благопазумием этого человека, то было постановлено, чтобы он тайно изложил свои мысли в совете, и если совет решил бы, что то, о чем он говорит, необходимо и полезно, то пусть бы тогда по-

советовал, как осуществить его замысел. 6. Поэтому, когда эти дела стали известны совету в деталях и он постигнул, что сказанное Фемистоклом необходимо и полезно для города и, наконец, после того, как демос вместе с советом пришел к единому мнению, он получил право делать то, что желает. Каждый покидал народное собрание, восхищаясь доблестью этого человека и вместе с тем будучи взволнованным и напряженно ожидающим осуществления его плана¹¹.

Кн. XI, гл. 43.

1. Фемистокл, получив право на осуществление своих замыслов и имея все необходимое для начала строительства, снова решил перехитрить лакедемонян. Он знал наверняка, что, как и в случае укрепления города стеной, лакедемоняне старались помешать, так и при сооружении гавани они попытаются воспрепятствовать афинянам в осуществлении их намерения. 2. Фемистокл решил отправить в Спарту послов, которые должны были объяснить, насколько полезно с точки зрения общеэллинских интересов иметь крупную гавань ввиду предстоящего похода персов. Таким образом, притупив подозрительность лакедемонян и отразив их попытку помешать осуществлению его планов¹², сам взялся за дело и, благодаря ревностному труду, строительство гавани было закончено в удивительно короткий срок¹³. 3. Он убелил народ к имеющимся кораблям ежегодно добавлять по 20 триер, метеков же и ремесленников освободить от налогов, чтобы большая масса людей прибыла отовсюду в город и они с охотой стали бы заниматься многими ремеслами. И то, и другое, он считал, будет полезным для создания морского могущества. Итак, афиняне занимались осуществлением этих планов¹⁴.

Кн. XI, гл. 44

1. Лакедемоняне, назначив Павсания, который командовал войсками в битве при Платеях, навархом, приказали ему освободить эллинские города, в которых еще стояли варварские гарнизоны¹⁵. 2. Он, взяв 50 триер из Пелопоннеса¹⁶, 30 триер, присланных афинянами под командованием Аристиды¹⁷, сначала поплыл на Кипр и освободил те города, которые еще находились под контролем персов. 3. После этого, отправившись в Геллеспонт, он захватил Византий, управляемый персами, и одних из варваров истребив, других изгнав, освободил город. Взяв в плен в Византии многих знатных персов, он передал их под стражу Гонгялу из Эретрии: на словах—для осуществления казни, на деле же—для поз-

вращения их Ксерксу. Он так поступил, потому что находился в тайной дружбе с царем и намеревался взять в жены дочь Ксеркса, чтобы предать Элладу. 4. Посредником же во взаимоотношениях Павсания с царем был персидский стратег Артабаз. Он тайно доставил Павсанию много денег, чтобы с их помощью подкупить склонных на это эллинов¹⁸. Это обнаружилось, и Павсаний был наказан следующим образом. 5. Поскольку он подражал персидской роскоши и относился к подчиненным как тиран¹⁹, все страдали от этого, и особенно те из эллинов, которые были назначены в качестве командиров. 6. Поэтому, когда в самом войске, а также в отдельных общинах и в городах люди встречались друг с другом и жаловались на гнет Павсания, пелопоннесцы, оставив его, поплыли на родину и отправляли в Спарту посольства с обвинениями в его адрес. Аристид же, афинянин, умело используя обстоятельство, устраивал в городах совещания и благодаря личным связям склонил их на сторону афинян²⁰. Еще более афинянам помог случай.

Кн. XI, гл. 45

1. Павсаний заботился о том, чтобы те, которые доставляли от него письма к царю, не возвращались обратно и не смогли разоблачить его тайну. По этой причине, поскольку получатель писем уничтожал вестников, никто из них не возвращался живым. 2. Поразмыслив об этом, некий письменосец распечатал письма и, узнав истину, а именно то, что касалось убийства доставителей грамот, передал письма эфорам. 3. Поскольку они не поверили, так как письма он передал им распечатанными, и требовали более серьезного доказательства, почтальон пообещал им, что в качестве улики представит собственное признание Павсания. 4. Поэтому, отправившись в Тенар и войдя в храм Посейдона, он поставил палатку с двумя комнатами, куда пригласил эфоров и других спартиатов. Когда явился Павсаний и спросил его о причине приглашения, почтальон стал порицать его за то, что он требовал в письме его убийства. 5. После того, как Павсаний признался, раскаялся, просил прощение, умоляя его хранить тайну и обещая ему за это щедрые дары, они разошлись. Эфоры и те, которые были с ними, в точности узнав истину, тогда хранили молчание. Позже, когда лакедемоняне оказали поддержку эфорам, Павсаний, предчувствуя беду и желая ее предупредить, бежал в храм Афины Меднодомной. 6. В то время, как лакедемоняне были в затруднении, называть ли нашедшего убежище в храме богини, говорят, что мать Павсания, подойдя к святилищу и ни слова не говоря,

взяла кирпич и положила его у входа в храм. 7. Сделав это, она вернулась к себе домой. Лакедемоняне, следуя решению матери, замуровали вход, и, таким образом, Павсаний умер от голода. Итак, решено было тело умершего передать для погребения родственникам. 8. Божество же разгневалось из-за умерщвления в храме ищущего спасения, поэтому, когда лакедемоняне по какому-то другому поводу в Дельфах вопрошали оракула, бог дал прорицание, требуя возвратить богине умоляющего о защите. 9. Спартиаты же, считав, что прорицание неосуществимо, в течение долгого времени были в недоумении, не зная, каким образом исполнить повеление бога. Тем не менее, посоветовавшись, наконец, приняли решение приготовить две медных статуи Павсания и посветили в храм Афины²¹.

Кн. XI, гл. 46.

1. Мы, имея обыкновение возвеличивать доблесть благородных мужей похвальными речами и высказывать соответствующие упреки в адрес тех, кто поступает дурно, не оставим зло и предательство Павсания без осуждения. 2. Ведь кто не удивился бы безумию того человека, который, став благодетелем Эллады, одержав победу в битве при Платеях и совершив много других похвальных дел, не только не сохранил заслуженный авторитет, но, полюбив богатство и роскошь персов, опозорил некогда благородное имя? 3. Гордясь успехами, он впал в высокомерие и, возненавидев лаконский образ жизни, стал подражать персам в роскоши и распущенности, хотя он менее всего должен был следовать обычаям варваров, потому что не от других слышал, но сам испытал на опыте, насколько отеческий образ жизни по причине своего нравственного превосходства отличается от распущенности персов. 4. Однако не только сам в результате собственного порока понес достойное наказание, но и для граждан стал виновником потери господства на море²². Напротив же, деятельность Аристиды по отношению к союзникам благодаря мягкому обхождению с подчиненными и честности привела к тому, что они все как бы единым порывом склонились в пользу афинян²³. 5. Поэтому-то с посланными из Спарты руководителями²⁴ афиняне уже более не считались, но, восхищаясь Аристидом и во всем ему с готовностью подчиняясь, они без всякой борьбы захватили господство на море.

Кн. XI, гл. 54.

1. В архонтство в Афинах Праксерга, в Риме консулами стали Авл Вергиний Трикост и Гай Сервилий Структ. В это время элейцы, живущие в многочисленных и маленьких селе-

ниях, объединились в один город, который они назвали Элидой²⁵. 2. Лакедемоняне, видя, что Спарта потеряла могущество из-за предательства стратега Павсания, а афиняне пользуются уважением, потому что у них ни один гражданин не был обвинен в предательстве, решили выдвинуть подобного рода обвинения против афинян²⁶. 3. Поэтому, поскольку Фемистокл у них был в почете и славился своей доблестью, лакедемоняне обвинили его в предательстве дела эллинов, утверждая, что он был большим другом Павсания и вместе с ним сообща замыслил предать Элладу Ксерксу²⁷. 4. Лакедемоняне вступили в контакт с врагами Фемистокла, подстрекая их к обвинению, и дали им деньги, убеждая в том, что Павсаний, решив предать Элладу, сообщил о своем замысле Фемистоклу и предложил разделить с ним его намерение. Фемистокл же не принял предложение, но и не посчитал нужным разорвать дружбу с этим человеком²⁸. 5. Тем не менее, хотя враги Фемистокла выступили с обвинениями против него, он тогда избежал осуждения. Потому-то сначала после оправдания пользовался у афинян огромным авторитетом, так как граждане очень уважали его за совершенные деяния. Затем, одни, боясь его возвышения, другие, завидуя его славе, забыли о его благодеяниях и стремились умалить его влияние и благородство²⁹.

Кн. XI, гл. 55.

1. Сперва его изгнали из города, применив к нему так называемый ostracism, который был введен в Афинах после освобождения города от тирании Писистратидов. Сущность этого закона заключалась в следующем³⁰. 2. Каждый из граждан на черепке писал имя того человека, которого считал более всего способным свергнуть демократию. Тот, кто получал наибольшее количество черепков, должен был покинуть родину и уйти в изгнание на пять лет³¹. 3. Афиняне решили принять этот закон не для того, чтобы наказать зло, но чтобы ослабить с помощью изгнания влияние тех, кто пользовался огромной властью. Итак, Фемистокл, указанным способом подвергшийся ostracismу, бежал из Афин в Аргос³². 4. Лакедемоняне, узнав об этом и стремясь воспользоваться удобным моментом, чтобы погубить Фемистокла, снова отправили в Афины посольство, обвиняя Фемистокла в том, что он вместе с Павсанием был соучастником предательства эллинов. Они также утверждали, что приговор за все преступления, совершенные против Эллады, нужно выносить не отдельно в Афинах, но на общем собрании эллинов, которое обычно созывалось в это время³³. 5. Фемистокл, видя, что лакедемоняне стремятся опозорить город афинян и ослабить его, а афиняне со своей стороны желают опровергнуть выдвигае-

мое обвинение, полагал, что его выдадут общему собранию. 6. Что касается суда, то он чувствовал, что суд будет несправедливым, но угодным лакедемонянам. На это указывали многие факты, в том числе и решение, принятое в отношении афинян и жителей Эгины, когда выбирали лучших из эллинов. Ведь организаторы собрания так враждебно были настроены к афинянам, что не признали их лучшими среди других эллинов, несмотря на то, что они доставили больше трофеев, чем все участники сражений. 7. Поэтому Фемистокл не верил сюнедрам. Тем более, что лакедемоняне использовали его предыдущее оправдание в Афинах как повод для нового обвинения против него. 8. Тогда Фемистокл, защищаясь, признавал, что Павсаний посылал к нему письма, предлагая быть соучастником предательства, и, пользуясь таким важнейшим доказательством, утверждал, что Павсаний не призывал бы его, если бы с его стороны не было возражений³⁴.

Кн. XI, гл. 56.

1. Поэтому, как мы уже отметили³⁵, он бежал из Аргоса к Адмету, царю молоссов³⁶, и, прибегнув к алтарю, стал просить его об убежище. Царь сперва его ласково принял, советовал не падать духом и вообще обещал позаботиться о его безопасности. 2. Однако когда лакедемоняне, отправив к Адмету посольство, состоящее из знатнейших спартиатов, потребовали выдачи Фемистокла, называя его предателем и разрушителем всей Эллады, и, кроме того, говорили, что вместе со всеми эллинами объявят Адмету войну, если он не выдаст его, тогда царь, боясь угроз, но имея чувство сострадания к просителю и желая избежать позора его выдачи, убеждал Фемистокла как можно скорее тайно бежать от лакедемонян и дал ему много золота, необходимого в изгнании³⁷. 3. Фемистокл, отовсюду гонимый, приняв золото, ночью покинул территорию молоссов после того, как царь ему все приготовил для побега. Повстречав двух юношей из рода линкестов, занимающихся делами торговли и поэтому знающих хорошо дорогу, вместе с ними бежал. 4. Совершая путь ночью, он скрывался от лакедемонян. Пользуясь расположением юношей, которые помогли ему преодолеть всякие невзгоды, он, наконец, достиг Азии³⁸. Здесь, имея частного гостеприимца по имени Лиситид, известного своей славой и богатством, нашел у него убежище. 5. Лиситид же был другом царя Ксеркса и во время его прихода дал угощение всему войску персов. Поэтому, находясь в близких отношениях с царем и желая спасти Фемистокла из сострадания к нему, пообещал все уладить. 6. Так как Фемистокл настаивал, чтобы его ввели к Ксерксу, то Лиситид сперва возражал, убеждая его, что он по-

несет наказание от персов за совершенные дела. После этого, находя полезным прибытие Фемистокла к персидскому царю, поступил ему и необычно и безопасно препроводил его в Персию. 7. Был у персов обычай, чтобы тот, кто ведет наложницу к царю, доставлял ее в закрытой коляске, и никто из встречаемых не имел права разузнавать или выяснять ее внешность. Этим удачно воспользовался Лиситид для выполнения своего замысла. 8. Приготовив роскошную коляску, украшенную дорогими коврами, он посадил в нее Фемистокла и в безопасности доставил к царю³⁹. Соблюдая осторожность, взял у царя заверение не поступать несправедливо с этим человеком. Когда Фемистокл был введен к царю и тот, дав ему слово, понял из его речи, что он не совершил ничего несправедливого, поэтому освободил Фемистокла от наказания⁴⁰.

Кн. XI, гл. 57

1. Казалось, Фемистокл уже получил удивительное спасение из рук врага, как вдруг снова оказался еще в большей опасности, вызванной следующей причиной. Мандана, дочь Дария, убившего магов, была родной сестрой Ксеркса и очень влиятельной у персов. 2. Она потеряла всех своих сыновей в то время, когда Фемистокл разгромил персидский флот в сражении при Саламине и тяжело переносила утрату детей. Поэтому тяжесть ее горя у многих персов вызывала к ней сочувствие. 3. Узнав о прибытии Фемистокла, она пришла во дворец, одетая в траурные одежды, и со слезами на глазах стала упрашивать брата покарать Фемистокла. Поскольку он оставил ее просьбу без ответа, она обратилась к наиболее знатным из персов и весь народ в целом побуждала отомстить Фемистоклу. 4. Когда толпа собралась у дворца и с криком требовала жизни Фемистокла, царь ответил, что назначит суд из наиболее знатных персов, который и вынесет окончательное решение. 5. После того, как все согласились и было дано достаточно времени для подготовки суда, Фемистокл выучив персидский язык и воспользовавшись им для защиты, был оправдан⁴¹. 6. Царь, чрезвычайно обрадованный спасению Фемистокла, почтил его большими дарами. Он дал ему в жены персянку, отличающуюся красотой и благородством и славящуюся своей добродетелью. Предоставил ему много слуг, различные кубки и другое богатство как для повседневного употребления, так и для роскоши. Подарил также ему три города, необходимых для жизни и развлечений: Магнезию на реке Меандр, — величайший из городов в Азии, богатый хлебом, — на хлеб; Мянунт — на приправу, так как море около него изобиловало рыбой, и, наконец, Лампсак с прилегающей к нему обширной территорией, засаженной виноградниками — на вино⁴².

Кн. XI, гл. 58

1. Итак, Фемистокл, освободившись от страха, который ему внушали эллины, нежданно изгнанный теми, кого он более всего облагодетельствовал и, получив покровительство у тех, кому принес неисчислимые страдания, провел в этих городах всю оставшуюся жизнь, владея для своего удовольствия всеми благами. Умер он в Магнезии, где еще теперь сохранился замечательный и достойный упоминания памятник⁴³. 2. Некоторые из источников говорят, что Ксеркс, стремясь снова выступить в поход против Эллады, приглашал Фемистокла быть командующим. Фемистокл же, согласившись, взял у царя клятвенное заверение, что без него он не выступит против Эллады. 3. Когда был принесен в жертву бык и даны клятвы, Фемистокл выпил килик, наполненный кровью, и тотчас умер. Итак, как они утверждают, Ксеркс, отказавшись от своего замысла, Фемистокл же своей смертью дал прекраснейшее доказательство того, что он с честью поступал, как подобает гражданину, во всех делах, касающихся эллинов⁴⁴. 4. Таким образом, мы подошли к концу жизни величайшего среди эллинов мужа, о котором многие спорят сам ли он, поступив несправедливо по отношению к родному городу и другим эллинам, бежал в Персию или, напротив, афиняне и остальные эллины, облагодетельствованные Фемистоклом, предав забвению величие его деяний, поступили несправедливо со своим благодетелем, подвергнув его крайним опасностям. 5. Если бы кто-нибудь, действуя беспристрастно, захотел тщательно исследовать природные свойства этого человека и его поступки, то нашел бы, что как в том, так и в другом он превзошел всех тех, о которых мы упоминали прежде. Поэтому поистине каждый был бы удивлен тем, что афиняне сами решили избавиться от столь гениального человека.

Кн. XI, гл. 59

1. Ведь кто другой в то время, как Спарта была наиболее могущественным государством и руководство флотом принадлежало спартиату Эврибиаду, своими действиями лишил Спарту этой славы? Кого другого мы бы отметили, который одним действием снискал себе первенство среди предводителей, свой город сделал выдающимся среди эллинских городов, самим же эллинам помог превзойти варваров в доблести? Какой другой полководец подвергся тем большим опасностям, чем меньше для этого он имел поводов? 2. Кто, выступив вместе с жителями разоренного города против всего войска, пришедшего из Азии, одержал победу? Кто в мирное время великими деяниями способствовал укреплению могущества родного города? Кто, наконец, когда великая война вспыхну-

с новой силой, спас отечество, хитростью уменьшив сухопутное войско врагов, так что оно стало легко одолимым для эллинов. 3. Поэтому, если мы будем рассматривать величие его подвигов в совокупности и каждый его поступок в отдельности, то найдем, что он претерпел позор от города, который прославился благодаря его деяниям. Мы также должны будем признать, что по истине самый опытный и справедливейший из всех городов по отношению к нему оказался самым несправедливым. Итак, хотя мы, восхваляя доблесть Фемистокла, уклонились слишком далеко, тем не менее нам удалось недостойным обойти молчаньем величие его славы.

Комментарий

1. 478 г. до н. э. см. Diod., XI, 38; ср. Thuc., I, 89, 3. К этому см. Бикерман, Хронология Древнего мира, пер. с англ., М., 1976, с. 204. Диодор посвящает рассказу о строительстве стен в Афинах две главы двенадцатой книги (XI, 39—40). Сообщение Фукидида об этом см. I, 3—93, 2. Этот эпизод нашел отражение также у Плутарха (Them. и Корнелия Непота (Them. 7).

2. Ср. Thuc., I, 90, 1.

3. Диодор не сообщает, руководствовались ли спартанцы искренним стремлением к безопасности эллинов, запрещая афинянам строить стены, или это была уловка, с помощью которой они хотели помешать росту афинского могущества. Во всяком случае, у Диодора между содержанием второго и третьего параграфов 39 главы наблюдается некоторое противоречие. Фукидид (I, 90, 2), как и Диодор, (XI, 39, 3) отмечает, что спартанцы отправили посольство в Афины с требованием не возводить стены. Однако в отличие от Диодора Фукидид подчеркивает, что лаконяне, скрывая от афинян свои цели и подозрения, неискренне заботились о безопасности эллинов. Тем не менее мы не видим необходимости противопоставлять версии Диодора и Фукидида, как это делает Я. Лурье (Плутарх, Избранные биографии, перев. С. Я. Лурье, М.—Л., 1951, Фемист. 19, прим. 112). Скорее всего, перед нами неудавшаяся попытка Диодора соединить между собой версии Фукидида и Эфора, который, как мы уже отмечали, был, по-видимому, одним из главных источников, по крайней мере, в этом разделе.

4. Это сообщение, как и следующее (Diod., XI, 39, 4), является отклонением от версии Фукидида. В содержании этих сведений легко проследывается антиспартанская тенденция. Диодор мог найти эти сведения у Эфора.

5. Ср. замечание Демосфена (Leptin. 73) о том, что Фемистокл прежде изложил афинянам свой план обмана спартанцев, который рассматривал, с одной стороны, задержание его вместе с посольством в Спарте, с другой, — арест афинянами членов спартанского посольства. К этому см. М. Мандес, ук. соч., с. 124). Это замечание свидетельствует о том, что такое представление о хитрости Фемистокла было господствующим в IV в. до н. э., и Диодор мог узнать о нем из Эфора.

6. Сходство в выражениях Диодора (XI, 40, 1) и Фукидида (I, 90) свидетельствует о том, что Диодор, или его источник, руководствовались текстом Фукидида.

7. Сообщение Диодора (XI, 39, 5—40, 1—4) представляет собой сокращенный вариант с некоторыми изменениями версии Фукидида (I, 90,

3—92). Отличительной чертой рассказа Диодора является подчеркивание враждебных отношений между Спартой и Афинами (см. (Diod., XI: 40, 23).

Утверждение Феопомпа (= Plut., Them. 19) о том, что Фемистокл откупился деньгами от противодействия со стороны эфоров, больше нигде не встречается и является легендой (см. С. Я. Лурье, ук. соч., Ферм. 19, прим. 112; Н. Bengtson, ук. соч., с. 190, прим. 1).

Попытки некоторых исследователей (J. Beloch, Griechische Geschichte, Bd. II, 2, с. 149 сл. и E. V. Stern, Hermes, Bd. 39, 1904, с. 43) сообщение Фукидида и Диодора о быстром возведении афинских стен отнести в разряд легенды получили отрицательную оценку в современной литературе (см. W. Wrede, Attische Mauern, 1933, с. 10, Abb. 22—23; Н. Bengtson, ук. соч., с. 191, прим. 2; Колобова К. М., Древний город Афины и его памятники, М., 1961, с. 83—84).

8. 477 г. до н. э., ср. Э. Бикерман, ук. соч., с. 204.

9. Бухта в Фалерском заливе и один из демонов в Аттике (см. Strab., XI. 1, 21; 24, ср. Колобова К. М., ук. соч., с. 86 сл.).

10. Рассказ Диодора о строительстве Пирея очень отличается от рассказа Фукидида как по объему (у Фукидида этому посвящена небольшая 93 глава I книги. Диодор же излагает свой материал в трех главах (41—43), так и по содержанию. При этом нужно отметить, что логику рассказа Фукидида Диодор не нарушает. Он, подобно Фукидиду, считает строительство гавани, так же, как и строительство стен результатом политики Фемистокла, направленной на утверждение господства Афин на море и укрепление их могущества. Более того, утверждение Диодора о том, что Фемистокл выбрал именно Пирей для строительства порта, так как считал, что в силу удобного расположения этой местности можно без больших затрат построить прекраснейшую и величайшую гавань в Элладе (Diod., XI. 41, 2), совершенно не расходится с мнением Фукидида, который говорит, что местность эту с тремя естественными гаванями Фемистокл находил прекрасной (Thuc., I. 93, 3).

Вместе с тем, Диодор, по-видимому, руководствуясь теми сведениями, которые он почерпнул у Эфора, развивает краткую мысль Фукидида

(I. 93, 3: «φορῶν... αὐτοῦ» μαθητικὸς τελευτήτων μετὰ κροφίρετιν ἕς τὸ κτῆσι-

δαι βουαίην» в длинное рассуждение, которое, к сожалению, нарушило логику его собственного рассказа. Так например, он, начав характеристику причин, побудивших Фемистокла и афинян строить гавань, вдруг стал рассказывать о том, какими возможностями обладали афиняне, чтобы добиться гегемонии на море. Здесь так же, как и в предыдущем случае, мы, по-видимому, имеем неудавшуюся попытку Диодора объединить риторическое рассуждение Эфора с кратким сообщением Фукидида.

11. В отличие от Фукидида Диодор считает, что строительство гавани, так же, как и строительство стен, было осуществлено благодаря хитрости Фемистокла.

По-видимому, уже в IV в. был распространен анекдот о том, что Фемистокл имел тайное намерение сжечь верфь и флот эллинов (ср. Plut., Them. 20; Arist. 22). Эфор, который был, несомненно, одним из главных источников Диодора при изложении им отмеченных выше событий, не принимает во внимание этот анекдот. Возможно, этот сюжет у Плутарха был позаимствован из сочинения Феопомпа, дающего, как мы уже могли видеть, отрицательную характеристику деятельности Фемистокла. Вместе с тем, некоторые детали этого анекдота Диодор как его источник использует для построения своего рассказа о строительстве гавани Пирея и роли в этом мероприятии Фемистокла.

Диодор начинает свой рассказ сообщением о том, что Фемистокл, воодушевленный достигнутой славой, вылаживал еще более грандиоз-

замысли, предусматривающие укрепление гегемонии Афин. Точно же начинается упомянутый выше анекдот, рассказанный Плутархом (Plut., Them. 20).

В рассказе Дiodора использована и другая деталь этого анекдота. Согласно Плутарху, Фемистокл, не желая предавать широкой огласке свои замыслы, по требованию афинян изложил их сущность Аристиду, который признал для Фемистокла сжечь греческий флот полезным для Афин, но незаконным.

У Дiodора эта деталь использована с некоторыми отклонениями. Так, например, в его рассказе говорится о том, что Фемистокл сам обратился к демосу с просьбой избрать двух человек, которым он мог бы сообщить о существовании своего замысла. Народ избрал для этой цели Аристиду и Ксантиппа (Diod., XI. 42, 1—2).

Далее мы находим у Дiodора сообщение о недоброжелательном отношении афинского демоса к Фемистоклу (Diod., XI. 42, 3—6). Это сообщение можно рассматривать в связи с последующими главами его сочинения (XI, 54—59), где говорится об изгнании Фемистокла из Афин и бегстве его в Персию. Вместе с тем это сообщение позволяет предполагать, что Дiodор имел под руками материалы (например, сочинение Демоломпа), освещающие деятельность Фемистокла с враждебных позиций.

12. Рассказ Дiodора о строительстве гавани завершается описанием хитрости Фемистокла, с помощью которой он якобы притупил подозрительность лакедемонян и отразил их попытку помешать афинянам. Весь обман Фемистокла заключается в том, что он предлагал спартамцам объединить силами построить большой порт, в котором находился бы флот для борьбы с персами (XI. 43, 1—2).

Это сообщение Дiodора нарушает логику предыдущего рассказа. Становится непонятным, почему нужно было Фемистоклу скрывать этот план от своих собственных граждан. По-видимому, и в этом случае мы должны признать, что Дiodору не хватило изобретательности, чтобы объединить все известные ему версии об этом событии (ср. М. Мандес, ук. соч., с. 128).

13. Утверждение Дiodора о том, что строительство гавани было закончено в удивительно короткий срок (XI. 43, 2), противоречит сообщению Фукидиды, согласно которому начало строительства было положено еще в год архонства Фемистокла в 493/2 г. (Thuc., 93, 2). Описание застройки остальной части Пирея у Фукидиды, в отличие от его рассказа о сооружении стен не создает впечатления поспешной работы (Thuc., I. 93, 3—8).

Большинство современных исследователей считают, что работы по сооружению гавани в Пирее продолжались в течение 70-х годов V в. до н. э. (см. Н. Bengtson, ук. соч., с. 191; J. Boringer, *The Athenian Navy in the Classical Period. A Study of Athenian Naval Administration and Military Organisation in V—IV b. c.*, Berkeley, 1975). Коблова К. М. (см. ук. соч., с. 90) считает, что строительство оборонительных стен вокруг Пирея осуществлялось быстрыми темпами.

14. Сообщение Дiodора (XI. 43, 3) о том, что Фемистокл убедил афинян ежегодно к имеющимся кораблям добавлять по 20 триер, а также метеков и ремесленников освободить от налогов, имеет важное историческое значение и является ценным дополнением к Фукидиду.

15. В соответствии с тем порядком изложения материала, который представлен у Фукидиды (I. 94—95), Дiodор переходит к рассказу об изгнании и падении спартанского наварха Павсания (XI. 41—47).

М. Мандес (ук. соч., с. 130) неточно называет Павсания царем. Павсаний не был царем. Он был опекуном малолетнего сына Лисониды, действующего наварха (см. Her., IX, 10; Paus., III. 4. 7).

Аргументы против гипотезы, согласно которой Павсаний был царем

перед тем, как Плейстарх достиг положенного возраста, приводит Г. Шефер (H. Schaefer, Pausanias, R. E. XVIII, 4, Stuti., 1949, столб. 2564).

Содержание рассказа Дiodора в значительной степени расходится с тем, что сообщает Фукидид. Все описываемые события Дiodор относит к 477 году (см. Diod., XI. 41—47), что явно противоречит Фукидиду и всей известной традиции. Действия Павсания на Кипре и взятие Византия относятся к 478 г. (Thuc., I. 94). В 477 г. Павсаний был отозван из Византия спартанцами (Thuc., I. 95). Через некоторое время он снова отправился в Византию уже частным образом (Thuc., I. 128). Правда, некоторые современные исследователи (например, A. W. Gomme, A Historical Commentary on Thucydides, I, Oxf., 1945, с. 433; Паршиков, Павсаний и политическая борьба в Спарте, ВДИ № 1, 1968, с. 135) считают, что поездка Павсания была официальным поручением спартанских властей, которое тщательно скрывалось. В 476 г. Павсаний был изгнан афинянами из Византия (Thuc., I. 131, 1, ср. H. Bengtson, ук. соч., с. 192). Ч. Фонара (Ch. W. Fornara, Some Aspects of Career of Pausanias of Sparta, Historia, XV, 1966, с. 267 сл.) предлагает вернуться к прежней датировке изгнания Павсания из Византия в 472/71 гг., которая основана на сообщении Юстина (IX. 1), утверждавшего, что Павсаний удерживал в своих руках Византию в течение 7 лет. Однако У. фон Вилламовитц (U. v. Wilamowitz-Moellendorf, Aristoteles und Athen, I, 1893, с. 145, прим. 40) считал это место испорченным.

После изгнания Павсаний, не возвращаясь в Спарту, поселился в Троийских Колонах и жил там до 469 г., пока, наконец, эфоры не потребовали его возвращения на родину (Thuc., I. 131, 1, ср. H. Bengtson, ук. соч., с. 197). Через некоторое время после этого Павсаний погиб (Thuc., I. 132—134). Г. Бенгтсон (H. Bengtson, ук. соч., с. 197) и П. Олива (P. Oliva, Sparta and her Social Problems, Pt., 1971, с. 151—152) считают 467 г. предположительной датой смерти Павсания (дискуссионную литературу по этому вопросу см. в книге П. Оливы (ук. соч., с. 151, прим. 2).

16. Фукидид (I. 94) называет всего 20 пелопоннесских кораблей.

17. Фукидид не знает о том, что Аристид командовал афинскими кораблями в этой экспедиции. Он вообще не называет других командующих, кроме Павсания (Thuc., I. 94). Факт участия Аристида в этих событиях стал известен в IV в. до н. э. из сочинения одного из аттидографов, возможно, Андротикона (см. Arist., Ath. Pol., 23, 3; Plut., Arist. 24; К. Нер., Arist. 3 ср. J. H. Schreiner, Aristotle and Perikles, Osloae, 1968; E. N. Tigerstedt, ук. соч., с. 128, прим. 981).

18. Рассказ Дiodора о возвращении Павсанием пленников, захваченных в Византии, Ксерксу через посредство зретьяца Гонгила и об установлении тайных связей Павсания с царем благодаря посредничеству Артабаза не противоречит свидетельству Фукидида (I. 128). Правда, Фукидид дословно цитирует письмо Павсания царю (I. 128, 6—7). Дiodор же, хотя и не упоминает о письме, тем не менее кратко передает его содержание (XI. 44, 3). О переписке Павсания с персидским царем было известно и Плутарху (Themist., 23), источником которого был, возможно, Эфор (см. Лурье С. Я., ук. соч., Фемист., 23, прим. № 133).

Вопрос о достоверности писем Павсания персидскому царю до сих пор является дискуссионным. В пользу аутентичности переписки высказываются, например, G. Busolt, Griechische Geschichte, Bd. III, I, с. 66; Ed. Meyer, Geschichte des Altertums, Bd. IV, I, с. 482, прим. 1; St. Вазлупакі, О автентичности Korespondencyi Pausaniassa z Kserksem, «Еов», 6. 1900, с. 113—117; H. Schaefer, Pausanias, R. E. XVIII, 4, 1949, столб. 2577. Другие исследователи считают эту переписку апокрифичной (см. Reuther, Pausanias, Diss., Münst., 1902, с. 23 сл.; Р. Пельман, Очерк греческой истории и источниковедения, Сиб., 1970, с. 148, пр. 1;

H. Bengtson, *Griechische Geschichte*, с. 192, прим. 3; Ch. W. Fornara, *ук. ст.*, *Historia*, XV, 1966, № 3, с. 261 слл.; Паршиков А. Е., *ук. ст.*, ВДИ, № 1, 1968, с. 129).

Гипотеза У. Карштеда (U. Karstedt, *Sparta und Persien in der Pentekontetie*, *Hermes*, 56, 1921, с. 320 слл.) о том, что спартанцы через посредничество Павсания заключили в Византии сепаратный мир с Персией, не получает подтверждения в источниках (см. об этом Н. Bengtson, *ук. соч.*, с. 193; его же, *The Greeks and Persian from VI to the IV b. c.*, Lond., 1968).

Согласно Диодору, Павсаний намеревался взять в жены дочь Ксеркса, чтобы предать Элладу. Эту же мысль сообщает Фукидид, цитируя письмо Павсания (Thuc., I. 128, 7). В ответном письме, согласно Фукидиду (Thuc., I. 129, 3), Ксеркс принимает все предложения регента и через Артабазу посылает ему деньги. Диодор и в этом случае передает лишь краткое содержание ответа Ксеркса (Diod., XI. 44. 4). Сообщение Фукидида и Диодора о намерении Павсания взять в жены дочь Ксеркса находится в некотором противоречии с данными Геродота (V. 32), которому неизвестна переписка Павсания с царем, а известие об обручении регента с дочерью Мегабата из рода Ахеменидов он рассматривает как слух, причем сомневается в его достоверности. С точки зрения персидских обычаев, дочь царя или знатного перса из царского рода должна была выходить замуж за представителя персидской знати, и Павсаний не мог стать ее мужем (К. J. Veloch, *ук. соч.*, с. 156; Дьяконов И. М., *История Мидии*, М.—Л., 1956, с. 423).

19. Диодор, указывая на то, что Павсаний подражал персидской роскоши и поступал с подчиненными как тиран, фактически дает сокращенный пересказ более детального рассуждения у Фукидида (I. 95, 1: 132, 1—3). По-видимому, эти сведения Фукидида и Диодора вполне достоверны, тем более, что они получают подтверждение у более раннего автора Геродота (VIII. 3; IX. 82, ср. Н. Bengtson, *ук. соч.*, с. 192).

Литературная традиция о *у́βρις* Павсания в IV в. была приукрашена деталями. Это нашло отражение у Плутарха в его биографии Аристиды (Arist. 23). Правда, источник Плутарха точно не установлен (см. G. Busolt, *Griechische Geschichte*, Bd. III, 1, с. 32).

20. Вопрос о том, кто из союзников проявлял недовольство действиями Павсания, Фукидид и Диодор освещают по-разному. Согласно Фукидиду (I. 95, 1—4), недовольство действиями Павсания проявляли все эллины, но особенно ионийцы и все те, которые незадолго перед этим освободились от персидского ига. Вместе с тем Фукидид отмечает, что из всех союзников только пелопоннесцы остались верны Павсанию и Спарте, остальные перешли на сторону Афин (Thuc., I. 95, 4: «...καὶ τοῖς ἑσπέραιοις τῷ ἑαίῳ ἐίδει κατ' Ἀθηναίους μεταβαίνειν κληῖ τῶν ἀπὸ Πελοποννήσου στρατιῶτων»).

Диодор же сообщает, что против Павсания выступали те из эллинов, которые являлись командирами (XI, 44, 5), пелопоннесцы, отказавшиеся подчиниться ему и отправившие в Спарту посольства с обвинениями в его адрес, и ионийские города, которые Аристид склонил на сторону афинян (XI. 44, 6).

Характерной особенностью сообщения Диодора является подчеркнуто враждебное отношение к Спарте (даже пелопоннесцы отказались поддерживать Павсания). По-видимому, этот материал, отличный от того, что сообщает Фукидид, Диодор нашел у Эфора (см. E. N. Tigerstedt, *ук. соч.*, с. 218, прим. № 983).

Краткая характеристика деятельности Аристиды (XI. 44, 6), направленной на создание союза городов во главе с Афинами, является хоро-

шим дополнением к рассказу Фукидида об оформлении Делосской симмахии (Thuc., I. 95—96). О роли Аристиды — одного из основателей делосской симмахии — можно получить дополнительные сведения у Аристо-теля (Ath. Pol. 23, 3—5) и Плутарха (Plut., Arist. 23—25; Κίρον. 5).

21. Рассказывая о наказании Павсания, Диодор объединяет оба гудебных процесса против него, о которых сообщает Фукидид (I. 95, 3—5; 131—134), в один. Это объясняется жесткими рамками его хронологии. Как уже отмечалось, все события, связанные с деятельностью Павсания, согласно Диодору, происходят в течение одного года. Однако такое соединение оказалось натянутым и лишенным внутренней логики (ср. Diod., XI. 44, 3—4 и 44, 5—6; 45).

Диодор опускает сообщение Фукидида о том, что Павсаний второй раз уже после того, как был отозван спартянцами, отправился в Гелеспонт и сначала укрепился в Византии, а затем, изгнанный афинянами, переселился в Колону, откуда эфоры его вновь возвратили на родину. Поэтому из его рассказа неясно, когда и каким образом Павсаний вернулся в Спарту.

По крайней мере две фразы в тексте Диодора указывают на то, что он стремился в угоду своим целям соединить растянутые на несколько лет сведения Фукидида, допуская при этом известные сокращения

(см. Diod., XI. 44, 4: „εὐμετο δὲ καταφανῆς καὶ τιμωρίας εὐταξίας τοῖσδε τινὶ τροπῶν.“ и 44,5: „εἰτι δὲ μᾶλλον συνήρτην καὶ τὸ αὐτομάτου τοῖς Ἀθηναίοις διὰ ταύτας τὰς αἰτίας“).

Рассказ Диодора о разоблачении Павсания (XI. 45) в целом не противоречит Фукидиду (I. 132, 5—134), однако и в нем есть значительные расхождения. Первое из них — это эпизод с матерью Павсания (Diod., XI. 45, 6—7; см. также Her., Paus. 5 и Polyaepr., Strat. VIII, 51, 1). Источником Диодора в этом случае, по-видимому, был Эфор (см. E. N. Tigerstedt, ук. соч., с. 218, прим. 984).

Другим отклонением является сообщение об ответе оракула. Согласно Диодору, Аполлон требовал возвратить умоляющего о защите в храм (Diod., XI. 45, 8). Фукидид (I. 134, 4) же говорит, что дельфийское божество требовало перенести гробницу Павсания на то место, где он умер, и возвратить в храм 2 теля вместо одного, так как то, что совершили лакдемоняне, считалось кощунством.

Известие Диодора об ответе оракула происходит не из сочинения Фукидида. Это известие Диодор не совсем удачно пытается привести в соответствие с сообщением Фукидида о посвящении лакдемонянами двух статуй Павсания в храм Афины Меднодомной.

Таким образом, весь рассказ об измене и падении Павсания у Диодора составлен на основе контаминации по крайней мере двух источников, а именно Фукидида и Эфоза.

Главной причиной гибели Павсания, согласно Диодору, являлось его предательство. В отличие от Фукидида (I. 132, 4—5) Диодор совершенно не упоминает о связях Павсания с илотами. Это объясняется тем, что когда Фукидид собирал материал для своей книги, у спартянцев были еще свежи воспоминания о землетрясении и восстании мессенских илотов, поэтому и ходили слухи о том, что Павсаний поддерживал какие-то отношения с илотами, причем Фукидид уверен, что эти слухи вполне обоснованы, потому что Павсаний действительно обещал илотам свободу и гражданские права, если они примут участие в восстании (Thuc., I. 132, 4).

В IV в. до н. э. события восстания илотов уже не представляли столь значительного интереса. Вместе с тем, в связи с возникновением доктрины панэллинства всякие сношения с персами рассматривались как

предательство общеэллинских интересов. Поэтому Диодор, пользуясь литературой IV в., выдвигает в качестве главной и единственной причины гибели Павсания его предательскую связь с персами.

Отношение ученых нового времени к вопросу о предательстве Павсания и в частности трактовка эпизода с почталлоном Аргиллем, показания которого являлись якобы основой для смертного приговора регенту, не отягчаются единодушием. Некоторые исследователи предательство Павсания считают совершенно бесспорным фактом (см. G. Busolt, *Griechische Geschichte*, III, I, с. 66 сл., 70, 98—100; Ed. Meyer, *Geschichte Altertum*, III, 1, Stutt., 1937, с. 512; САН, vol V, 1935, с. 66 сл.; H. Schaefer, RE, XVIII, 4, 2567 сл.; J. Vogt, *Zu Pausanias und Caracalla*, Hist., 18, 1969, с. 302; Невская В. П., *Византий в классическую и эллинистическую эпоху*, М., 1953, с. 65 сл.).

Другие рассматривают предательство Павсания как факт недоконченный (см. G. Dickins, *The Growth of Spartan Policy*, JHS, 32, 1912, 34; K. J. Beloch, *Griechische Geschichte*, II, 2, Strassb., 1916, с. 155; W. Norvin, *Eunomia*, CM, Bd. 3, 1940, с. 116; J. Wolski, *Pausanias et le probleme de la politique spartiate (480—470)*, Eos, 47, 1956, с. 76 сл.; A. Lippold, *Pausanias von Sparta und die Perser*, RM 108, 1965, с. 335 сл.; C. W. Fornara, укр. ст., *Historia*, 15, 1966, с. 265 Н. Bengtson, укр. соч., с. 192 сл.; Паршиков А. Е., укр. ст. ВДИ № 1, 1968, с. 129, 135; P. Oliva, укр. соч., с. 147 сл.).

По-видимому, правы те исследователи, которые рассматривают деятельность Павсания как результат внутриполитической борьбы в Спарте (см. P. Пельман, *Очерк греческой истории и источниковедения*, Спб., 1910, с. 150; J. Wolski, *Atheny i Sparta w okresie wojen Perskich*, Meander, XVIII, 1963, N 5, с. 189 сл.; A. R. Burn, *Pausanias, Neue Beiträge zur Geschichte des Alten Welt*, Bd. I, B, 1964, с. 185 сл.; Bengtson, укр. соч., с. 196 сл.; E. N. Tigerstedt, укр. соч., с. 146 сл.; Паршиков А. Е., укр. ст., ВДИ, № 1, 1968, с. 131 сл.).

Вместе с тем мы считаем отрицание конфликта между эфоратом и царской властью в Спарте, встречающееся в работах некоторых исследователей (P. Cloché, *Sur le rôle des rois de Sparte*, LEG, 1949, с. 113—138; 343—381; A. Andrewes, *The Government of Classical Sparta*, in: «Ancient Society and Institutions», *Studies pres. to V. Ehrenberg*, Oxf., 1967, с. 8—10; J. Hahn, *Aspekte des spartanischen Außenpolitik im V. Jahrh.*, *Acta Antiqua Academiae Scientiarum Hungaricae*, vol. XVII, 3—4, 1969, с. 285—296; Невская В. П., укр. соч., с. 65 сл.; Паршиков А. Е., укр. ст., с. 135—136) необоснованным и противоречащим существующей литературной традиции.

²² Диодор заканчивает свой рассказ о Павсании осуждением (φύσις) его корыстолюбия и предательства. Во вступлении мы отмечали, что такого рода осуждения и восхваления (εὐχόμεναι) являлись характерной чертой историографии IV в. н. несомненно, правы те исследователи, которые считают, что данный φύσις Диодор почерпнул у Эфора (см. Chr. Aug. Volquardsen, укр. соч., с. 48; Ed. Schwartz, *Diodoros*, RE, Bd V:1, стлб. 681 E. N. Tigerstedt, укр. соч., с. 218, прим. № 985). Едва ли можно согласиться с утверждением А. Шера (A. Scherr, *Diodoros XI Buch*, стр. 18 сл.), что Диодор сам составил его.

²³ Антиподом Павсания был Ариствид, а не Фемистокля, как у Фукидида. Его деятельность послужила предметом для энкомия, по-видимому, также позаимствованного у Эфора (Chr. Aug. Volquardsen, укр. соч., с. 49 E. N. Tigerstedt, укр. соч., с. 218, прим. 986). Утверждение М. Мандеса (укр. соч., с. 132) о том, что Диодор сам составил этот энкомий, маловероятно.

²⁴ Доркис с товарищами (ср. *Thuc.*, I, 95, 6).

²⁵ 471 г. до н. э. ср. Э. Бикерман, ук. соч., с. 204.

²⁶ Рассказ о падении Фемистокла у Диодора в значительной степени отличается от того, что говорит Фукидид (I, 135—138). Вместе с тем текст Диодора можно проверить, сравнив его со сведениями Плутарха (*Them.* 22 сл.: *De malign. Herod.* 5) и К. Непота (*Them.* 8 сл.). Фукидид, начиная свое повествование, отмечает, что сразу же после гибели Павсания между Афинами и Спартой началась распри. Инициаторами выступали афиняне, потребовавшие изгнания из Спарты лиц, причастных к казни Павсания. Спартянцы, в свою очередь, отправили в Афины посольство с обвинениями против Фемистокла, утверждая, что он был замешан в деле Павсания.

При этом, как утверждает текст Фукидида (I, 135, 3), лакедемоняне обвинили Фемистокла в то время, когда он уже был подвергнут изгнанию остракизмом и жил в Аргосе. Сообщение Фукидида дает основание считать, что со времени его изгнания остракизмом и до прибытия его в Азию прошло несколько лет.

Большинство исследователей датируют остракизм Фемистокла 472/71 г. (см. Р. Пельман, ук. соч., с. 154; E. Walker, *CAH*, vol V, с. 62 сл.; H. Bengtson, ук. соч., с. 197). Дату 474/73 г., которую предлагает Р. Ленардон (R. L. Leonard, *The Chronology of Themistokles Ostracism and Exile*, *Historia*, VIII, 1959, с. 23). Г. Бенгтсон (ук. соч., с. 197) отвергает.

Поскольку лакедемоняне выступали с обвинениями против Фемистокла после гибели Павсания, а сам Фемистокл, покинув Элладу, прибыл в Азию в то время, когда там воцарился Артаксеркс, т. е. в 465 (*Thuc.*, I, 137, 3), то можно предположить, что интересующие нас события охватывают промежуток времени в течение 2—3 лет.

Диодор так же, как и в случае с Павсанием, всю историю обвинения и изгнания Фемистокла рассматривает как событие одного года. Различия между Диодором и Фукидидом касаются не только хронологии, но и характеристики самих событий. Уже с самого начала повествования Диодора мы встречаем в его тексте элементы риторики (антитезу) и нравственно-этические сентенции (XI, 54, 2).

Кроме того, в отличие от Фукидида, склонного объективно излагать факты, у Диодора буквально с самого начала его рассказа прослеживается антиспартанская тенденция. Все это позволяет согласиться с мнением современных исследователей о том, что источником Диодора в данном случае был Эфор (см. G. Busolt, *Griechische Geschichte*, Bd III, стр. 108; Ed. Schwartz *Diodoros*, *RE*, V, стлб. 679 сл.; M. Манделс, ук. соч., с. 17 сл.; E. N. Tigerstedt, ук. соч., с. 219, прим. 989).

²⁷ Во всей известной нам литературной традиции (*Thuc.*, I, 135, 3; *Plut.*, *Them.*, 23; *Nep.*, *Them.* 8) спартянцы после смерти Павсания выступили с обвинением против Фемистокла в то время, когда он подвергся остракизму и проживал в Аргосе. Правда, у Фукидида об этом сказано очень кратко, но в IV в. эта версия стала более пространной и ее детальное изложение с указанием имени обвинителя, содержащих обвинения и предпринимаемых Фемистоклом действий для своего оправдания мы встречаем у Плутарха (*Them.* 23).

Диодор же сообщает (XI, 54, 3), что лакедемоняне дважды обвиняли Фемистокла в предательстве дела эллинов. В первый раз это имело место в то время, когда он жил в Афинах и находился в почете. Происхождение этой версии неизвестно. Возможно, прав М. Манделс (ук. соч., с. 139), рассматривающий это свидетельство Диодора как его собственное измышление.

Главной причиной, побудившей лакедемонян выдвинуть обвинение против Фемистокла, согласно Диодору, была зависть по отношению к Афинам, у которых ни один гражданин не был уличен (XI, 54, 2) в измене. Не отрицая влияния этого психологического фактора, следует при-

знать, что подлинной причиной выступления спартианцев против Фемистокла являлась, как считают современные исследователи, его попытка создать в Пелопоннесе антиспартианскую коалицию (Thuc., I, 135, 3 ср. С. Я. Лурье, ук. соч., Фемист. 23, прим. 131; H. Bengtson, ук. соч., с. 197).

²⁰ Мысль Диодора (XI, 54, 4) о том, что лакедемоняне действовали в контакте с врагами Фемистокла, используя подкуп и убеждение, и подстрекали их к выступлению против него, получает некоторое подтверждение у Фукидида (см. I, 135, 2—3) и Плутарха (Them. 23), который называет даже имя обвинителя Фемистокла: Леобота, сына Алкмеона из дема Аргкмы. С. Я. Лурье с доверием относился к этому сообщению Плутарха, отмечая, что оно восходит к своду постановлений народного собрания, составленному в III в. Кратером (см. С. Я. Лурье, ук. соч., Фемист 23, прим. 132).

²¹ Как уже отмечалось выше, Диодор (XI, 54, 5) вопреки существующей литературной традиции считал, что обвинение лакедемонян в адрес Фемистокла имело место в то время, когда он находился в Афинах. В соответствии с этой его версией Фемистокл якобы в этот раз был оправдан. По-видимому, Диодор к тому источнику, которым пользовался также и Плутарх, прибавил свои собственные измышления.

Диодор (XI, 54, 5) так же, как К. Непот (Them, 8) и Плутарх (Them, 22), объясняет ostracism Фемистокла завистью афинян. По-видимому, это объяснение восходит к литературе IV в. (ср. замечание Демосфена в речи «против Аристократа» (205), согласно которому причиной изгнания Фемистокла было то, что он превозносился перед гражданами).

²² Институт ostracism являлся одним из законодательств Клисфена и был введен в 507 г. Однако впервые он был применен, согласно Аристотелю (Arist., Ath. Pol. 22), только через 20 лет, «когда народ стал уже чувствовать уверенность в себе» (см. лит. G. Busolt-H. Swoboda, Griechische Staatskunde, II, 1926, с. 884 сл.; J. Carcopino, L'ostracisme Athenien, 2 Aufl., Par., 1934; O. W. Reinmuth, Ostrakismos, RE XVIII, Stutt., 1942, 1674 сл.; Ch. Hignett, A. history of Athenian constitution, ostracism, Hesperia 30, 1961, с. 393—401; H. Bengtson, ук. соч., с. 145; Thomesen, The origin of Ostracism. A. synthesis, Copenhagen, 1972).

²³ Подвергнувшийся ostracismу в Афинах, изгонялся на 10 лет, причем в голосовании черепками должно было участвовать не менее 6 тыс. человек (Philostr., (= FHG. I, 396).

Диодор, утверждающий, что подвергнувшийся ostracismу, уходил в изгнание на 5 лет, по-видимому, смешивает афинский институт с подобным институтом в Сиракузах (Diod., XI, 87, 1), где срок изгнания ограничивался 5 годами.

²⁴ Цель ostracismа Диодор объясняет в том же духе, как Аристотель (Ath. Pol. 22, 3) и Плутарх (Them. 22).

²⁵ Второе обвинение лакедемонян в адрес Фемистокла, о котором говорит Диодор, по-видимому, и являлось единственным обвинением, зафиксированным во всей остальной литературной традиции.

Согласно Фукидиду, лакедемоняне и афиняне требовали, чтобы Фемистокл был доставлен на суд в Афины (Thuc. I, 135, 3). Однако в IV в. распространилось мнение, что лакедемоняне настаивали на том, чтобы Фемистокл предстал не перед афинским судом, но перед судом конгресса панэллинской лиги. Эта идея нашла свое отражение у Диодора (XI, 55, 4) и Плутарха (Them, 23). Современные исследователи предпочитают мнение Фукидида.

²⁶ Пространное суждение Диодора о том, почему Фемистокл не верил сюедам панэллинского конгресса и боялся, что афиняне выдадут его общему суду эллинов, в остальной имеющейся традиции не встречается. Хотя некоторые детали позволяют думать, что Диодор был знаком с традицией IV в. (например, мысль о том, что суд над Фемистоклом, дол-

жен осуществляться на общем собрании эллинов (см. Плутарх (Them., 23), по-видимому, и в этом случае Диодор, руководствуясь некоторыми из тех сведений, которые он почерпнул у Эфора, дополнил их своими собственными рассуждениями. |

³⁵ Ссылка Диодора XI. 56, 1; «*ἡροστράτου*...» не подтверждается текстом. Диодор нередко дословно воспроизводит свой источник, не пропуская даже ссылок и выражений, которые в устах его источника понятны и умственны, а в устах Диодора оказываются бессмысленными (с. Diod., III. 41).

³⁶ Вся известная традиция от Фукидиде (I. 136, 1) до Плутарха (Them. 24) отмечает, что Фемистокл, покинув Аргос, сначала бежал на остров Коркиру. Диодор пропускает эту промежуточную стадию пребывания Фемистокла на Коркире, что, по-видимому, объясняется его жесткими хронологическими рамками. По-видимому, событий, которые необходимо было охарактеризовать Диодору, оказывалось слишком много для одного года.

³⁷ Рассказ о пребывании Фемистокла у царя Адмета встречается во всей известной нам литературной традиции. Правда, версия Фукидиде (I. 136) в литературе IV в. была дополнена деталями, почерпнутыми из аттидографов (ср. Plut., Them. 24). Диодор же передает лишь общее содержание того рассказа, который получил в древности столь широкое распространение. Некоторые детали, встречающиеся у Фукидиде и у Плутарха, Диодор опускает.

³⁸ Отметив в соответствии с имеющейся традицией, что Фемистокл вынужден был покинуть царя Адмета, скрываясь от спартацев и афинян, требующих его выдачи, Диодор тем не менее опускает подробности бегства Фемистокла, которые мы встречаем у Фукидиде (I. 138; см. также Нер., Them. 8) и Плутарха (Them. 25). Вместе с тем он рассказывает версию о 2-х юношах из рода ахейцев, которые помогли Фемистоклу во время бегства преодолеть всякие невзгоды. По-видимому, эти юноши помогли Фемистоклу добраться до Пидны (ср. Thu., I. 137, 1; Нер., Them. 8; Plut., Them. 25). Правда, эта версия не повторяется ни у Фукидиде, ни у Плутарха, и установить ее происхождение невозможно. Подробности того, каким образом Фемистокл достиг Азии, известные нам из произведений Фукидиде (I. 137, 2—3) и Плутарха (Them. 25—26), Диодор опускает.

³⁹ Рассказ Диодора о Лиситиде содержит детали, которые позволяют сравнить его с рассказом Геродота о Питее (Her., VIII. 27) и Плутарха — о Никогене (Plut., Them. 26). Фукидиде (I. 137), не называя имени, говорит, что некий перс провел Фемистокла в глубь материка. Что касается имени Лиситид, отличного от тех, которые приводят Геродот и Плутарх, то нам представляется вполне правильным объяснение М. Мандеса (М. Мандес, ук. соч., с. 143). Рассказ о том, как Фемистокл был доставлен к персидскому царю, близкий по содержанию у Диодора (XI. 56, 7) и у Плутарха (Them. 26), по-видимому, является историческим анекдотом с бродячим сюжетом. |

⁴⁰ Вопрос о том, какой персидский царь принял Фемистокла, Ксеркс или Артаксеркс, являлся спорным уже в древности (см. Plut., Them. 27; Нер., Them. 9) Фукидиде (I. 137, 3) и Хэрон Лампсакский (= Plut., Them. 273) общаются, что Фемистокл был принят Артаксерксом. Эфор (= Diod., XI. 56, 7) и ряд других авторов, которых перечисляет Плутарх, утверждали, что Фемистокл прибыл к самому Ксерксу. Современные исследователи отдадут предпочтение сообщению Фукидиде (см. Н. Bengtson, ук. соч., с. 198).

⁴¹ Рассказ Диодора о Мандане и об успешной защите Фемистокла перед судом персидской знати не имеет вариантов, и поэтому установить его происхождение невозможно.

⁴² Среди даров, полученных Фемистоклом от царя, Диодор, в соответствии с общепринятым мнением у древних авторов, называет три города Магнезию, Лампсак и Мнунт (ср. Thuc., 1. 138, 5; Nep., Them. 10; Plut., Them. 29). Современные исследования отмечают правильность этого сообщения древних авторов (см. С. Я. Лурье, ук. соч., Фем. 29, прим. № 167—169; H. Bengtson, ук. соч., с. 196).

⁴³ О памятнике Фемистокла в Магнезии см. Thuc., 1. 138, 5; Nep., Them. 10, Plut., Them., 32. Памятник этот изображал Фемистокла, стоящего с бокалом в руке, перед статуей Артемиды. Рядом была изображена голова быка (см. С. Я. Лурье, ук. соч., Фемист. 32, прим. № 179).

⁴⁴ О смерти Фемистокла в древности высказывались по-разному. Это нашло отражение уже у Фукидда (1. 138, 4), который, утверждая, что он умер от болезни, вместе с тем не отрицает слуха, согласно которому, якобы Фемистокл добровольно выпил яд, так как считал невозможным выполнить данные царю обещания (см. также Nep., Them. 10). Версия о самоубийстве Фемистокла была также известна Аристофану (см. Всадники, 83—84).

Происхождение этой версии, как нам представляется, правильно объясняет С. Я. Лурье (см. ук. соч., Фемист. 21, прим. 174). Во-первых, у греков было суеверное представление о том, что, если человек сразу выпьет чашу бычьей крови, то умрет (см. напр. Плиний старш., Естествоистор., XI. 90).

Во-вторых, греки, видевшие памятник Фемистокла в Магнезии, толковали его таким образом, что Фемистокл собирается пить из чаши, наполненной бычьей кровью, хотя в действительности голова быка символизировала жертвоприношение, а чаша — возлияние Артемиде.

Версия о самоубийстве Фемистокла получила распространение в IV и последующие века, потому что она была более романтической и давала почву для моральных выводов. Эту версию можно было разукрасить трагически и риторически. Следы подобной обработки ее мы отчетливо видим у Диодора, источником которого, по-видимому, в данном случае служил Эфор.

⁴⁵ Рассказ Диодора завершается эхом в честь Фемистокла, который он также, несомненно, нашел у Эфора (см. Ed. Schwartz, RE, Bd. V:1, стлб. 681; E. N. Tigerstedt, ук. соч., с. 219, прим. 990):

КУЛЬТ БОГИНИ ДЕВЫ В ХЕРСОНЕСЕ

Л. А. Пальцева

Среди греческих колоний Северного Причерноморья Херсонес занимает особое место. Это единственная колония дорийцев на северном побережье Понта Эвксинского. Другой особенностью Херсонеса было то, что основание его произошло через 100—150 лет после того, как прекратился основной поток греческих колонистов. К числу специфических особенностей, которые отличали Херсонес, относится и почитание здесь божества, известного под именем *Παρθένας* — Дева.

Дошедшие до нас сведения о культе Девы настолько кратки и разновременны, что не дают возможности ответить на все возникающие в этой связи вопросы. Особенно ощутим пробел в литературных источниках. У писателей эллинистического периода не сохранилось сведений о херсонесской Деве; таким образом, сообщение Страбона о существовании в Херсонесе святилища Девы является самым ранним из дошедших до нас литературных свидетельств¹. Со ссылкой на Страбона о святилище Девы в Херсонесе сообщает Стефан Византийский². Ряд интересных топографических подробностей встречается в изданных В. В. Латышевым житиях херсонесских епископов³. Во всех редакциях житий упоминается пещера Парфенон, названная так, без сомнения, потому что она была посвящена богине Деве. В некоторых редакциях житий упоминается «храм идола Парфения», что является отголоском существования в Херсонесе храма Девы.

Итак, литературные источники констатируют, хотя и с большим опозданием, факт существования в Херсонесе культа Девы и наличие в городе мест, связанных с культом этой богини. О том, какое место занимала Дева в жизни города, о некоторых особенностях ее почитания дают представление

¹ Strabo, VII, 4, 2.

² Steph. Byz., *Εθνικά* s. v. Παρθενου τερου.

³ Латышев В. В. Жития св. епископов херсонесских. Исследования и тексты. Зап. Имп. АН по истор. — фил. отд., т. 8, № 3, СПб, 1906.

эпиграфические источники, которые отчасти восполняют пробел в источниках литературных. Среди надписей, относящихся к культу Девы, есть посвящения от частных лиц, декреты и почетные надписи; хронологически они охватывают период с IV в. до н. э. по II в. н. э.

Херсонес был основан выходцами из Гераклен Понтийской в последней четверти V в. до н. э. Акад. А. И. Тюменев, проанализировав сообщения, содержащиеся в трудах античных авторов, пришел к выводу, что город мог быть основан лишь в 422/421 гг. до н. э.⁴ Вывод А. И. Тюменева подтвержден археологическим материалом конца V — начала IV в. до н. э., обнаруженным в ранних слоях херсонесского городища.

Мы не располагаем данными о том, какие культы принесли с собой первые колонисты из метрополии. Наиболее ранние сведения о культе Девы восходят к IV в. до н. э. К этому времени относятся три посвятельные надписи, упоминающие богиню⁵. Наличие посвящений Деве является косвенным свидетельством существования уже в IV в. до н. э. храма Девы, где должны были помещаться посвящения богине. Прямые указания на существование в Херсонесе храма Девы относятся к более позднему времени (III в. до н. э.).

Есть основания предполагать, что уже в IV в. до н. э. Дева занимает главное место в херсонесском пантеоне. Весьма показательны, что среди монетных типов раннего Херсонеса ведущая роль принадлежит Деве. Начало херсонесской монетной чеканки Зограф относит ко второму—третьему десятилетию IV в. до н. э., считая наиболее ранней серию серебряных монет — драхм и меньших номиналов — с профильным изображением головы Девы на лицевой стороне, рыбы и палицы — на оборотной⁶. Эти монеты не на много времени предшествуют серии более крупных серебряных монет с головой Девы в фас на лицевой стороне и бодающим быком — на оборотной.

С середины IV в. до н. э. появляются новые монетные типы Девы, дающие возможность проследить развитие иконографического образа богини. Характерно, что Дева мыслится в образе воинственной богини-охотницы, постоянными атрибутами которой являются лук, колчан со стрелами и олень. Олень как атрибут Девы впервые появился в монетной типологии Херсонеса в наиболее ранней серии медных монет, относящейся к середине IV в. до н. э. Дева изображена сидящей в спокойной позе, в руках у нее стрелы, рядом стоит

⁴ Тюменев А. И. К вопросу о времени и обстоятельствах основания Херсонеса, ХЭ, 1, ВДИ, 1938, 2.

⁵ ЮСРЭ, 1², №№407, 408, 409.

⁶ Зограф А. Н. Античные монеты, МИА, № 16, М.-Л., 1951, с. 146.

олець. На некоторых монетах второй половины IV в. до н. э. типом оборотной стороны служит фигура Девы, убивающей оленя. В этой композиции богиня изображена в стремительном движении, вполоборота к зрителю. Стремительность движения подчеркивает развевающийся короткий хитон; правой рукой, в которой зажат дротик, богиня поражает лежащего у ее ног оленя.

Доминирующая роль Девы в монетной типологии Херсонеса с самого начала монетной чеканки является, по-видимому, отражением того факта, что Дева уже в начале IV в. до н. э., т. е. вскоре после основания города, занимала ведущее место среди херсонесских культов. Таким образом, уже в IV в. до н. э. мы имеем дело со сложившимся иконографическим образом богини, что предполагает длительное развитие этого образа в предшествующий период.

Дальнейшее развитие иконографического типа Девы особенно наглядно отразилось в монетных сериях конца IV—III вв. до н. э. Если для первой половины и середины IV в. характерно изображение Девы в спокойной, нератической позе («Дева, сидящая на троне», «сидящая Дева со стрелами и оленем», «коленопреклоненная Дева»), то постепенно в ее образе начинают доминировать черты воинственности. Впервые эта тенденция проявилась во второй половине IV в. в образе Девы, убивающей оленя. Тип Девы, убивающей оленя, встречается и на аверсе медных монет, относящихся к первой половине III в. до н. э.

Указанная тенденция развития образа Девы на монетах не случайна. Она обусловлена изменением функций богини в новых исторических условиях.

III в. до н. э., особенно его первая половина, был для Херсонеса временем его наибольшего экономического расцвета. Ближайшая округа города — Гераклеяский полуостров — была освоена Херсонесом около середины IV в. до н. э. Спустя некоторое время Херсонес распространяет свое влияние и в Северо-Западном Крыму. Первым шагом в этом направлении было подчинение Керкинитиды во второй половине IV в. На рубеже IV—III вв. Херсонес основывает на территории Северо-Западного Крыма множество укрепленных пунктов, крупнейшим из которых был Калос Лимен. Обширная сельскохозяйственная территория в Северо-Западном Крыму составляла основу экономического процветания Херсонеса в III в. Херсонесская присяга⁷ показывает, насколько озабочен был Херсонес сохранностью этой территории. Беспокойство было не напрасным. Именно в III в., когда

⁷ IOSPE, I², № 402.

в Крыму образуется скифское государство со столицей в Неаполе, возникает реальная угроза не только владениям Херсонеса, но и самому городу. Постоянная напряженность существовала и в отношениях Херсонеса с его ближайшими соседями — таврами, не раз совершавшими набеги на ближайшие окрестности города. Этим была вызвана необходимость сооружения в сельскохозяйственных усадьбах Гераклейского полуострова сильно укрепленных башен, сложенных из крупных каменных блоков. В условиях постоянно растущей опасности меняется роль Девы. В глазах херсонесцев она становится богиней — защитницей города и его владений.

На доминирующую роль Девы в городском пантеоне вполне определенно указывает херсонесская присяга. Дошедший до нас текст присяги по палеографическим и орфографическим признакам Латышев относит к первой половине III в. до н. э. или к концу IV в. до н. э., но язык надписи указывает, что основной текст ее был составлен гораздо раньше, возможно, даже в V в. до н. э.⁸ Дошедший до нас экземпляр присяги был, вероятно, обновленной редакцией более древнего документа, составленной под влиянием новых событий, внешних и внутренних перемен в политической жизни Херсонеса. Начальные строки документа представляют клятвенную формулу, которую можно считать древнейшей частью присяги: «Клянусь Зевсом, Землею, Солнцем, Девой, богами и богинями Олимпийскими и героями, которые владеют городом, землей и укреплениями херсонесцев...». Те же боги призываются и в конце присяги: «О Зевс, и Земля, и Солнце, и Дева, и Олимпийские боги!» Обращение к Зевсу, Земле и Солнцу как к носителям высшей справедливости, блюстителям верности клятвы, является традиционной для греков клятвенной формулой. Эти боги призываются и в известном договоре Херсонеса с Фарнаком⁹.

Непосредственно за именами этой триады в присяге следует обращение к Деве, и лишь затем призываются боги и богини Олимпа и местные герои. Порядок, в каком перечисляются имена божеств в клятве, указывает на преобладающее значение Девы в херсонесских культах. Как уже указывалось, это было связано с ее функцией богини-воительницы, защитницы города и его владений от усиливающейся внешней опасности. В связи с этим большой интерес представляет надпись второй половины III в. до н. э., изданная

⁸ Толстой И. И. Остров Белый и Таврика на Эвксинском Понте, Сгр. 1918, с. 93—94.

⁹ IOSPE, 12, № 402

и дополненная В. В. Латышевым¹⁰. Приводим перевод ее основного текста: «...чтобы хорошо было устроено у граждан служение богине Деве и явился воздающим ей подобающую благодарность за оказанную помощь народ херсонесский, прежде спасенный ею от величайших опасностей, и ныне, когда отправились жители с детьми и женами на несение Диониса и набег совершили неожиданно соседние варвары...». Сохранившаяся часть надписи представляет собой мотивирующую часть декрета, перечисляющую заслуги Девы. Появлению декрета предшествовало, видимо, значительное для Херсонеса событие, каковым, судя по сохранившейся части надписи, было спасение херсонесцев во время набега варваров на загородную процессию горожан во время праздника Диониса. Здесь, как и во всех ранних херсонесских надписях, мы встречаемся с нерасчлененным термином «варвары». Опыт показывает, что в каждом конкретном случае нужно исходить из реальной обстановки времени, чтобы определить, кто скрывается под «варварами» херсонесских надписей — тавры, скифы, или те и другие вместе. Первые конкретные указания на тавров и скифов появляются в херсонесской эпиграфике лишь в конце II в. до н. э.¹¹ Думается, что в данном случае под «соседними варварами» следует подразумевать тавров, ближайших соседей города, которые, будучи оттесненными за пределы Гераклеяского полуострова не раз совершали набеги на его территорию. Обращает на себя внимание тот факт, что, хотя речь идет об отражении набега варваров, декрет посвящен не защитникам города, а издак специально в честь богини Девы. Именно ей приписывали херсонесцы свое спасение. В декрете содержится указание на то, что помощь Девы в данном случае не была первым событием такого рода — и прежде она не раз спасала народ от величайших опасностей. К сожалению, мотивирующая часть декрета сохранилась не полностью, и мы не можем сказать, в чем конкретно проявилась чудесная помощь богини. Постановляющая часть декрета, также не сохранившаяся, должна была указывать, какими мероприятиями херсонесцы решили почтить свою богиню. Судя по тому, что декрет был предложен финансовыми магистратами (ο επι τα δημοκταξιας и ταμιας) и номофилаками, можно предположить, что это было связано с большими расходами, например, на постройку или ремонт храма, сооружение статуи и т. д.

¹⁰ IOSPE, 12, № 343. См. тж. Латышев В. В. К вопросу о культе богини Девы в Херсонесе Таврическом, Сборник статей в честь проф. В. П. Бузескула, Харьков, 1914, с. 206—211.

¹¹ IOSPE, 12, № 352.

Помощи Девы херсонесцы приписывали не только свои победы над таврами. Декрет, изданный в честь херсонесского историка Сирииска¹², свидетельствует, что с явлениями Девы херсонесцы связывали многие события истории города. Декрет предлагает почитать Сирииска, сына Гераклида, и то, что он описал явления Девы и прочел свое произведение, очевидно, в народном собрании. Наряду с описанием чудес Девы в труде Сирииска излагаются договорные отношения Херсонеса с царями Боспора и греческими городами. Такое содержание труда Сирииска, разумеется, не случайно. Чудеса, творимые Девой, были настолько тесно связаны с военной и политической историей Херсонеса, что, обратившись к ним, Сирииск не мог не коснуться этих аспектов внешней политики города. Как было справедливо отмечено М. И. Ростовцевым¹³, Сирииск не мог опираться лишь на устную традицию о чудесах Девы; несомненно, для своего труда он использовал официальные документы и храмовые записи о явлениях богини. Совет и народное собрание предлагают почитать Сирииска золотым венком во время праздника Дионисий и сделать провозглашение в его честь, а надпись с копией декрета поставить в пронаосе храма Девы.

М. И. Ростовцевым было впервые высказано предположение о внутренней связи этого памятника с упоминавшейся выше надписью о набеге тавров. О том, что обе надписи близки хронологически, свидетельствует тот факт, что оба указанных декрета предложены одним и тем же лицом — Гераклидом, сыном Парменонта. Учитывая, что Сирииск был сыном Гераклида, Ростовцев предположил¹⁴, что декрет в честь Сирииска предложен его отцом. Аналогичную ситуацию, когда отец предлагает почитать венком собственного сына, мы находим в Линдийской хронике¹⁵. Как уже упоминалось, постановляющая часть декрета о набеге тавров должна была содержать указание на конкретные мероприятия, которыми следовало почитать богиню. Возможно, спасение горожан во время набега тавров послужило поводом к описанию всех чудесствующих случаев помощи богини и в декрете предлагалось почитать богиню опубликованием посвященного ей литературного произведения. Работа по составлению и обнародованию этого сочинения была выполнена Сирииском, видимо, по заказу города.

¹² IOSPE, 12, № 344.

¹³ Ростовцев М. И. Сирииск — историк Херсонеса Таврического, МНП, 1915, апрель, отд. классич. филологии, с. 155.

¹⁴ Ростовцев М. И. Сирииск — историк Херсонеса Таврического, 1915, с. 53.

¹⁵ Ch. Blinkenberg, La chronique du temple Lindien. Explor. de Rhodes. Fondation Carlsberg VI. Oversigt over det Kgl. Danske Selskabernes selskabs forhandling, 1912, N 5/6, 322.

Возрастание веры херсонесцев в чудеса, творимые Девой, вера в ее заступничество и помощь городу были обусловлены тем, что Херсонес все чаще испытывал затруднения в области военной и, как следствие этого, экономической. В III в. до н. э. возросла активность скифов. В первую очередь она была направлена на завоевание принадлежавшей Херсонесу территории в Северо-Западном Крыму. Есть основания предполагать, что уже в III в. до н. э. со стороны скифов производились попытки овладеть этой территорией. Отзвуки этих событий дошли до нас в тексте херсонесской присяги, которая обязывает не предавать Керкинитиду, Калос Лимен и прочие укрепления, а также территорию, которой херсонесцы владеют или владели, ни эллину, ни варвару. Как неоднократно указывалось различными исследователями¹⁶, упоминание в присяге эллинов и варваров не случайно. Очевидно, и те, и другие имели какое-то отношение к попытке отторгнуть от Херсонеса его владения. Если мы вспомним, что уже в конце IV в. до н. э. скифы активно вмешиваются в политические дела греков, поддерживая одну из борющихся группировок на Боспоре¹⁷, и сопоставим эту возросшую активность скифов с их постоянными притязаниями на северо-западные районы Крыма, будет вполне правомерно видеть в «варварах» присяги именно скифов. Характерно, что в тексте присяги говорится о территории, которой херсонесцы владеют или владели (*ελληνων τε, βαρβαρων τε*). По-видимому, ко времени составления присяги какую-то часть завоеванной территории Херсонес уже утратил. В целом, однако, в III в. до н. э. скифам не удалось еще овладеть греческими поселениями Северо-Западного Крыма. Это произошло в середине II в. до н. э.

Обострение внешнеполитической обстановки вынуждало Херсонес искать союзников. Такими союзниками в III в. до н. э., как можно заключить из декрета в честь Сирииска, были цари Боспора и греческие припонтийские города. Во II в. до н. э. Херсонесу пришлось искать поддержки у растущего Понта. В 179 г. до н. э. Херсонес заключает договор с Фарнаком¹⁸, а несколько десятилетий спустя, в конце II в.

¹⁶ Жсбелев С. А. Северное Причерноморье, М., 1953, с. 234; Ленин Е. И. К вопросу о датировке херсонесской присяги, СА. IX, 1947; Тюменев А. И. Херсонесские этюды. Херсонес и Керкинитиды, ВДИ, 1955, № 3.

¹⁷ Дiodор (XX, 22) сообщает, что во время междоусобной войны сыновей боспорского правителя Перисада (310—309 гг. до н. э.) скифы были союзниками Сатвра: После смерти Сатвра его сын Перисад, скрываясь от преследований, бежал к скифскому царю Агару.

¹⁸ IOSPE, 12, № 402. Надпись впервые издана и прокомментирована Р. Х. Лелером (ИАК, вып. 45, № 1).

до н. э. обращается за помощью к Митридату VI Евпатору. Бурные события конца II в. известны из декрета в честь полководца Диофанта, посланного Митридатом на помощь Херсонесу. Декрет посвящен событиям второго года войны Диофанта со скифами; первому году войны посвящен был, видимо, отдельный декрет. То, что нам известно о событиях этого времени, близко напоминает картину, которую рисуют памятники III в. до н. э. На помощь Херсонесу в момент решающей битвы со скифами снова приходит Дева. В то время, как Диофант был занят осадой Калос Лимена, скифский царь Палак приготовился к решающему удару, собрав в тылу войска Диофанта все свои силы, а также склонив на свою сторону племя ревксиналов. В этот момент, говоря словами декрета, «...постоянная покровительница херсонесцев Дева, и тогда содействуя Диофанту, посредством явившихся в храме знамений предзнаменовала имеющее совершиться деяние и вдохнула смелость и отвагу всему войску». Указание на то, что Дева и в этот раз (каистота) пришла на помощь Диофанту, дает основание думать, что и в первый год войны, которому был посвящен, видимо, отдельный декрет, успехи Диофанта связывались с помощью богини. Декрет называет Деву постоянной защитницей херсонесцев, что отражает глубоко укоренившееся в сознании херсонесцев представление о главной богине города. Не случайно именно ко II в. до н. э. относится сооружение новой статуи Девы в образе грозной богини-заступницы с неизменным атрибутом городской Тихи — башенным венцом на голове. Эта статуя богини нашла отражение в монетных типах последующих периодов¹⁹.

Во II половине I в. до н. э., вероятно, под влиянием Рима, в Херсонесе происходит реформа государственного устройства. Заметна значительная аристократизация государства при сохранении прежней формы правления. В этот период происходит реформа Совета, упраздняются старые и вводятся новые магистратуры, некоторые старые магистратуры получают новое содержание. В этих условиях изменяется, приобретает новое значение культ Девы. В конце I в. до н. э. в Херсонесе вводится новая эра. Как убедительно доказал Бертье-Делагард, собственное летоисчисление Херсонеса началось с 25/24 г. до н. э.²⁰ К сожалению, неизвестно, какое событие послужило поворотным моментом в истории города. Возможно, это было связано с новой эпифанией Девы, ибо в период,

¹⁹ Зограф А. Н. Статуарные изображения Девы в Херсонесе по данным нумизматики. ИРАИМК. т. 2, Пгр. 1922, с. 359.

²⁰ Бертье-Делагард А. Л. Надпись времени императора Зенона в связи с отрывками из истории Херсонеса. 300, т. XVI, с. 45 сл.

последовавший за введением новой эры, Дева была объявлена царицей города. Отныне декреты содержат указание на царствование Девы, год и месяц по херсонесскому летосчислению²¹.

Если в херсонесских документах предшествующего периода эпонимный характер носила должность царя (βασιλεύς), имеющего сакральные функции, то после введения новой эры эта магистратура навечно переходит к Деве, которая получает титул богини-царицы, а вместе с тем и своиственные должности царя функции эпонима.

Близкую параллель дают медные монеты Византия императорского периода, датированные именами различных божеств. В роли таких божественных эпонимных магистратов здесь появляются Дионис, Деметра, Ника, Фаустина, причем на эпонимную должность они могли избираться неоднократно (« ἐκ Διονυσίου το γ' », « ἐκ Νικῆς το δ' »)²². В этом смысле Херсонес пошел дальше — он сделал свою богиню бессменной обладательницей эпонимной царской магистратуры.

В прямой связи с введением новой эры и изменением способа датировки надписей стоит и новый порядок чекана монет. Начиная с I в. н. э. в Херсонесе появляются золотые и медные монеты с цифровым указанием года по новой эре и характерной монограммой, сложенной из трех первых букв имени богини — ПАР. На золотых статерах 109-го и 131-го годов херсонесской эры монограмма Девы сочетается с причастием βασιλευσασα, что в соответствии с формулами декретов этого времени означает «в царствование Девы, в таком-то году»²³.

²¹ IOSPE, 12, № 459: « Τὰ εἰς ἐδοῦν βασιλεῖσσι Παρθενού-
ατος ρυθῖ αἰρεῖος δε Χρηστισμοῦ τοῦ Βασιλέως, μῆνος Ἀρακλείου τῆ γραμματέωντος,
Αριστῶνο[ς] Ἀττινοῦ... ».

Причастие βασιλευσασα нельзя связывать с цифровым обозначением года и толковать в смысле указания года царствования богини. В. В. Латышев (Поэтика с. 325) отмечает, что «даже на монетах с причастием βασιλευσασα обозначение года стоит отдельно, не в связи с этим причастием, так что понимать легенды приходится в смысле «в царствование Девы, такого-то года (херсонесского летосчисления)», а не в смысле «в такой-то год царствования Девы».

²² Орешников А. В. Нумизматический сборник, II, с. 12; Толстой И. И. Остров Белый и Таврика..., с. 111; A. von Sallet. Zeitschrift für Numismatik, IX, 1882, с. 147 сл.

²³ Зограф А. Н. Античные монеты, с. 155.

В декретах римского времени при перечислении должностных лиц, скрепивших документ своей печатью, на первом месте стоит богиня — царица Дева, печать которой, видимо, прикладывал к документу жрец богини. Таким образом, можно с уверенностью говорить о том, что в римский период, несмотря на проникновение в город новых религиозных представлений и культов, значение Девы не падает, а, наоборот, возрастает. При этом важно отметить, что происходит расширение влияния богини на государственные дела. Отныне ее именем датируются декреты, ее печатью скрепляются государственные постановления. Такое положение дел отчетливо прослеживается во II в. н. э. Что касается последующего периода, то никаких сведений о Деве от этого времени не дошло. Можно, однако, предположить, что культ богини сохранил свое прежнее значение, и именно приверженцы Девы оказывали яростное сопротивление проникновению в Херсонес христианства. Характерно, что жития епископов, действовавших в Херсонесе в первой половине IV в., сохранили ряд упоминаний о Деве. Так, в древнейших редакциях житий упоминается пещера Парфенон, где святой Василей укрывается от преследования язычников. То, что св. Василей скрывается в пещере и находится там в безопасности до смерти, свидетельствует, что пещера, посвященная Деве, пользовалась правом убежища, представляла собой *ασυλον*²⁴. Парфенон упоминается также при определении места, отведенного для поселения военному отряду под начальством Феоны, прибывшему в Херсонес вместе с епископом Капитоном. В сказании о св. Капитоне, помещенном в кратком (синаксарном) житии, сохранилось упоминание о существовании в Херсонесе храма Девы, на месте которого св. Капитон хотел построить храм апостола Петра.

О существовании в Херсонесе храма Девы известно по надписям. Наиболее раннее свидетельство относится к III в. до н. э. (декрет в честь Сириסקа), хотя, как указывалось выше, есть основания предполагать, что храм Девы существовал и в IV в. до н. э. Декрет в честь Сириסקа предполагается поставить в пронаосе храма Девы. Здесь же в конце II в. до н. э. был поставлен декрет в честь группы херсонесских граждан, сражавшихся при Калос Лимене²⁵. Храм Девы находился в святилище богини, о котором сообщает Страбон (VII, 4. 2), говоря о Херсонесе: «...в этом городе есть святилище Девы, какой-то богини, имя которой носит и находящийся перед городом, на расстоянии ста стадиев, мыс, называемый Парфением. В святилище находится храм богини и ста-

²⁴ Латинцев В. В. Жития св. епископов Херсонских, с. 53.

²⁵ IOSPE, 12, № 353.

туя» (перевод В. В. Латышева). В этом святилище во время похода Диофанта происходили чудесные знамения богини. В центре города, на акрополе, находился алтарь Девы, возле которого, как сообщает декрет в честь Диофанта, решено было поставить статую полководца.

О жречестве в культе Девы надписи дают весьма немногочисленные сведения. К IV или к III в. до н. э. Латышев относит надпись Антибиона, жреца Девы, посвятившего богине статую своего отца. Надпись, вырезанная на мраморном постаменте статуи, гласит: «Βίον Σίρια. Ἀντιβίων Βίωτος τοῦ Σίρια βασιλευσας ὑπερ τοῦ πατρος Παρδεῶσι: ἱερευς: ἕων»²⁶.

С должностью жреца связан был обычай приносить благодарственный дар божеству после исполнения жреческих функций, как это было и в других греческих городах. Другой пример такого посвящения дает надпись римского времени: [ῶ θεῖα] / Ζηθό[υ ὑπερ Γα] / σοπίου [τοῦ Μητρο] / διοροῦ τε [ρατῦσαυτος] / Παρδεῶσι.²⁷ В данном случае, однако, возможно и другое дополнение к предпоследней строке (τε[ρευς: ἕων]), так что невозможно решить, кто был жрецом Девы — сын Зета, сделавший посвящение, или Газурий, сын Метродора.

Обратившись к надписям жрецов, нельзя не отметить тот факт, что вопреки существовавшему у греков обычаю, согласно которому жрецами богинь были обычно женщины, в Херсонесе жрецами Девы были исключительно мужчины. Это лишний раз указывает на государственное значение культа Девы. Жрец богини играл ведущую роль не только в культовых делах, он занимал важное место в государственной жизни — как толкователь знамений богини он оказывал влияние на внешнюю политику Херсонеса, с которой историк Сириск связывал чудеса Девы. Вполне понятно поэтому, что жрецы, как и все другие должностные лица, выбирались из мужчин. В римский период роль жреца еще более возросла. Декреты наряду с цифровым обозначением года по херсонесскому летосчислению указывают имя жреца, при котором было принято постановление. Это дает основание предполагать, что жрецы избирались на один год.

Имеются некоторые данные, позволяющие предположить существование в Херсонесе института храмового рабства, из-

²⁶ IOSPE, 12, № 410. Надпись свидетельствует о тесной связи должности сакрального царя с культом Девы. По такой же схеме составлены другие посвятельные надписи (№№ 414—415).

²⁷ IOSPE, 12, № 412.

вестного в Греции еще в микенский период²⁸. Речь идет о надгробной надписи, относящейся к римскому времени: «Σωτ-
 ηριος θεος Παρθένου, ἑρως εἴη π. καὶ ἡ εὐφροδία αὐτοῦ Κοῦα,
 ἑρῶδα εἴη»²⁹. Родительный падеж θεός παρθένου Латышев
 рассматривал как genetivus possessivus, полагая, что Сотир-
 их был рабом при храме богини (εὐφροδία)³⁰. В пользу
 предположения о рабском происхождении Сотириха и Ко-
 нхи говорят также имена погребенных и отсутствие патро-
 нимика. Храмовое рабство было широко распространено в
 Малой Азии. Страбон сообщает о том, что в Комане Каппа-
 докийской было более 6 тысяч перодулов (XII, 2, 3), и при-
 мерно такое же количество в Комане Понтийской (XII, 3, 34).
 При храме Зевса в Моримене было три тысячи рабов. Труд
 перодулов использовался для обработки храмовых земель³¹.
 Таким образом, предположение о существовании в Херсонесе
 храмового рабства влечет за собой предположение о существо-
 вании здесь храмовой земельной собственности. Однако ни-
 каких фактов, подтверждающих это, у нас нет.

Обратившись к столь специфическому явлению в религиоз-
 ной жизни Северного Причерноморья, каким является культ
 херсонесской богини Девы, приходится сплошь и рядом стал-
 киваться с непреодолимой трудностью, заключающейся в от-
 сутствии точных данных. Это затруднение особенно очевидно
 при решении основного вопроса, который неизбежно возник-
 ает перед исследователем религии — вопроса о происхожде-
 нии и сущности культа херсонесской богини. Отсутствие ка-
 ких-либо данных, освещающих эту сторону культа Девы, за-
 ставляет ограничиваться лишь предположениями.

К моменту основания Херсонеса Крымский полуостров
 был уже хорошо известен грекам. К этим местам были при-
 урочены легенды об Аргонавтах и Ифигении. Знали греки о
 таврах, населявших горные и предгорные районы Крыма и о
 существовании у них культа богини, связанного с человече-
 скими жертвоприношениями. Эту богиню тавров Геродот на-
 зывает Девой, что послужило основанием для утверждения,
 что херсонесская Дева была местным таврским божеством, за-

²⁸ Лурье С. Я. Язык и культура микенской Греции. М.-Л., 1957, с. 277. Ленцман Я. А. Рабство в микенской и гомеровской Греции. М., 1963, с. 178, 185.

²⁹ IOSPE, I², № 457.

³⁰ ИАК, вып. 27, стр. 16 сл.

³¹ Периханян А. Г. Храмовые объединения Малой Азии и Арме-
 нии. Л., 1959, с. 105 сл.

имствованным греками у тавров³². В связи с этим следует обратить особое внимание на сообщение Геродота.

Геродот говорит о таврах в IV книге своего труда, в связи с походом Дария на скифов. Описывая нравы тавров, он подчеркивает, что это дикий народ, живущий грабежом и войной³³. О богине тавров Геродот сообщает следующее: «...они приносят в жертву Деве потерпевших кораблекрушение и всех эллинов, кого захватят в открытом море, следующим образом: освятив жертву, ударяют ее дубиной по голове, одни говорят, что тело они сталкивают с крутизны (так как храм построен на скале), а голову насаживают на кол; другие сообщая то же самое относительно головы, утверждают, что туловище не сталкивается с крутизны, а зарывается в землю». Как известно, во время своих путешествий Геродот посетил западное побережье Черного моря и Ольвию, где им собран был весь материал о Скифии и Таврике³⁴. Таким образом, сообщение Геродота о таврской богине основано не на личных впечатлениях, а на рассказах и слухах. Не исключено, что Геродоту приходилось беседовать с живущими в Ольвии эллинизированными выходцами из Таврики. На это, возможно, указывает следующее замечание Геродота: «Богиню, которой приносят такие жертвы, сами тавры называют Ифигенией, дочерью Агамемнона»³⁵. Описывая обычаи и религиозные верования различных народов, Геродот рассматривает их с позиций грека, чье собственное религиозное мировоззрение основано на греческой религии. В труде Геродота немало мест, свидетельствующих, что местные религиозные представления он связывал с известными ему и его читателям богами, зачастую делая это лишь на основании внешних признаков, не вникая в сущность того или иного культа. Это замечание относится и к народам, с которыми Геродот познакомился, путешествуя по Западному и Северному Причерноморью. Так, в 5-й книге Геродот сообщает, что фракийцы поклоняются Арею, Дионису и Артемиде, а цари фракийцев более других богов чтут Гермеса³⁶. Остается невыясненным, какие фракийские культы скрываются под перечисленными греческими богами³⁷.

³² Латышев В. В. *Починки* с. 159; Орешников А. В. *Нумизматический сборник*, II, с. 9; *Mints E. H. Skythians and Greeks*, Cambridge, 1913, с. 543.

³³ Herod. IV, 103. Аналогичную характеристику тавров дают многие античные авторы.

³⁴ Лурье С. Я. *Геродот*, М.-Л., 1947, с. 16.

³⁵ Herod., IV, 103.

³⁶ Herod., V, 7.

³⁷ Гочева З. *Боги фракийцев и скифов по сведениям Геродота*: В кн. «Фрако-скифские культурные связи», София, 1975, с. 146.

В «скифском логосе» Геродот сообщает сведения о религии скифов, почерпнутые им во время пребывания в Ольвии и ее окрестностях: «Таким образом, все важнейшее для жизни имеется у скифов в изобилии; обычан же у них следующие. Они чтут только следующих богов: выше всех Гестию, затем Зевса и Землю, признавая Землю супругой Зевса, далее Аполлона, небесную Афродиту, Геракла и Арея. Эти божества чтут все скифы, а так называемые скифы царские приносят жертвы еще и Посейдону». Вслед за этим Геродот указывает настоящие, скифские имена божеств, которых он отождествил с перечисленными греческими богами: «Гестия поскифски называется Табити (Ταβίτι), Зевс — Папай (Παπαίος), Земля — Апи (Απί), Аполлон — Гойтосир (Γοιτόσιρος), Афродита Небесная — Аргимпаса (Αργιμπάσα), Посейдон — Тагимасад (Θαγιμάσαδας)»³⁸. Мы не располагаем достаточными данными о скифских культах, чтобы судить о том, насколько верными были эти отождествления с греческими богами, отметим только, что для Геродота характерно стремление находить для иноземных божеств параллели в греческом пантеоне. Это утверждение в полной мере относится и к сообщению Геродота о богине тавров. Называя ее Девой, Геродот сближает культ таврической богини с исконным греческим культом Девы, известным во многих, преимущественно дорийских областях Греции.

Так, культ Девы эпиграфически засвидетельствован на родине Геродота, в Галикарнассе³⁹, на островах Фере⁴⁰ и Паросе⁴¹. Святилища Девы существовали в Леросе⁴² и на Патмосе⁴³. Дева была главной богиней Неаполя Фракийского⁴⁴, известна она и в древней Лаконике⁴⁵. Культ божественной девственницы, прослеживаемый в Греции в исторический период, восходит к наиболее ранним религиозным верованиям греков, соприкасаясь с культом верховного женского божества, характерным для многих народов на ранней стадии исторического развития. В интересующий нас период лишь в немногих, наиболее консервативных областях Греции сохранились остатки этого древнего культа, постепенно слившегося с

³⁸ Herod. IV, 59.

³⁹ Ditt. Syll. 12, II, надпись второй половины V в. до н. э. Bull. Hell. IV, 1880, 302.

⁴⁰ IG, XII, 3, 440.

⁴¹ IGA, 401.

⁴² Athen. XIV, 655. E.

⁴³ Εφ. μ. αρχαιολογική 1863, 261, 229.

⁴⁴ R. Schöne. Griech. Reliefs, Leipzig, 1879, Taf. VII, 48.

⁴⁵ Athen. XIV, 646 A.

другими культурами, преимущественно с культом Артемиды. Этот процесс особенно наглядно протекал в Лаконике, где существующий издавна культ Девы Орфии⁴⁶, слившись с культом Артемиды, стал известен как культ Артемиды Орфии. Культ Артемиды Орфии в Лимнах получил особую известность благодаря обряду священного бичевания, при котором жертвенник богини обильно орошался кровью тех, кого подвергали жестокому ритуалу. Уже древние видели в этом обряде замену человеческих жертвоприношений. Такого же мнения придерживаются большинство исследователей лаконских культов⁴⁷. Возможно, именно эта особенность побудила Геродота отождествить с Девой таврскую богиню.

В античной литературной традиции прочно утвердилось мнение о таврах, как о диких племенах, основным занятием которых были грабеж и пиратство. Результаты исследований таврских поселений свидетельствуют, что традиционный взгляд на тавров, передаваемый античными писателями, не отражал в полной мере реальную действительность. В настоящее время не подлежит сомнению тот факт, что основным занятием тавров уже в VIII—V вв. до н. э. было земледелие и скотоводство, а для приморских жителей — рыболовство. По-видимому, пиратство было для тавров не более, чем побочным промыслом. Вместе с тем результаты раскопок позволяют сделать вывод об относительно слабо развитых социальных противоречиях внутри таврского общества, об отсутствии у них признаков социального и имущественного расслоения. Несомненно, что уровень общественного развития тавров был ниже, чем у других оседлых племен Северного Причерноморья⁴⁸.

К моменту основания Херсонеса тавры не достигли еще той степени развития, при которой Херсонес был бы заинтересован в организации с ними торговых отношений. Можно говорить лишь о существовании спорадических торговых связей между жителями Херсонеса и таврами, особенно в первые десятилетия существования города. Ряд имеющихся в нашем распоряжении фактов свидетельствует, что отношения Херсонеса с окружающими его таврами не были добрососедскими. Такой характер взаимоотношений сложился, видимо, с момента основания города. Основание Херсонеса и освоение Ге-

⁴⁶ Этот культ известен по архической надписи конца VII или начала VI в. до н. э. См. R. C. Bosanquet, *Ann. of the British School at Athens*, XII, 344, fig. I.

⁴⁷ F. Welcker, *Griechische Götterlehre*, Göttingen, 1857, I, 584; A. Maury, *Histoire des religions de la Grèce antique*, Paris, 1857/1859, I, 184; S. Wide, *Lakonische Kulte*, Leipzig, 1893, 112.

⁴⁸ Дьяков В. Н. Древняя Таврика до римской оккупации, ВДИ, 1939, № 3, с. 184 сл.; Лесков А. М. Горный Крым в I тысячелетии до н. э., Киев, 1965, с. 194—195.

раклеяского полуострова сопровождалось уничтожением таврских поселений и оттеснением тавров за пределы этой территории. В дальнейшем Херсонес и его сельскохозяйственная округа не раз подвергались набегам воинственных соседей. Отсутствие тесных экономических и культурных связей Херсонеса с таврами дает основание сомневаться и в существовании религиозных связей с последними.

Настоящее имя таврской богини нам неизвестно, как неизвестны и многие другие подробности этого культа. Можно, однако, с уверенностью сказать, что мы имеем дело с божеством, культ которого был широко распространен на ранней стадии религиозного мирозерцания многих народов. Это культ верховного женского божества, богини земли и воды, животного и растительного мира. Культ этот разнообразен и в разных местах имеет свои специфические особенности. Одной из известных нам особенностей культа таврской богини были связанные с этим культом человеческие жертвоприношения, о которых сообщают античные авторы. Некоторое представление о характере почитания таврской богини дает находка лесного святилища тавров близ Ялты⁴⁹, функционировавшего в первые века н. э. В святилище найдены терракотовые статуэтки, изображающие богиню, как греческой работы, так и местные, представляющие собой нечто в роде пирамидок из плохо обожженной глины. Среди приношений богине были монеты I в. до н. э. — второй четверти IV в. н. э. (римские, боспорские и херсонесские), кости домашних животных и предметы женского обихода — кольца, браслеты, пряжки и др. Последнее обстоятельство натолкнуло Бертье-Делагарда на мысль, что божество было предметом поклонения женщин. Монетные находки в святилище определенно указывают на преобладающее боспорское влияние и на слабость связей с Херсонесом. Лишь около 11% найденных монет чеканены в Херсонесе, в то время, как боспорские монеты составляют 30% монетных находок.

Совокупность сведений о таврском женском божестве и богине Херсонеса не дает согласиться с распространенным мнением о том, что херсонесцы заимствовали у тавров культ Девы, известный из Геродота⁵⁰. У нас нет даже оснований

⁴⁹ Бертье-Делагард А. Случайная находка древностей близ Ялты, 300, т. 27, 1907, с. 19—27.

⁵⁰ Такая точка зрения высказывалась в работах: Латышев В. В. Понтика, СПб, 1909, с. 159; Ростовцев М. И. Новая книга о Белом острове и Таврике, ИАК, вып. 65, 1918, с. 196; Жебелев С. А. Херсонесская присяга, сб. «Северное Причерноморье», М.-Л., 1953, с. 241; Белов Г. Д. Херсонес Таврический, Л. 1948, с. 74; Бабинов Ю. А. К истории исследования религии Херсонеса Таврического V в. до н. э. — I в. н. э. УЗМОПИ, т. 121, истфак, вып. 5, 1965, с. 144.

называть таврскую богиню Девой, ибо в указанном сообщении Геродота мы видим обычный для него прием отождествления местного божества с греческим культом. Несомненно тесная связь херсонесской Девы с аналогичным греческим культом, проявившаяся в чисто греческом иконографическом облике богини, близком облику Артемиды, с характерными атрибутами последней — оленем, луком и колчаном. Канонизация этого типа Девы в монетной типологии Херсонеса уже в середине IV в. до н. э. позволяет предположить, что в сознании греков этот образ Девы утвердился гораздо раньше, видимо, будучи принесенным в Херсонес колонистами.

Ряд фактов свидетельствует, что сами херсонесцы не связывали свою богиню с божеством тавров. В пользу этого говорит не только чисто греческий облик богини. Как уже говорилось, в представлении херсонесцев Дева была их постоянной защитницей от варваров, в том числе и от тавров. Пример такой помощи богини дает надпись IOSPE, 1², № 343, сообщающая, что Дева помогла херсонесцам отразить набег тавров на загородную процессию. В конце II в. до н. э. Дева помогает Диофанту в битве со скифами, союзниками которых в этой войне были тавры. Кажется маловероятным, чтобы херсонесцы обращались за помощью против тавров к божеству, заимствованному у тавров и, следовательно, равно расположенному и к тем, и к другим. Видимо, в представлении херсонесцев Дева была их собственной, отличной от таврского божества богиней⁵¹.

Можно, однако, думать, что местные условия наложили некоторый отпечаток на херсонесский культ. Основание города в местности, находящейся под покровительством верховного женского божества тавров, могло быть причиной того, что в пантеоне Херсонеса на первый план выдвинулся культ аналогичного женского божества, издавна знакомого грекам, божества, сущность которого ближе всего соответствовала представлению греков о местной богине.

Вышесказанное дает основание считать, что при современном состоянии наших знаний о херсонесской Деве и верховном божестве тавров у нас нет никаких данных, подтверждающих факт заимствования греками таврского культа, хотя само по себе такое заимствование представляется весьма вероятным в подобной ситуации.

Имеющиеся данные склоняют скорее к мнению о том, что культ Девы был принесен в Херсонес колонистами вместе с другими греческими культами и здесь, благодаря специфике обстановки, выдвинулся на первый план, заняв господствующее место в пантеоне города.

⁵¹ E. Diehl, RE, XVIII, 4, s. v. Parthenon, стб. 1967.

ПОДАТНОЕ УСТАВ ГИЕРОНА II

С. К. Сизов

Среди многочисленных и разнообразных сведений по истории античной Сицилии в «Верринах» Цицерона особый интерес представляют данные этого источника о так называемом «lex Hieronica» — податном уставе, регулировавшем откуп и сбор десятины урожая в царстве Гиерона II (269—215 гг. до н. э.), а затем действовавшем в Сицилии и в период римского господства, вплоть до времени Цицерона. Оратор неоднократно ссылается на Гиеронов закон, разоблачая злоупотребления Верреса, пропретора Сицилии 73—71 гг. до н. э., при взимании хлебной десятины, имевшей крайне важное значение для продовольственного снабжения Рима¹. Дав в самых похвальных тонах общую характеристику этого закона², Цицерон обвиняет Верреса в том, что он своими эдиктами и предписаниями, составленными в корыстных целях, «отменил» и «уничтожил совершенно весь Гиеронов закон»³.

Однако наш источник не останавливается на самом содержании lex Hieronica и не указывает, какие именно нормы его были нарушены Верресом и его эдиктами. Это необычно для Цицерона, который не упускает случая зачитать или пересказать на суде положения документов, которыми пропретор Сицилии был обязан руководствоваться, и от которых отступал Веррес, будь то декрет комиссии Рупилия 131 г. до н. э.⁴, или союзный договор с Мессаной почти двухсотлетней давности⁵.

Объяснить это можно двояко: либо аудитория была хорошо знакома с содержанием lex Hieronica, либо эдикты Верреса находились не в столь вопиющем противоречии с нормами Гиеронова закона, как это стремится представить об-

¹ Этому виду преступлений Верреса Цицерон посвящает центральную часть своей обвинительной речи: act. II, lib. III.

² Cic. Verr., II, III, 8, 20.

³ «Convellere et commutare ausus est» (ibid., II, III, 6, 15), «totam Hieronicam legem sustulisti» (II, III, 8, 19), «corrigit atque adeo totam tollit» II, III, 8, 20); «tota Hieronica lege... relecta et repudiata» (II, III, 10, 24).

⁴ Ibid., II, II, 13, 32.

⁵ Ibid., II, V, 19, 50.

винитель. Первое маловероятно, т. к. суд происходил в Риме, второе же вполне возможно, поскольку в «Верринах» не раз можно заметить подобные риторические преувеличения. В таком случае мы можем восстановить содержание Гieroнова закона путем анализа распоряжений Верреса, который в своей законодательной деятельности не мог полностью отвергнуть обязательные для него установления⁶, хотя на практике их не соблюдал, действуя путем насилия, угроз и назначая пристрастных судей.

Впервые реконструировать содержание Гieroнова закона попытался специалист по римскому праву Х. Дегенкольб. Он посвятил свое исследование⁷ порядку судопроизводства в римской Сицилии по делам об уплате десятины, опираясь на высказывание Цицерона о том, что такие суды происходят по Гieroнову закону⁸. Найдя это судопроизводство целиком основанным на нормах римского права, Дегенкольб посчитал, что греческий податный устав был полностью видоизменен серией эдиктов сменявших друг друга наместников Сицилии, и во время Цицерона под названием «lex Hieronica» действовали уже римские установления. Однако находка в 1893—5 гг. папирусов с текстом законов Птолемея II Филадельфа об откупе налогов (т. н. «Revenue Laws»)⁹ показала неправомерность такой точки зрения. Разительное сходство ряда положений египетского податного устава с нормами откупа десятины в римской Сицилии указало на эллинистическую основу lex Hieronica. Сопоставив данные «Веррин» с текстом законов Птолемея II, М. И. Ростовцев выявил основные положения Гieroнова закона, соответствующие эллинистическому откупному праву¹⁰.

Вслед за этим, на основе тщательного анализа сведений Цицерона, свой вариант содержания Гieroнова закона предложил Ж. Каркопино в первой главе монографии «Закон Гieroна и римляне»¹¹, в которой разбираются все вопросы, связанные со взиманием римлянами натуральных налогов в

⁶ Так, он включил в свой эдикт положения lex Rupilia о порядке назначения судов в провинции Сицилии (ibid, II, II, 37, 90).

⁷ H. Degenkolb Die Lex Hieronica und das Pfändungsrecht der Steuerpächter, Berlin, 1861.

⁸ Cic, Verr, II, II, 13, 32. I

⁹ Изданы впервые Б. Гренфеллом: Revenue Laws of Ptolemy Philadelphus, ed. by B. P. Grenfell, Oxford, 1896. Новое издание: I. Bingen. Papyrus Revenue Laws, Göttingen, 1952.

¹⁰ Ростовцев М. И. История государственного откупа в Римской империи (от Августа до Диоклетиана). Записки ист.-фил. ф-та Санкт-Петербургского университета, часть 51, СПб, 1889, с. 33—43. M. Roslawzew, Studien zur Geschichte des römischen Kolonates, Archiv für Papyrusforschung, Beiheft I, Leipzig-Berlin, 1910, с. 229—239.

¹¹ J. Carcopino. La loi de Hieron et les Romains, Paris, 1914.

Сицилии. Работа Каркопино представила наиболее аргументированную и подробную реконструкцию *lex Hieronica*, и следующие исследователи, соприкасавшиеся с этой проблемой, ограничивались кратким пересказом выводов Каркопино. Однако эти выводы не могут считаться окончательными, поскольку французский антиковед, стремясь доказать, что Гиерон II просто скопировал египетский податный устав, включает в *lex Hieronica* ряд положений, аналогичных птолемеевским, но не подкрепленных существенными доказательствами из «Веррин». Поэтому выявленное пока содержание Гиеронова закона потребует, видимо, еще неоднократно уточнений и поправок.

Прежде чем рассмотреть порядок откупа и взимания десятины по Гиеронову закону, следует остановиться на характере самого этого налога, тем более, что не дошедший до нас текст *lex Hieronica* безусловно, содержал положение о размерах и видах взимаемой подати. Как видно из самого названия — *decuma* (греч. δεκάτη) — сицилийцы платили Гиерону, а затем римлянам десятую часть урожая. Цицерон главным образом говорит о десятине пшеницы (*tritici*), однако упоминает и о десятине ячменя (*hordei*)¹², вина, масла и «мелких плодов» (*frugum minutarum*)¹³. *Lex Hieronica* регулировала откуп и сбор только этой подати, судя по словам Цицерона о том, что Гиерон «*alia vectigalia non habet*»¹⁴.

Обязанность платить десятину лежала на каждом земледельце входивших в Сиракузское царство полисов¹⁵. Цицерон употребляет для обозначения земледельца — налогоплательщика термин «*agator*», что, как указал Ростовцев¹⁶, является переводом греческого понятия γεωργός. *Agator* не обязательно был владельцем обложенного десятиной земельного участка. Если последний сдавался в аренду, все функции, связанные с уплатой десятины, выполнял арендатор, как это явствует из случая с мененцем Ксеноном, который был владельцем арендованного участка, но дело с откупщиками десятины имел не он, а «*colonus*», и лишь после бегства последнего Веррес привлек к ответу самого Ксенона¹⁷. Х. Дегенкольб, ссылаясь на «Дигесты», указывает на несо-

¹² Cic, Verr, II, III, 34, 78.

¹³ Ibid, II, III, 7, 18.

¹⁴ Ibid, II, III, 8, 20.

¹⁵ Ibid, II, III, 6, 13—14. Здесь Цицерон говорит о том, что римляне взимают десятину в том виде, в каком они уже застали ее в Сицилии

¹⁶ M. Rostowzew, Kolonial, с. 233.

¹⁷ Cic, Verr, II, III, 22, 55.

ответствие такого порядка нормам римского права¹⁸, однако ничто не мешает отнести принцип налоговой ответственности арендатора к эллинистическому *lex Hieronica*.

В податном уставе Птолемея содержатся подробные указания о том, кто может заниматься откупом, как происходит регистрация желающих участвовать в торгах и какие наказания положены для нарушителей этих правил¹⁹. Подобные нормы могли входить и в Гieroнов закон. По данным «Веррин» откупом десятины могли в Сицилии заниматься и римские граждане (II, III, 43, 101—2; 39, 88), и сицилийцы (II, III, 33, 77; 34, 78; 36, 83; 43, 101), и вольноотпущенники (II, III, 40, 91; 58, 134), и даже рабы (II, III, 38, 86; 39, 89; 40, 92; 43, 102). В последнем случае речь идет о привелегированных рабах храма Венеры Эрицинской. Эти *Venerii* выполняли различные поручения пропретора Верреса, и тот использовал их в качестве откупщиков для вымогательств и грабежа земледельцев, кладя добычу в свой карман. Однако из них, Диогнета, Цицерон называет «откупщиком нового рода» и иронически восклицает: «Почему по примеру Верреса не допустить и в Риме государственных рабов к откупу налогов?»²⁰. Означает ли это, что *lex Hieronica* запрещала участие рабов в откупе? В республиканском Риме это действительно было невозможным, однако выражение «*novum genus publicani*» Цицерон употребляет и по отношению к вольноотпущеннику Апронию (II, III, 12, 31; 20, 50), и свободному сицилийцу Эсхрону (II, III, 33, 77), имея в виду, что все они были приспешниками Верреса и не признавали никаких законов, грабя земледельцев. Кроме того, Цицерон возмущается более всего тем, что упомянутый *servus Venerius* не имел «ни викария, ни пекулия»²¹, т. е. никакого собственного имущества, а не тем, что он был вообще рабом. Поэтому М. И. Ростовцев вполне допускает возможность участия рабов в откупе по *lex Hieronica*, ссылаясь также на факты подобного рода в императорском Риме и на законы Птолемея²². Однако место в тексте последних, где говорилось о праве отдельных категорий лиц откупать государственные налоги, частично испорчено. О рабах известно лишь то, что они там упоминались (*Par. Rev.*, 15, 7), и скорее всего им запрещалось участвовать в откупе, поскольку это упоминание следует двумя строками ниже перечня лиц, не имевших права на откуп (*Par. Rev.*, 15, 2—5).

¹⁸ Н. Degenkolb, ук. соч., с. 50.

¹⁹ *Par. Rev.*, 14—15.

²⁰ *Cic. Verr.*, II, III, 38, 86.

²¹ *Ibid.*

²² Ростовцев М. И. История государственного откупа в Римской империи, с. 40.

после которого идет лакуна. К тому же не следует сбрасывать со счетов и слова Цицерона о допуске рабов к откупу «*hos auctores*», т. е. по инициативе Верреса²³. Впрочем, этим *legvi Venegii* были обязаны не только произволу Верреса, но и своему исключительному положению в провинции, где они составляли, по выражению Ф. Ф. Зельинского, «как бы вардию наместника»²⁴. Во всяком случае, предположение о том, что *lex Hieronica* позволяла рабам откупать десятину, маловероятно.

Во всех же остальных случаях похоже, что допуск к откупу был довольно свободным. Здесь мы видим коренное различие откупов в Сицилии и Риме, где откупщиками могли быть только римские граждане. Напротив, эллинистический откуп и в Сицилии, и в Египте был доступен различным слоям населения. *Decimarii* («десятинщики»), какими мы их видим в «Верринах», непохожи на римских публиканов, владевших огромными капиталами. Благодаря тому, что сицилийские десятины сдавались на откуп сравнительно небольшими частями, декуманами могли быть и люди с состоянием средних размеров. Цицерон рисует нам портрет обычного сицилийского откупщика, покрытого пылью и дорожной грязью, вечно спешащего по своим делам, и противопоставляет ему Верресова любимца Апрония, проводившего время в пирах и развлечениях²⁵. Сицилийский декуман, как мы увидим, занимается непосредственно сбором подати, разъезжая по полям и лично имея дело с каждым земледельцем.

Впрочем в «Верринах» можно подметить черту, отличающую декуманов не только от римских, но и от египетских откупщиков. Во всех известных нам из «Веррин» случаях десятину берет на откуп отдельное лицо, а не откупная компания. В то же время в податном уставе Птолемея речь идет в основном о компаниях откупщиков, причем относительно членства в такой компании существовали определенные правила (*Par. Rev.* 15, 2—5), и все компаньоны (*κοινωνες*) должны были пройти официальную регистрацию у эконома (*Par. Rev.* 14, 12—17). Т. Фрэнк объясняет эту разницу тем, что Гieroнов закон запрещал образование откупных компаний с целью откупа десятины²⁶. Это, однако, было бы не-

²³ Cic. Verr. II, III, 38, 86.

²⁴ М. Туллий Цицерон. Полное собрание речей в русском переводе. Редакция, введение и примечания Ф. Зельинского. СПб, 1901, т. I, с. 246, прим. 30.

²⁵ Cic. Verr. II, III, 12, 31.

²⁶ Cambridge Ancient History, vol. VII, Cambridge, 1928, с. 795.

выгодно государству, поскольку компания могла предложить более высокую откупную сумму, чем отдельное лицо. Видимо, Гиеронов закон, в отличие от Птолемеевского, предусматривал тот же порядок, что и в афинском откупе, где государство имело дело лишь с одним человеком — *αρχων*; и не интересовалось его компаньонами, имена которых официально не регистрировались²⁷. В этом случае декуманы могли заключать между собой частные соглашения, но лишь один из них фигурировал в качестве откупщика официально.

На существование откупных товариществ в Сицилии косвенно указывает и спор Апрония с Л. Рубрием, который обещал выплатить Апронию сумму денег, «*in Argois dicitaret te sibi in decumis esse socium*»²⁸. Рубрий объявил, что Апроний признавал пропретора Верреса своим «*socius*» в откупе десятины. Разумеется, наместник не мог участвовать в откупе, и сделка Верреса с Апронием была незаконной, однако заключение неофициальных соглашений о совместном откупе вряд ли запрещалось Гиеровым законом.

Не встречаем мы в «Верринах» также и обязательного для египетского и афинского откупа института поручителей — *εγγυοι* или *εγγυηται*. Поэтому никто из исследователей не включает положения о поручителях в состав *lex Hieronica*. Трудно сказать, насколько это правомерно. С одной стороны, Цицерон, обвиняя Верреса в том, что он продал десятины подставным лицам, не имевшим достаточного состояния²⁹, был вполне заинтересован в умолчании о том, что у этих людей были поручители. С другой стороны, сицилийский откуп нуждался в поручителях меньше, поскольку откупная сумма, по всей видимости, вносилась сразу, а не частями, как в Афинах³⁰. Окончательно вопрос о наличии *εγγυοι* в Сицилии решить пока невозможно.

Каким же образом определялась стоимость ожидаемого урожая? Такой подсчет был совершенно необходим, т. к. ни один откупщик не рискнул бы своим капиталом, не зная хотя бы приблизительно, насколько превысит стоимость десятины предлагаемую им на торгах откупную сумму³¹. В пропреторство Верреса это затруднение решалось следующим образом. В своем эдикте Веррес постановил, чтобы

²⁷ Aristot., Ath. pol., 47, 2.

²⁸ Cic., Verr., II, III, 57, 132.

²⁹ Ibid., II, III, 37, 84; 36, 86.

³⁰ Aristot., Ath. pol., 47, 3.

³¹ Если, конечно, он не был уверен в том, что ему позволят безнаказанно взять много больше десятины, как сплошь и рядом случалось в пропреторство Верреса. Впрочем, римские наместники далеко не всегда покровительствовали откупщикам; поскольку поместья, обложенные десятиной, имели в Сицилии многие римляне, в том числе всадники и сенаторы.

aratores iugera sationum suarum profiterentur»³² т. е. сделали официальные заявления (professiones) о количестве засеянных югеров. Зная размеры засеянной земли и, очевидно, уже имея возможность оценить урожайность посевов, откупщик назначал свою цену на торгах, исходя из размера предполагаемой прибыли. Так, по словам Цицерона, должен был поступить Апроний, взявший на откуп десятину пшеницы в Леонтинах, однако, пользуясь поддержкой пропретора, рассчитывая поэтому взять куда больше десятины, он до торговался до 36 тыс. медимнов, что превышало на 6 тыс. медимнов количество десятины при известном ему размере засеянной земли и самом благоприятном урожае (сам — десять)³³. Если бы не поддержка Верреса, Апроний оказался бы в большом убытке.

Таким образом, необходимость подобных professiones вполне очевидна. Несложность исполнения этого требования признает сам Цицерон (II, III, 18, 39). Кроме того, только предварительная оценка урожая могла помешать земледельцу скрыть часть зерна во время жатвы и тем самым снизить размер десятины, поскольку, как мы увидим, количество подати окончательно определялось уже во время молотбы. Это вполне согласуется со словами Цицерона о том, что Герионов закон не позволял земледельцу обмануть декумана, скрыв зерно, не только «in arceis» и «in horreis», но и «in vegetibus»³⁴. Поэтому Ростовцев³⁵ и Каркопино³⁶, а вслед за ними Х. Раубер³⁷, Т. Франк³⁸, А. Тойнби³⁹ и В. Скрамуцца⁴⁰ отнесли эту professio к установлениям Герионова закона. Х. Дегенкольт посчитал professio нововведением Верреса, но полезным и нужным⁴¹.

Однако Цицерон придерживался прямо противоположной точки зрения, объявив это требование Веррессова эдикта бесполезным для государства и губительным для земледельцев⁴². Дело в том, что в эдикте сказано, хотя и неопределенно, о наказании для земледельца, неправильно объявившего чис-

³² Cic, Verr, II, III, 15, 38.

³³ Ibid, II, III, 47, 112; 48, 113.

³⁴ Ibid, II, III, 8, 20.

³⁵ Ростовцев М. И. История государственного откупа в Римской империи, с. 38.

³⁶ J. Carcopino, ук. соч., с. 7—8.

³⁷ H. Rauber. Die agrarischen Verhältnisse Siziliens im Altertum besonders zur Zeit Ciceros, Bayreuth, 1919, с. 26—7.

³⁸ T. Frank, ук. соч., с. 795.

³⁹ A. Toynbee, Hannibal's Legacy, vol. II, London, 1965, с. 226.

⁴⁰ V. Scramuzza, Roman Sicily. An Economic Survey of Ancient Rome, vol. III, Baltimore, 1937, с. 237.

⁴¹ H. Degenkolb, ук. соч., с. 42—3.

⁴² Cic, Verr, II, III, 15, 38.

ло засеянных югеров⁴³. Это позволяло приспешникам Верреса привлекать земледельцев к суду из ставленников Верреса же по обвинению в неверно сделанной *professio* и получить крупные суммы штрафа⁴⁴. Цицерон прямо говорит, что в предыдущие годы судов по делу о *professio* не было (II, III, 49, 117). Иными словами, земледельцы не несли ответственности за указание засеянной площади. В таком случае, на ком лежала такая ответственность?

Некоторый свет на это проливают слова Цицерона: «*lege Hieronica numerus agrorum quotannis apud magistratus publice subscribitur*»⁴⁵. Эта *subscriptio agrorum* обычно считается независимым от *professio* и дополняющим ее составлением списка землевладельцев⁴⁶, «*ein bloss Namencatalog*», по выражению Х. Дегенкольба⁴⁷. Комбинируя данные *subscriptio* и *professio*, откупщик, по словам Каркопино, мог заранее рассчитать размер десятины⁴⁸. В таком случае остается неясным, для чего декуману надо было знать количество земледельцев в области, взятой им на откуп, когда для необходимого подсчета вполне хватало данных *professio*nes.

Возвратимся еще раз к приведенной цитате Цицерона. Контекст ее таков: оратор с помощью данных из «*litterae publicae civitatum*», (т. е. муниципальных документов сицилийских городов) доказывает, что в пропреторство Верреса земледельцы настолько пострадали от произвола и грабежа, что число их значительно уменьшилось. Упоминание же о подсчете количества земледельцев по Гиеронову закону являлось просто ссылкой на источник этих данных. Поэтому слова Цицерона могут иметь и такой смысл: по Гиеронову закону ежегодно у магистратов, помимо всего прочего, регистрируется и число земледельцев.

Теперь обратим внимание на двойное значение термина «*professio*» в этой части «Веррин». Во-первых, так именуется заявления, поданные земледельцами согласно эдикту Верреса⁴⁹. Во-вторых, Цицерон допускает и такие выражения: «*in Leontino iugerum subscriptio ac professio non est plus XXX*»⁵⁰, «*professio est agri Leontini ad iugerum XX*»⁵¹. Здесь «*professio*» означает данные не по отдельным участкам, а

⁴³ Ibid. II, III, 21, 54.

⁴⁴ Таким образом был осужден, например, богатый кентуриппинец Нимфон (ibid. II, III, 21, 53—4).

⁴⁵ Ibid. II, III, 51, 120.

⁴⁶ J. Carcopino, ук. соч., с. 6.

⁴⁷ H. Degenkolb, ук. соч., с. 46.

⁴⁸ J. Carcopino, ук. соч., с. 11.

⁴⁹ Cic. Verr. II, III, 15, 38, 21, 53—4; 22, 55; 29, 70; 43, 102; 47, 112.

⁵⁰ Ibid. II, III, 47, 113.

⁵¹ Ibid. II, III, 49, 116.

по всей *civitas*. Ж. Каркопино понимает эти «*subscriptio ac professio iugerum*» как подсчет магистратами итогов *professiones*, т. е. «*subscriptio professionum*»⁵². Однако, как понять выражение «*professio agri Leontini*»?

Как нам кажется, тут возможно и другое толкование: «*subscriptio iugerum*» производилось местными магистратами, которые затем, на основе данных по всей *civitas*, подавали в Сиракузы официальное заявление о засеянной в области площади — *professio*. Если так, то ответственность за правильное указание посевных площадей несли именно магистраты сицилийских городов, и *subscriptio*, производимое ими, включало в себя не только список земледельцев, но и цифры их посевов. В этом случае вполне объяснимы слова Цицерона насчет бесполезности распоряжения Верреса о составлении *professio* самими земледельцами⁵³.

Это, разумеется, не означает, что земледельцы не участвовали в исчислении площади собственных посевов; именно они и вели это исчисление. Но сведения, подаваемые ими, получали официальный характер лишь только после проверки со стороны магистратов и включения в *subscriptio*. Тогда становится ясным, почему Веррес, возложив ответственность за точность этих сведений на земледельцев, поступал незаконно, и почему в предшествовавшие годы не было судов по делу о *professio iugerum*, хотя земледелец, если бы такой порядок существовал до Верреса, вполне мог бы уменьшить цифру засеянных им югеров и скрыть соответствующую часть зерна после жатвы, чтобы сократить размер десятины. Поэтому контроль со стороны магистратов за размерами посевов и осуществляемые ими же *subscriptio* и *professio* мы можем включить в содержание Гиеронова закона.

Содержали ли в себе эти документы еще какие-либо данные, кроме сведений о посевной площади? Из того факта, что десятины пшеницы и ячменя в каждой *civitas* сдавались на откуп отдельно⁵⁴, следует, что в *subscriptio* указывались и виды посеянных зерновых культур⁵⁵. Ж. Каркопино предполагает, что Гиеронов закон, кроме того, предписывал и учет посеянного зерна (*professio sationum*)⁵⁶. Его вывод повто-

⁵² J. Carcopino, ук. соч., с. 10.

⁵³ Cic. Verr., II, III, 15, 38.

⁵⁴ Ibid., II, III, 34, 78.

⁵⁵ Что касается десятины вина, масла и мелких плодов, то нам вообще неизвестно, каков был порядок сбора десятины садовых культур. Цицерон не касается этой темы, поскольку незадолго до пропреторства Верреса откуп десятины вина, масла и мелких плодов был изъят из ведения наместника Сицилии (Cic. Verr., II, III, 7, 18). Известно лишь то, что Гиеронов закон регулировал и сбор этих видов десятиным (ibid.).

⁵⁶ J. Carcopino, ук. соч., с. 8.

ряют также Х. Раубер, А. Тойнби и В. Скрамуцца⁵⁷. Правомерность такого предположения показывают слова Цицерона об откупщике десятины Гиблейской области Гн. Сергии, который взял с земледельцев «sexiens tanto, quam quantum satum sit»⁵⁸. После этого следует обращение к судебному секретарю: «recitata sationes... ex litteris publicis»⁵⁹. Цицерон имеет в виду то, что Сергей, взяв вшестеро больше зерна, чем было посеяно, забрал у гиблейцев практически весь урожай, поскольку даже в самой плодородной Леонтинской области обычная урожайность составляла сам-восемь⁶⁰. Из этого места явствует, что *litterae publicae*, т. е. в той же *subscriptio*, отмечалось и количество посеянного зерна. Об этом говорит и то, что Цицерону было известно (конечно, из муниципальных документов), сколько зерна сеется на югере в Леонтинах⁶¹. Эти сведения помогли предварительному подсчету урожая и служили одной из тех «*custodiae*»⁶², которыми Гнеронов закон препятствовал сокрытию урожая земледельцами.

Т. Фрэнк также предполагал, что по Гнеронову закону ежегодно регистрировалась не только посевная, но и вся площадь земельного владения⁶³. В тексте «Веррин» нет никаких указаний на этот счет⁶⁴. К тому же для определения десятины урожая общая площадь владения не имела никакого значения. Поэтому мы не должны включать это требование в *lex Hieronica*. Таким образом, Гнеронов закон предусматривал ежегодный ценз, по итогам которого местные магистраты в каждой *civitas* составляли список землевладельцев с указанием засеянной ими площади и количества посеянного ими зерна—*subscriptio*. Эти данные в виде официального *professio* направлялись в Сиракузы, в римское время—наместнику, который затем проводил откупный аукцион⁶⁵, а в государстве Гнерона II— царскому чиновнику, ведавшему десятиной (о котором нам ничего не известно).

Содержал ли в себе Гнеронов закон нормы, регулировав-

⁵⁷ H. Rauber, ук. соч., с. 26; A. Тойнбе, ук. соч., с. 226; V. Scramuzza, ук. соч., с. 237.

⁵⁸ Cic. Verr., II, III, 43, 102.

⁵⁹ Ibid.

⁶⁰ Ibid. II, III, 47, 112.

⁶¹ Ibid.

⁶² Ibid. II, III, 8, 20.

⁶³ T. Frank, ук. соч., с. 795.

⁶⁴ Обвинение Верресом Ксенона, гласившее «*iugera eius fundi plura esse, quam colonus esset professus*» (II, III, 22, 55) имеет в виду, конечно, «*iugera sationum*», поскольку оно базируется на требованиях эдикта: «*ut aratores iugera sationum suarum profiterentur*» (II, III, 15, 38).

⁶⁵ До 75 г. до н. э. десятины вина, масла и мелких плодов сдавали на откуп квесторы провинции (Cic. Verr., II, III, 7, 18).

шие порядок торгов, трудно сказать. В «Верриях» несколько раз встречается выражение: «продавать («*vendere*» — т. е. «сдавать на откуп») десятины по Гиеронову закону». В двух случаях это выражение имеет широкий смысл: вообще соблюдать *lex Hieronica*. Так решили римляне, учредив провинцию в Сицилии⁶⁶, это же обещает сицилийцам преемник Верреса — Л. Метелл⁶⁷. В других случаях смысл более конкретный: Цицерон говорит о «продаже по Гиеронову закону» там, где он разбирает вопрос о ценах, назначаемых откупщиками на торгах⁶⁸. Веррес ставил себе в заслугу то, что он дорого продавал десятины, но Цицерон доказывает, что так же поступали и другие наместники Сицилии, не нарушая при этом Гиеронов закон. Суть упрека в адрес Верреса здесь такова: пропретор позволял своим сообщникам предлагать такие высокие откупные суммы, что конкуренты переставали торговаться, и десятина отдавалась ставленникам Верреса. Потом эти суммы, намного превышавшие стоимость ожидаемой десятины, декуманы с лихвой выжимали из земледельцев. Из этого следует, что пропретор на торгах должен был следить за соответствием предлагаемых цен стоимости самой десятины. Однако остается неясным, требовал ли этого именно Гиеронов закон, тем более, что, как предполагает Ж. Каркопино⁶⁹, откупной аукцион во времена независимости Сиракуз мог проводить и сам царь. Возможно, что Цицерон, говоря о «продаже десятины по Гиеронову закону», имел в виду под «*lex Hieronica*» вообще устоявшиеся традиции в организации откупа десятины⁷⁰.

После торгов, которые, видимо, происходили незадолго до жатвы, откупщики во время сбора урожая обходили поля и заключали с каждым земледельцем договор о размере десятины — *ractio*. Эти *ractiones* упомянуты в эдикте Верреса⁷¹, на них неоднократно ссылается сам Цицерон⁷². Из этих ссылок явствует, что такие договоры определяли количество зерна, которое обязуется уплатить откупщику земледелец. Рас-

⁶⁶ Ibid. II, III, 6, 14.

⁶⁷ Ibid. II, III, 17, 44.

⁶⁸ Ibid. II, III, 52, 121; 53, 123; 63, 147; 64, 150.

⁶⁹ J. Carcopino, *ук. соч.*, с. 4.

⁷⁰ То же самое можно сказать и о словах Цицерона: «Суды между земледельцами и откупщиками производятся по Гиеронову закону» (*Verr.* II, II, 13, 33). Суд рекуператоров, назначаемых из «конвента римских граждан», решавший в I в. до н. э. все дела, связанные с уплатой десятины, относится к чисто римским установлениям. Х. Дегенкольт, пытавшийся отыскать греческие аналогию этому институту, пришел к выводу, что таких аналогий нет (*op. cit.*, с. 6—10). Ж. Каркопино также указывает, что нам неизвестна судебно-процессуальная часть эллинистического *lex Hieronica* (*op. cit.*, с. 36).

⁷¹ *Cic. Verr.* II, III, 14, 36.

⁷² Ibid. II, III, 40, 92; 43, 102; 45, 107, 47, 112.

tionones составлялись в трех экземплярах, причем один остав- лялся земледельцу, другой давался откупщику, а третий хра- нился в городском архиве⁷³.

Исследователи единодушно относят *ractiones* к числу ус- тановлений Гиерона, поскольку защита земледельцев от про- извола откупщика, о которой говорит Цицерон, характеризуя Гиеронов закон в целом, могла быть действенной лишь при наличии письменного соглашения⁷⁴.

Ractiones подписывались уже после сбора урожая, прямо на току, как это видно из эдикта Верреса: «Никто не должен убирать хлеб с тока, пока не заключит соглашения с откуп- щиком»⁷⁵. Это и есть та самая мера Гиеронова закона, бла- годаря которой земледелец не мог, по словам Цицерона, об- мануть декумана «*in horreis*» (Verr. II, III, 8, 20), т. е. скрыть часть зерна в амбарах, или по дороге туда. После за- ключения *ratio* такой обман был бесполезен.

Однако возникает вопрос, каким образом эти соглашения заключались в случае несогласия сторон в оценке размера десятины? Упомянутый эдикт Верреса давал откупщику воз- можность диктовать свои условия, т. к. во время затянувших- ся споров хлеб портился на току от дождей. Земледелец по- этому вынужден был уступать. Вряд ли Гиеронов закон, ко- торый не позволял откупщику «взять больше десятины против воли земледельца»⁷⁶, предоставлял декуманам такую возмоз- жность для неограниченного произвола. Следует, видимо, согласиться с мнением Ж. Каркопино, предполагавшего на- личие при соглашениях посредника, которым мог быть все тот же *magistratus Siculus*, т. е. городской магистрат⁷⁷.

На это указывает и свидетельство Цицерона об экзекутив- ной роли властей полиса, которые должны были взыскивать (*exigere*) с земледельцев причитающуюся откупщику сумму налога⁷⁸. Х. Дегенкольб (ук. соч., с. 59) считал, что *magistra- tus Siculi* выступали лишь в качестве свидетелей при взима- нии десятины, однако М. И. Ростовцев, наоборот, пришел к выводу, что «*exigere*» в Сицилии равносильно «*πραξαιναι*» гре- ческого налогового права и означает непосредственное взыска-

⁷³ Цицерон находит данные *ractiones* в следующих источниках: «*ex litteris publicis*» (ibid. II, III, 43, 102). «*litteris privatis*» (II, III, 45, 107). «*decumanorum litteris*» (II, III, 47, 112).

⁷⁴ H. Rauber, ук. соч., с. 26; J. Carcopino, ук. соч., с. 16; А. Тоунбее, ук. соч., с. 277; V. Scramuzza, ук. соч., с. 237; T. Frank, ук. соч., с. 795; A. Holm, *Geschichte Siziliens im Alterthum*, Bd. III, Leipzig, 1896, с. 85.

⁷⁵ Cic. Verr. II, III, 14, 36.

⁷⁶ Ibid. II, III, 8, 20.

⁷⁷ J. Carcopino, ук. соч., с. 17.

⁷⁸ Cic. Verr. II, III, 13, 34; 29, 70; 49, 117.

ние палого⁷⁹. Установить, кем были эти «magistatus Siculi», пока невозможно. Ни «τραχιδάρχοι» в надписях из Акр⁸⁰, которых связывал с Гиероновым законом Готтлинг⁸¹, ни «αποφύλακας» из Тавромения⁸², в отношении которых аналогичное предположение сделал М. И. Ростовцев⁸³, по своим функциям совершенно не связаны со сбором налогов. Возможно, Гиеронов закон оставлял назначение таких магистратов на усмотрение отдельных полисов, входивших в Сиракузское царство, и в разных городах десятиной ведали разные магистраты.

В содержание Гиеронова закона входили также меры наказания для нарушителей его. Цицерон свидетельствует о том, что Гиеронов закон не позволял земледельцу «утаить ни одного зерна от откупщика без тяжелого наказания»⁸⁴. По эдикту Верреса таким наказанием являлась взыскание по суду недоданного зерна в четырехкратном размере⁸⁵. Тем же постановлением Верреса для откупщика устанавливался штраф в восьмикратном размере незаконно взятого⁸⁶. Цицерон относит эти меры к нововведениям Верреса. Однако Ж. Каркопино считает, что пропретор был вынужден повторить в своем эдикте требование lex Niegopica, поскольку более высокое наказание для откупщика, чем для земледельца противоречит и поведению самого Верреса, и всему духу римского откупного законодательства⁸⁷. Цицерон же объясняет это противоречие демагогическими уловками Верреса; который прекрасно знал, что ни один земледelec не осмелится потребовать для откупщика восьмикратного штрафа при том суде, который существовал в его пропреторство⁸⁸.

Точке зрения Ж. Каркопино противоречит также несоответствие этого требования Верреса той роли сицилийских магистратов, в которой они выступали по Гиеронову закону. Об этом говорит и Цицерон: «Если ты хочешь произвести взыскание по суду, не привлекай к делу сицилийских магистратов». (Verr, II, III, 13, 34). В самом деле, если и заключение *praetio*, и взыскание десятины происходило при посредстве представителя города, то по суду можно было опротестовать реше-

⁷⁹ Ростовцев М. И., История государственного откупа в Римской империи, с. 39.

⁸⁰ I. G., XIV, 209, 211, 212, 217.

⁸¹ Ар. Н. Degenkolb, ук. соч., с. 47, An. 2.

⁸² I. G., XIV, 423—30.

⁸³ Ростовцев М. И., История государственного откупа в Римской империи, с. 39, прим. 2.

⁸⁴ Verr, II, III, 8, 20.

⁸⁵ Ibid, II, III, 13, 34.

⁸⁶ Ibid, II, III, 10, 26.

⁸⁷ J. Carcopino, ук. соч., с. 38—41.

⁸⁸ Cic, Verr, II, III, 11, 28.

ние последнего, но требовать при этом штрафа с откупщика или землевладельца было неправомерно. Отсюда видно, что Веррес издал постановление о четырехкратном штрафе в качестве еще одного средства давления на земледельца, замаскировав это незаконие требованием восьмикратного штрафа с откупщика.

Однако в Гиероновом законе должна была быть указана мера наказания для земледельца, укравшего часть зерна еще до заключения соглашения. Некоторый свет на это проливают слова Цицерона о декумане Апрунии, который взял с Нимфона из Кентурип «не положенную десятину, не увезенный и скрытый хлеб... по праву откупа», а весь хлеб, бывший на току⁸⁹. Конфискация этого «*frumentum remotum atque cellatum*», очевидно, посредством тех же самых магистратов, я была той «*roepa taxita*», которую устанавливал Гиеронов закон для обманувших откупщика земледельцев. Это наказание было действительно тяжелым, если учесть, что земледelec, стремившийся существенно снизить размер десятины, должен был укрыть значительную часть урожая. Что же касается взимания суммы налога, указанной в *ratio*, то откупщик не нуждался в подкреплении своих прав на это зерно угрозой штрафа, поскольку тут уже вступали в силу исполнительные полномочия сицилийских магистратов. По той же причине и откупщики не могли допустить злоупотреблений после заключения соглашений. В Гиероновом законе были, конечно, указаны меры наказания для нарушивших его откупщиков, но восьмикратный штраф, как мы видим, не должен был входить в их число.

Ж. Каркопино предполагает также, что Гиеронов закон ограничивал прибыль откупщика шестью процентами стоимости собранной им десятины⁹⁰. Эта гипотеза базируется на подсчете Цицероном прибыли откупщика леонтинской десятины Апруния (*Verr.* II, III, 49, 116), где упоминается о том, что в пользу декумана шло 6% (*tres quinquegesimae*) всей суммы десятины. Каркопино считает, что оставшая часть прибыли, составляющей разницу между стоимостью собранной десятины и откупной суммой, шла в пользу государства. С этим трудно согласиться, поскольку, во-первых, эти 6% не брались из уже собранной десятины, а дополнительно взыскивались с земледельцев (*Verr.* II, III, 49, 116); во-вторых, указанная выше разница между стоимостью десятины и откупной суммой шла целиком в карман Апруния, что Цицерон, отмечавший мельчайшие случаи нарушения Верресом интересов государства, не характеризует как незаконие. Наконец, пра-

⁸⁹ *Ibid.* II, III, 21, 54.

⁹⁰ J. Carcopino, *ук. соч.*, с. 43.

тор дважды повторяет, что никаких 6% до пропретур Верреса не шло в пользу откупщика, и что Веррес, вводя их, действовал не только без какого-либо правового основания, но и вопреки примеру всех своих предшественников (Verrg. II, III, 49, 117; 50, 118). Но даже если не доверять этому недвусмысленному обвинению, мы имеем достаточно оснований не считать эти 6% ограничением прибыли откупщика по Гиеронову закону. Скорее всего, они являются каким-то дополнительным вознаграждением откупщику, введенным Верресом наподобие тех 4% «в пользу писцов», которые он начал вычитать из платы сицилийцам за так называемый «закупаемый хлеб» (Cic Verrg. II, II, 78, 181). Излишне говорить, что пропретор изрядно нажился на этих нововведениях.

Из этого краткого разбора требований Гиеронова закона со всей ясностью видно, что податной устав действительно тщательным образом регулировал порядок откупа и сбора десятины, ограничивая в значительной степени произвол откупщиков, как это говорит Цицерон в начале своей речи «О хлебном деле» (Verrg. II, III, 8, 20). Здесь же оратор, упоминая о суровости этого закона, замечает: «видно, что составил его тиран» (ibid.). Из этих слов Х. Дегенкольб сделал вывод, что авторство Гиеронова закона принадлежит не Гиерону II, носившему царский титул, а тирану Сиракуз Гиерону I Дейномениду (478—467 гг. до н. э.)⁹¹. Однако, не говоря уже о том, что трудно датировать этот податной устав столь ранним периодом, очевидно, что Цицерон имел в виду именно Гиерона II. В той же речи (б. 15) он называет автора закона «царем», и к тому же «наиболее любимым сицилийцами». Последнее точно соответствует сложившейся в римской исторической традиции оценке Гиерона II. «Тираном» же Цицерон мог назвать его как человека, захватившего единоличную власть в немонархическом государстве. Не стоит придавать буквальный смысл этому риторическому выражению оратора.

Косвенным образом авторство Гиерона II подтверждают свидетельства о проведенной по его указанию редакции старых законов (Diod. XIII, 35), об агрономических сочинениях этого царя (Varr. R. r. I, 1, 8; Plin. Hist. nat. XVIII, 3, 22), что говорит о внимании его, с одной стороны, к усовершенствованию законодательства, а с другой стороны, — к развитию земледелия. Оставив в стороне спорный вопрос о том, существовала ли десятина в Сицилии до Гиерона и кем она была введена, укажем также на возможные причины издания устава, регулировавшего откуп этого налога, именно Гиероном II. Первой из них можно назвать только что упомянутый

⁹¹ Н. Degenkolb, ук. соч., с. 90—2.

активный пересмотр и дополнение законодательства, связанные с заметным укреплением центральной власти в Сиракузском государстве в правление Гиерона II⁹². Обратив внимание на порядок сбора хлебной десятины правительство Сиракуз несомненно побудила и необходимость регулярных поставок в Рим крупных партий зерна⁹³, которым Гиерон расплачивался за независимость своего царства и союз с Римом.

В заключение следует остановиться на предположении Ж. Каркопино о том, что Гиерон II при составлении *lex Hieronica* скопировал (а *copiè*) ту часть податного устава Филладельфа, где говорится о сборе апомойры, подставив на место шестой части урожая винограда и садовых культур хлебную десятину, а на место царских чиновников Египта — магистратов сицилийских полисов. В остальном же, по мнению Каркопино, Гиеронов закон является «une imitation directe» установлений Птолемея Филладельфа⁹⁴. К этой точке зрения присоединяется также Х. Раубер (op. cit., S. 25), А. Тойнби (op. cit., p. 224), М. И. Ростовцев (*The Social and Economic History of the Hellenistic World*, Oxford, 1941, vol. 1, p. 395).

В пользу оригинальности Гиеронова закона высказываются Т. Франк⁹⁵ и Т. Леншау⁹⁶, не приводя, впрочем, подробных аргументов.

Между законами Гиерона и Птолемея действительно существует несомненное сходство. Прежде всего это касается основной черты, характеризующей оба закона: постоянный контроль государства за взаимоотношениями откупщика и налогоплательщика. В Египте его осуществляют чиновники каждого нома — экононы и антиграфей, в Сицилии — магистраты полисов. Это, впрочем, говорит не столько о механическом перенесении египетских порядков в Сицилию, сколько о том, что общая тенденция эллинистической эпохи к усилению государственного контроля за откупщиком⁹⁷, проявилась в своеобразной форме и в Сиракузском царстве.

Если же провести сопоставление конкретных предписаний податного устава Птолемея II и известных нам норм Гиеронова закона, то мы не найдем детальных соответствий, за исключением одного случая: полного соответствия сицилийской *ραπίο* египетской *επιγραφή*. В законе Птолемея мы также видим письменное соглашение откупщика и земледельца о раз-

⁹² H. Berve, *König Hieron II*, München, 1959, с. 39—59.

⁹³ Diod., XXV, 14; Liv., XXII, 37; XXIII, 21; XXIII, 38; Polyb., VII, 5, 7.

⁹⁴ J. Carcopino, *ук. соч.*, с. 64—68.

⁹⁵ T. Frank, *уч. соч.*, с. 796.

⁹⁶ T. Lehnschau, s. v. «Hieron», R. E., VIII, Stuttgart, 1912, стлб., 1508.

⁹⁷ См. Ростовцев М. И. История государственного откупа в Римской империи, с. 43—45.

мере налога, составляемое в трех копиях (Par. Rev., 25), причем роль посредников здесь играют также представители власти — эконоом и антиграфей (Par. Rev., 28, 5—9). Однако

подобные *ractiones* или *στυράφα* известны не только в Египте и Сицилии, но и в Киликии и Сирии⁹⁸, что говорит о их широком распространении во всем эллинистическом мире. Поэтому трудно утверждать, что их изобрел именно Птолемей Филадельф.

Ж. Каркопино (op. cit, p. 59) указывает, также на полное сходство сицилийской *professio* и египетской *στυράφα*. Последняя составлялась каждым налогоплательщиком и состояла в указании имени, кома и оценки дохода от сада⁹⁹. Но здесь есть и существенные различия, состоявшие в том, что в Сицилии до пропретуры Верреса указания земледельцами своих посевов не носили официального характера и земледельцы не несли за них ответственность, как это было в Египте (Par. Rev, 29—13); а также в том, что такие показания налогоплательщики Сицилии давали не откупщику, а полисным магистратам. Сходство же этих формальностей можно объяснить тем, что они относились к числу тех норм, которые, по словам Т. Франка (op. cit, p. 796), можно найти в любом законе, регулирующем откуп налогов.

Что же касается так называемого « *αποδείξις του κτηριου* » — показа земледельцев своих посевов откупщику, эконоому и антиграфейю (Par. Rev, 41); который Каркопино также сопоставляет с *professio* (op. cit, p. 59), то следует отметить, что

египетская « *αποδείξις* » преследует совершенно другую цель — проверить, засеяно ли земледельцем предписанное ему количество арур. Сходство здесь, таким образом, чисто внешнее.

Еще менее обоснованным предстает перед нами предположение о перенесении египетских норм в Сицилию, если учесть, что Ж. Каркопино включил в состав *lex Hieronica* такие предписания, которые соответствуют установлениям Птолемея II, но не могут быть с достаточным основанием выведены из текста «Веррин», в частности — ограничение прибыли откупщика определенным процентом суммы налога (в Египте —

⁹⁸ Известные нам из римских источников *ractiones* (Cic, ad Quint., frat. 1, 1, 12, 35; ad Att., V, 13, 1; ad fam., XIII, 65, 1; de prov. cons. V, 10), как справедливо указывает М. И. Ростовцев (*The Social and Economic History of the Hellenistic World*, vol. III, p. 1568), имеют несомненное эллинистическое происхождение.

⁹⁹ Par. Rev, 29, 2—7. « *κρσδος* » здесь — размер земли, с которой владелец получал доход, как считает В. Грейфелл (*Revenue Laws of Ptolemy Philadelphus*, с. 102).

10%, Par. Par. 62, 5, 3—5) и более тяжелое наказание для откупщика, чем для налогоплательщика. Выше было сказано, что Гнеронов закон вряд ли ограничивал прибыль откупщика 6% десятины¹⁰⁰ или устанавливал восьмикратный штраф для декумана и четырехкратный — для земледельца.

Таким образом, предположение о том, что оба податных устава были составлены независимо друг от друга, выглядит более вероятным.

¹⁰⁰ Здесь отличие положения сицилийского декумана от египетского откупщика. Прибыль последнего, строго ограниченная и выплачиваемая уже из царской казны, напоминает скорее жалование, а сам откупщик — государственного чиновника.

IX ИСПАНСКИЙ ЛЕГИОН В БРИТАНИИ

М. С. Садовская

Римская армия — важнейшее достижение римской цивилизации. Необходимость изучения ее организации, этнического и социального состава, ее роли в общественно-политических явлениях римской жизни не вызывает сомнений.

Представляется перспективным с этой точки зрения также изучение отдельных соединений римской армии эпохи Империи. Однако все известные нам работы, посвященные истории отдельных легионов, датируются концом прошлого — первой декадой нынешнего столетия¹. Естественно, что громадный новый археологический и эпиграфический материал делает эти сочинения устаревшими.

Ярким примером в этом отношении является история IX Испанского легиона, действовавшего на территории римской провинции Британии. Новый эпиграфический материал заставил вернуться к истории этого легиона, отказаться от традиционных оценок и выводов.

Однако, несмотря на несомненный интерес к судьбе IX Испанского легиона, проявленный западноевропейскими (преимущественно английскими) историками, мы не можем назвать ни одной работы, посвященной специально этому соединению. С другой стороны, нет такого исследователя, занимающегося или историей римской провинции Британии или историей римской армии, который бы так или иначе не пытался решить спорный вопрос — как и при каких обстоятельствах исчез в начале II в. н. э. в Британии IX Испанский легион; почему о его гибели нет никаких свидетельств, где он погиб — в Британии, Парфии, Иудее и т. д. Действительно, IX Испанский легион прибыл в Британию в 43 г. н. э. вместе с Авлом Плавцием из Паннонии, принимал участие в завоевании

¹ Fr. Guendel, *De legione Romanorum II Adjutrice*, Lipsiae, 1895;

A. E. Ritterling, *De legione Romanorum X Gemina*, Lipsiae, 1885;

F. Beuchel, *De legione Romanorum I Italica*, Lipsiae, 1903;

O. Schilling, *De legionibus Romanorum I Minervia et XXX Ulpia*, Lipsiae 1893;

H. van de Weerd, *Etude historique sur Trois légions romaines du Bas-Danube (V-e Macedonica, XI Claudia, I Italica)*, Paris, 1907.

Британии, в самых драматических событиях британской истории I в. н. э. (восстание Боудикки, борьба с иценами и бригантами, покорение Каледонии и т. д.); его постоянными базами были последовательно Линд (Lindum, современный Линкольн) и Эборак (Eboracum, современный Йорк). В начале II в. н. э. легион «таинственно» исчез. Последняя точная дата пребывания легиона в Эбораке (и вообще в Британии) — 10 декабря 107 — 9 декабря 108 г. (RIB, 665). Следующая, точно датированная (122 г.) надпись из Эборака свидетельствует о том, что там в это время был размещен новый легион — VI Победоносный (RIB, 658). В середине II в. при Марке Аврелии был составлен список всех действующих легионов Империи (ILS, 2288), в котором IX Испанский легион не упомянут². Полное отсутствие в источниках прямых указаний даже на сам факт гибели легиона (не говоря уже о месте, причинах, обстоятельствах) привело к созданию всевозможных версий в литературе, размышлений о судьбе «таинственного», «несчастливого» и даже «мистического» легиона.

Интересно отметить, что все авторы так или иначе признают невозможность окончательного решения этой проблемы, хотя их рассуждения и заключения в ряде случаев представляют значительный интерес³.

Можно выделить несколько основных версий в решении

² Наряду с XXII Deiotariana, гибель которого в Иудее не вызывает сомнений.

³ E. Birley, *Britain after Agricola and the end of the Ninth Legion*, (Durham Journal, 1948 (78—83), *Roman Britain and the Roman Army*, Kendal, 1953. — «Мы не можем прийти к определенному заключению о судьбе IX легиона» (с. 28); «эта проблема может быть решена только дальнейшими раскопками в Шотландии» (с. 29); Sh. Frere, *Britannia. A history of Roman Britain*, London, 1967 — «исчезновение IX легиона, таким образом, представляет трудную проблему» (с. 139); «необходимо дальнейшее доказательство, прежде чем что-нибудь можно будет сказать» (с. 140); G. M. Durant, *Britain Rom's most northerly province. A history of Roman Britain. A. D. 43 — A. D. 450*. London, 1969 — «конец IX легиона остается для нас тайной — (с. 47); G. Webster, *The Roman imperial army of the first and second centuries A. D.* London, 1969 — «ничего не известно об этих событиях и спекуляция наполняла пустоту. Романтический покров тайны и вымысла окружал исчезновение IX легиона...» (с. 83); L. Hagmann, *L'Occident Romain*, Paris, 1970 — «как вообразить себе условия, в которых нашло свой конец это таинственное соединение? Смертоносная битва севернее Вала? Экспедиция... на Восток, где его шеф Секст Юлий Север получил приказ в 132 г. подавить восстание в Иудее? Определенно можно сказать, что IX легион больше не упоминается, но ничто не доказывает, что он погиб на британском острове» (с. 238). Наконец, М. Грант в последней известной нам работе фактически признает невозможным разрешение этого вопроса — в его таблице локализации легионов в период с 20 г. по 215 г. относительно IX Испанского легиона следует комментарий: «разбит в 119—120 гг.» и стоит знак вопроса (M. Grant, *The Army of the Caesars*, London, 1974, с. 292).

этого вопроса: Р. Г. Коллингвуд утверждал, что легион «поворил» себя в неудачной борьбе с бригантами и был расформирован⁴. Фактически то же самое повторял И. Ричмонд: легион погиб во время восстания бриттов в начале царствования Адриана, он был исключен из списка армии, однако его личный состав не был полностью уничтожен⁵. И в самой последней работе этого направления, вышедшей в 1970 г., Л. Арман также полагает, что в Британии в начале II в. н. э. было два восстания, и легион погиб во время второго⁶. Если не считать уже отмеченного выше и необоснованного предположения автора о гибели легиона в Иудее, позиция Л. Армана не отличается от заключений Р. Коллингвуда и И. Ричмонда.

Однако А. Риттерлинг уже давно заметил, что было, по крайней мере, два офицера, которые двадцать лет спустя после службы в IX Испанском легионе находились в расцвете своей карьеры. Они были бы, по его мнению, слишком стары для занимаемых ими должностей или продвигались по служебной лестнице неестественно медленно, если предположить, что легион действительно погиб около 120 г.⁷ Во-первых, это Л. Эмилий Кар, военный трибун IX легиона, занимающий в 142—143 гг. должность наместника Арабии⁸. Во-вторых, Л. Новий Криспин, консул 150 г., который также не мог, по мнению Риттерлинга, быть военным трибуном IX легиона за тридцать лет до этого⁹. Риттерлинг объясняет исчезновение легиона гибелью большей части его личного состава в конце 20-х гг. II в. н. э. в Британии, при этом уцелевшие офицеры могли продолжать службу в других соединениях.

Есть еще одна аналогичная надпись из Пьемонта¹⁰, которая известна Э. Берли¹¹, хотя ее обходят молчанием остальные исследователи. Это надгробная надпись Марка Кокцея Севера, сына Марка, из Поллиевой трибы, префекта IX Сдвоенного легиона и примипила IX Испанского. Судя по его имени, он сам (или его отец) получил гражданство от императора Нервы (96—98 гг.) и триба — Поллиева, в которую записывались люди, рожденные в лагерях, пограничных гарнизонах, подтверждает его происхождение. Однако трудно предположить, что человек, призванный на военную службу в конце I в. н. э. (обычно 20-ти лет), так скоро стал прими-

⁴ R. G. Collingwood and J. N. L. Myres. *Roman Britain and the English Settlements*, Oxford, 1956, с. 129—130.

⁵ I. A. Richmond, *Roman Britain*, Penguin books, 1958, с. 47.

⁶ L. Harmand, *ук. соч.*, с. 237.

⁷ A. I. Ritterling, *Legio*, RE, v. XII, 1934, стб. 1658—9.

⁸ ILS. 1070.

⁹ Там же, 1071.

¹⁰ CIL. V, 7159.

¹¹ E. Birley, *ук. соч.*, с. 27.

пиллом. Считается, что средний возраст примипила шестьдесят лет, следовательно, Марк Кокцей Север мог служить в IX Испанском легионе значительно позже 120 г. н. э., т. е. предполагаемой даты гибели легиона.

Рассмотренные выше надписи не позволяют большинству современных исследователей принять традиционную точку зрения о гибели легиона в первые годы правления Адриана. Э. Берли, автор наиболее глубоких работ о римской армии в Британии, выдвигает три возможные версии о гибели легиона, которые впоследствии так или иначе повторяются в работах современных английских историков. Во-первых, считает он, легион мог быть переведен из Британии при Траяне для участия в Парфянской войне и далее оставался на Востоке. В пользу этого предположения автор не может привести ни одного довода. Во-вторых, VI легион Победоносный был переведен в Британию в 122 г. н. э. не вместо IX Испанского, а на помощь ему для строительства вала Адриана. IX легион принимал участие в сооружении западного отрезка вала, который первоначально был выстроен из дерна, и поэтому легион не оставил надписей на камне. Доказательство — черепица со штампом IX легиона из Карлайла¹². Э. Берли предполагает также, что IX легион мог не участвовать непосредственно в строительстве вала, но нести службу по охране границы, так как более других легионов был знаком с условиями Севера. В этом случае легион мог двинуться из Британии на Восток после окончания строительства Адрианова вала, он мог быть переведен Секстом Юлием Севером в Иудею после 132 г., так как Британия не нуждалась в четырех легионах¹³.

Новый поворот дискуссии был дан недавним открытием двух штампов IX Испанского легиона на нижнем Рейне, в Голландии, около Ниймегена¹⁴. Значение этой находки было очень высоко оценено в современной литературе. А. Р. Берн даже объяснил необходимость второго издания своего сборника римских надписей в Британии появлением этих новых материалов о IX Испанском легионе¹⁵.

Дж. Богерс предполагает, что IX легион около 121 г. н. э.

¹² Датировка этого штампа практически невозможна. Г. Вебстер полагает, например, что следы пребывания IX легиона в Карлайле относятся ко времени продвижения на север Петилия Цернала (71 г. н. э.) — G. Webster, *ук. соч.*, с. 73, сноска 3.

¹³ E. Birley, *ук. соч.*, с. 27—29.

¹⁴ J. E. Bogaers, *Romeins Nijmegen*, Numaga, 12 (1965), 10ff (цитируется по Sh. Frere, *ук. соч.*, с. 140); J. E. Bogaers, *Die Besatzungstruppen des Legionslagers von Nijmegen im 2 Jahrhundert nach Christus*, *Studen zu den Militärgrenzen Roms*, 1967, с. 57—56 (цитируется по G. Webster, *ук. соч.*, с. 83).

¹⁵ A. R. Burn, *The Romans in Britain. An Anthology of inscriptions*, Oxford, 1969, с. 79—80.

взял на несколько лет форт в Ниймегене (где ранее, до 104 г. н. э. мог размещаться X Сдвоенный легион, потом — смешанные силы вспомогательных войск), затем был послан на Восток, где погиб.

Это мнение кажется основательным прежде всего Ш. Фреге, автору монументального труда по истории римской Британии, хотя он и не отрицает необходимость дальнейших исследований и поисков новых доказательств¹⁶. Разделяет эту точку зрения и крупный археолог, преподаватель романо-британской археологии Бирмингемского университета Гр. Вебстер¹⁷.

Полагаем, что единственный реальный путь решения данного вопроса — это исследование истории легиона в целом, особенно внимательно того решающего отрезка времени, о котором нам достоверно известно, что легион дислоцировался на территории Британии — 43 (44) — 107 (108) гг. н. э.

Общезвестно, что легион был набран в Африке вместе с III Августовым легионом. Х. М. Д. Паркер предполагает, что это мог быть IX легион Цезаря, заново реконструированный Октавианом¹⁸. Известно, что после победы в гражданской войне Август первоначально уменьшил число легионов до 18, в том числе оставил 12 своих собственных (I—XIX); таким образом, IX легион входил в число легионов Августа. Отличительным внешним признаком легиона был его *согнопет*. *Согнопета* могли быть различных типов: это могло быть имя принцепса, кем был сформирован легион (например, Второй Август, Третий Август); *согнопет* мог указать на какие-то заслуги легиона — Шестой Победоносный, Благочестивый, Верный; отмечать метод формирования — Четырнадцатый Сдвоенный и т. д.; наконец, *согнопет* мог указывать на провинцию, на территории которой легион особенно отличился. Действительно, IX легион, набранный в Африке какое-то время успешно действовал в Испании. Но *согнопет* «Hispana» — сравнительно поздний, так же, как и символ легиона — Нептун. Г. Дессау приводит надпись, где дан совсем иной *согнопет* IX легиона — «Triumphalis»¹⁹. Есть предположение, что это почетное прозвище относится к триумфу триумвиров в Бононии в 43 г. до н. э. (App. B. C. IV, 7)²⁰. Кроме того, встречается еще один *согнопет* этого легиона — «Macedonica»²¹. Быть может, это свидетельствует об участии легиона в

¹⁶ Sh. Frege, ух. соч., с. 139—140.

¹⁷ G. Webster, ух. соч., с. 83.

¹⁸ H. M. D. Parker, The Roman legions, N. Y., 1958, с. 268.

¹⁹ ILS, 2240.

²⁰ H. M. D. Parker, ух. соч., с. 268.

²¹ ILS, 920.

битве при Филиппах (42 г. до н. э.)²². В дальнейшем эти титулы не употребляются.

Cognomen «Испанский» указывает на длительное пребывание этого легиона в Испании, что в какой-то мере подтверждается испанским происхождением некоторых легионеров.

Дж. Форми приводит таблицу, где пытается установить происхождение солдат, в частности IX Испанского. Данных у него явно недостаточно, он использует очень ограниченный эпиграфический материал, но все же для периода Августа-Калигулы есть один легионер из Тарраконской Испании (при этом пять италийского происхождения, один из Македонии и один из Нарбоннской Галлии); для времени Клавдия-Нерона — один тоже из Тарраконской Испании, из Клунии (три из Италии, один из Нарбоннской Галлии)²³.

Однако, как мы видели, испанское происхождение легионеров вовсе не обязательно. В 6 г. н. э. легион был переведен в Паннонию²⁴. Легион принимал участие в восстании. Тацит и Светоний пишут о мерах, которые должен был принять Тиберий для подавления восстания солдат паннонских легионов, в том числе и IX Испанского (Тас. Анн., I, 36, Suet., Tib., 48, 2). Тиберий же перевел IX Испанский легион в Африку (20 г. н. э.) под командованием Л. Корнелия Сципiona для усиления гарнизона этой провинции и для борьбы с Такфаринатом (Тас., Анн., III, 9, I; 2Г).

Известен Марк Эмилий, всадник, ветеран IX Испанского Легиона, который получил от Тиберия военные награды²⁵. Через четыре года легион опять был переведен в Паннонию (Тас., Анн., IV, 23, 2), где и оставался до тех пор, пока наместник Паннонии Авл Плавций, родственник Клавдия, сенатор, консул 29 г., не получил назначения в Британию, которую еще предстояло завоевать (43 г. н. э.). В британский поход Авл Плавций взял хорошо ему знакомый IX Испанский легион, и логично предположить, что именно этот легион был его постоянной опорой, как во время волнения солдат рейнских легионов (II Августова, XX Валериева Победоносного, XIV Сдвоенного), которые отказались выступить в поход, опасаясь Океана и трудностей переправы на незнакомый остров (Dio Cass., LX, 19), так и в ходе завоевания новой провинции.

²² H. M. D. Parker, ук. соч., с. 268.

²³ J. Formi, *Il reclutamento delle legione da Augusto a Diocleziano*, Milano-Roma, 1953, с. 227, 228.

²⁴ CIL, V, 911.

²⁵ EE, VIII, 503; как полагает А. Домашевский, за участие в войне против Такфарината (A. von Domaszewski, *Die Rangordnung des römischen Heeres*, Bonn, 1908, с. 68).

Однако первые следы пребывания легиона в Британии относятся ко второму этапу завоевательного похода Плавция, — после первых успехов римлян, отъезда Клавдия из Британии (47 г.), когда Авл Плавций разделил свои силы на три колонны, и армия двинулась в трех направлениях от своей новой базы Камулодуна (современного Кольчестера); при этом IX Испанский легион направлялся на север через Кембридж и Годманчестер по направлению к Линкольну. Мы ничего не знаем о его наступательных операциях, боевых действиях, за исключением следов лагеря около Кастора на р. Нене, обнаруженного при помощи аэрофотосъемки²⁶. Сравнительно недавно была найдена черепица со штампом IX легиона из того же лагеря²⁷.

Кроме того, С. Джозеф также при помощи аэрофотосъемки открыл большой лагерь, достаточный для размещения половины легиона, около Лонгторпа на р. Нене...²⁸.

Археологические раскопки, проводимые в этом районе Ш. Фрером в период с 1967 по 1971 гг. обнаружили остатки деревянных зданий, в том числе, зернохранилища и рpіncіpіа, датируемые с помощью керамики периодом Клавдия-Нерона²⁹.

Вся территория Линкольншира была буквально усыпана стоянками, маршевыми лагерями, укрепленными фортами, где размещались солдаты IX Испанского легиона.

Если Г. Вебстер и Д. Дадли отмечают четыре ранних форта IX легиона в Линкольншире (около Лонгторпа, Кембриджа, Уотер Ньютона и Годманчестера)³⁰, то Ш. Фрер добавляет к вышеназванным еще четыре (около Челмсфорда, Анкастера, Хоума близ Ньюарка и Грейт Честертон)³¹.

Значительные разногласия вызвал вопрос о времени основания форта в Линде (Линкольн). Р. Коллингвуд, И. Ричмонд, П. Блейр и Д. Дивайн считают, что IX Испанский легион разместился в Линде во время второго этапа завоевания Британии Римом (т. е. около 47 г.) с целью держать в

²⁶ R. G. Collingwood and J. N. L. Myres, ук. соч., с. 90.

²⁷ A. R. Burn, *The Romans in Britain*, ук. изд. с. 4.

²⁸ Sh. Frere, ук. соч., с. 70.

²⁹ G. Webster and D. R. Dudley, *The Roman conquest of Britain*, London, 1973, с. 92.

³⁰ G. Webster and D. Dudley, ук. соч., с. 92. Поражает неуверенность вывода авторов: «эти могли быть форты Плавция во вновь докоряемом районе, если, конечно, они не относились к эпохе позднейших волнений 60 г.» (там же).

³¹ Sh. Frere, ук. соч., с. 70—71.

повиновенни племена триновантов и иценов³². Однако Г. Вебстер, Д. Дадли и Ш. Фрер настойчиво говорят о том, что первоначально легион дислоцировался в Лонгторпе, и только значительно позднее, не ранее наместничества Дидия Галла в Британии (52—57 гг.) был основан форт в Линде. При этом Ш. Фрер вынужден признать, что ранний форт в Линде мог размещаться на территории, где никогда не велись раскопки (под средневековым собором современного Линкольна)³³, а Г. Вебстер и Д. Дадли, отмечая бедность керамических находок в ранних слоях Линкольна и считая, что форт был основан не ранее 60 г. н. э., все же ссылаются на три надгробные надписи легионеров IX Испанского, в которых отсутствует *conpomen*, что, по мнению авторов, подтверждает возможность раннего основания форта (RIB, 254, 255, 267)³⁴.

Во всяком случае, все признают, что древнейшие римские дороги в этом районе — Эрмайн Стрит и Фоссе Уэй — были построены солдатами IX Испанского легиона, строительство началось с первых лет оккупации этого района римлянами, т. е. в 47—48 гг., и вдоль дорог были размещены многочисленные маршевые лагеря и укрепленные пункты различных размеров³⁵.

Однако трудно предположить, что такое выгодное в стратегическом отношении место как Линд — холм 60 м. высоты над уровнем долины, на берегу реки Уитгэм, в том месте, где она прорывается через каменные отроги гор, не было своевременно занято римлянами. Это территория племени коританов, хотя их центр располагался довольно далеко от Линда, на месте современного Олд-Слифорда. Нет никаких археологических доказательств пребывания римлян в тот период севернее Линкольна, следовательно, IX Испанский легион дислоцировался в пограничном районе, должен был контролировать племена триновантов, коританов и иценов. Линд достаточно

³² R. G. Collingwood and I. A. Richmond, *The Archaeology of Roman Britain*, London, 1969, с. 16; P. H. Blair, *Roman Britain and Early England*, Edinburgh, 1963, с. 38.

«следы легиона ясно видны для тех, кто умеет видеть». Автор ссылается на эпиграфический материал, монеты и керамику времени Клавдия, остатки массивного рва и укреплений из дерна и дерева: D. Divine, *The north-west frontier of Rome. A military study of Hadrian's Wall*, London, 1969, с. 43.

³³ Sh. Frere, ук. соч., с. 71.

³⁴ G. Webster and D. Dudley, ук. соч., с. 95.

³⁵ P. H. Blair, ук. соч., с. 37; Sh. Frere, ук. соч., с. 71; G. Webster and D. Dudley, ук. соч., с. 95.

хорошо описан в современной английской исторической и археологической литературе³⁶.

Первоначально укрепления были очень скромными: вал из дерна, деревянный частокол, возможно, башни, также деревянные. Поражает необычный размер форта — 41—41,5 акр (16,6 га)³⁷. Следует заметить, что обычный размер форта, предназначенного для стоянки легиона — 50—60 акров, таким образом, на территории Линда практически могла быть размещена только половина легиона (вместе с *auxilia*).

Логично предположить, что размеры форта определялись размерами легиона. Вероятно, IX Испанский легион с самого начала был меньше нормы, так как размеры фортов, предназначенных для стоянок других легионов, значительно больше³⁸, а ведь они также должны были контролировать обширные территории и разделялись на отдельные вексилляции, размещаемые в маленьких укрепленных пунктах.

Вопрос же о времени строительства форта в Линде практически в этом отношении не имеет значения, так как, если допустить, что первоначальной базой легиона был форт в Лонгторпе, то размеры последнего (30 акров)³⁹ только подтверждают нашу мысль.

Впервые нам становится известно об активных военных действиях IX Испанского легиона во время вмешательства римлян в междоусобную войну бригантов (51—57 гг. н. э.).

Северной границей территории бригантов была линия будущего вала Адриана, а южной — Шервудский лес, Айдльские болота и бассейн Трента⁴⁰. Центр племени находился на территории современного Йоркшира. Вождь бригантов Венуций (см. о нем Тас. Апп., XII 40) находился в состоянии войны со своей женой Картимандуей; последняя была сторонницей римлян, (выдала им в свое время вождя антиримского движения Каратака), пользовалась их покровительством. Венуция же «поддерживали симпатии народа» (Тас. Hist. III, 45). Римляне послали на помощь Картимандуе сначала только вспомогательные войска, но сражение, видимо, не принесло им успеха (Тас. Апп. XII, 40). Затем из Линда выступает IX Испанский легион во главе с Це-

³⁶ A. L. F. Rivet, *Town and country in Roman Britain*, London, 1958; R. G. Collingwood and I. A. Richmond, *The Archaeology of Roman Britain*, London, 1969; J. Wachter, *The Towns of Roman Britain*, Berkeley-Los Angeles, 1974.

³⁷ A. L. F. Rivet, *ук. соч.*, с. 138; Sh. Frere, *ук. соч.* с. 71; хотя П. Блейр дает иную цифру — 43 акра — P. H. Blair, *ук. соч.*, с. 38.

³⁸ Sh. Frere, *ук. соч.*, с. 221—222, 257; R. G. Collingwood and J. A. Richmond, *ук. соч.*, с. 16, 20

³⁹ Sh. Frere; *ук. соч.*, с. 70.

⁴⁰ A. L. F. Rivet, *ук. соч.*, с. 42.

нием Назикой⁴¹. Сражение с бригантами, по мнению археологов, произошло где-то между Йорком и Каттериком⁴². Результаты его были такими же, как и в первом случае. В «Анналах» Тацит говорит о «переменном успехе, в конце концов увенчавшемся нашей победой» (XII, 40), а в «Истории» интересно его замечание о «переменном счастье» (III, 45) в связи с этими событиями. Однако, несмотря на эту победу, нападения бригантов на территорию провинции (граница тогда проходила по рекам Трент и Северн) еще много лет тревожили римлян.

Нам не известно, выступал ли легион в этом случае против бригантов в полном составе, как утверждает А. Р. Берн⁴³, или только одним отрядом⁴⁴. Во всяком случае, это событие дает возможность сделать, по крайней мере, два вывода: легион не мог одержать победу, сдержанные оценки Тацита и последующие нападения бригантов скорее говорят о поражении. Это свидетельствует о слабости легиона прежде всего численной. Во-вторых, во время продвижения на территорию бригантов легион опять выделил из своего состава силы для размещения в гарнизонах новых крепостей⁴⁵.

Однако наиболее тяжелое поражение IX легион испытал во время восстания Боудикки (60 г.), когда воинственные ищены осадили римскую колонию Камулодун (современный Кольчестер), и командир легиона Квинт Петилий Цериал, родственник Веспасиана, его друг и наместник Британии впоследствии пытался прийти на помощь осажденным. Тацит очень красочно описывает, как легион Петилия Цериала опоздал к месту сражения под стенами Камулодуна; более того, бритты рассеяли IX легион, перебив всю пехоту, сам же Цериал с трудом спасся бегством вместе со своей конницей и укрылся в укрепленном лагере (Тас., *Ann.* XIV,

⁴¹ Есть предположение, что Цезий Назика был братом Петилия Цериала, который позднее (60 г.) принял командование IX Испанским легионом, а затем, став наместником в Британии (71—74 гг.) пытался покорить бригантов. Его полное имя — *Quintus Petilius Cerialis Caesius Rufus* (G. Webster and D. Dudley, *ук. соч.*, с. 155).

⁴² G. Webster and D. Dudley, *ук. соч.*, с. 156.

⁴³ A. R. Burn, *Agricola and the Roman Britain*, N. Y., 1962, с. 42.

⁴⁴ Sh. Frere, *ук. соч.*, с. 85.

⁴⁵ Ш. Фрер называет форт около Темпльборо, основанный в это время (Sh. Frere, *ук. соч.*, с. 85), хотя Г. Вебстер датирует основание форта 60 г. (G. Webster and D. Dudley, *ук. соч.*, с. 157).

32)⁴⁶. В другом месте Тацит опять подчеркивает, что британцы были истреблены целый легион, осмелившийся на битву (*ibid.*, 35). Тацит не называет количество убитых солдат IX легиона, но, судя по тому, что впоследствии Нерон прислал с континента войска для пополнения римской армии в Британии, и в их числе — две тысячи легионеров для IX Испанского легиона (*ibid.*, 38), естественно предположить, что потери легиона не превышали этого числа. Однако у нас нет никаких оснований считать, что легион выступал из Линда (или из Лонгторпа) не в полном составе, как полагает Ш. Фрер⁴⁷. Во-первых, Тацит постоянно говорит, как мы видели, о гибели целого легиона, во-вторых, логично предположить, что легат выступил во главе всех своих сил, а не одного отряда. Разумеется, надо учитывать, что часть IX легиона продолжала составлять гарнизоны укреплений Линкольншира, и во время продвижения на юг, к Камуллуну легион оставлял гарнизоны в небольших укреплениях вдоль Эрмайн Стрит на расстоянии однодневного марша один от другого⁴⁸.

Мы не можем, однако, согласиться с тем, что потери Петилия Цернала не были столь тяжелыми, какими их описывает Тацит⁴⁹. Тацит объективен там, где у него нет причин для личной заинтересованности. IX Испанский легион не был связан с Агриколой (как XX Валериев Победоносный), и Тацит скорее должен бы преуменьшать потери легиона. Во всяком случае, потеря двух тысяч легионеров (кстати, у нас нет доказательств, что Петилий Цернал не потерял значительно больше, не считая, разумеется, потерь *auxilia*) была бы тяжелым ударом и для нормального по количественному составу легиона, не говоря уже о IX Испанском. Драматический тон Тацита в этом случае имеет основания.

Очень важно отметить ослабление IX легиона (как, впрочем, и других британских легионов) во время гражданской войны 68—69 гг. н. э., Тацит неоднократно отмечает, что Вителлий «начал стягивать резервы из Британии, Галлии и Испании» (*Hist.*, III, 15), конкретизирует, говоря об «отдель-

⁴⁶ Сражение произошло к северу от г. Броунинг на дороге от Линкольна к Лондону (D. Divine, ук. соч., с. 46). Этот же автор определяет расстояние от племенного центра иценов (современного Кейстера) до Линкольна в 90 миль, а до Кольчестера — 50 миль. (Там же). Следовательно, Петилию Церналу пришлось пройти ускоренным маршем более 100 миль, опоздание при этом естественно, так как Камуллуну был взят в два дня.

⁴⁷ Sh. Frere, ук. соч., с. 90.

⁴⁸ Sh. Frere, ук. соч., с. 91.

⁴⁹ Там же, с. 90.

ных подразделениях британских легионов — девятого, второго и двадцатого» (Ibid., 22). Всего из Британии было вызвано, таким образом, 8 тысяч солдат, они участвовали в битве при Бедриаке на стороне Вителлия. В дальнейшем, когда «дела Веспасиана повсюду пошли на лад... к нему присоединились сначала Испания... затем галльские провинции и, наконец, Британия. Солдаты расположенного здесь Второго легиона любили Веспасиана, который при Клавдии командовал ими и хорошо проявил себя в боях. Они сумели перетянуть на свою сторону и остальные войска, правда, не без сопротивления и споров: большинство центурионов и солдат получили от Вителлия повышения по службе и очень неохотно отказывались от принцепса, доказавшего им на деле свою благосклонность» (III, 44). Г. С. Кнабе (см. Корнелий Тацит, соч., в двух томах, т. II История, «Наука», Л., 1969, с. 280) утверждает, ссылаясь на замечание Тацита (Tac. Agr. vita, VII), что это касается, в первую очередь, Двадцатого легиона, но это неубедительно. Среди солдат, «недовольных» приходом к власти Веспасиана, с полным основанием могли быть солдаты не только Двадцатого, но и IX Испанского легиона.

Нам ничего не известно о каких бы то ни было пополнениях британских легионов, и мы вправе предположить ослабление IX Испанского легиона в результате всех этих событий.

Затем мы опять встречаемся с IX легионом в 71 г., когда Петилий Цериал совершил новое, успешное, как сообщает Тацит (Agr. vita, XVII), нападение на племя бригантов. Цериал успел к этому времени побывать в Германии, где перед ним была поставлена задача подавить восстание Цивилиса. Он прибыл в Британию вместе с новым легионом — II Вспомогательным, который расположился сразу же (или некоторое время спустя) в Линде, в то время, как IX Испанский легион, как «старый» легион Петилия Цериала, стал его главной опорой в наступлении на Йорк. Направление движения легиона отмечено следующими следами: во-первых, форт Броу на северном берегу реки Хамбер, где впоследствии вырос скромный административный центр паризнев — Петуария; во-вторых, форт Мальтон, также важный центр паризнев, откуда быстро можно было попасть во все районы, окружающие Йорк и, наконец, сам Йорк⁵⁰. Раскопки показали, что уже в самом начале своего наместничества (71—72 гг.) Цериал установил в Йорке лагерь такого типа, который археологи называют «полупостоянным», и который мог быть использован как передовая база во время воен-

⁵⁰ I. A. Richmond, Roman Britain, Penguin books, 1958, с. 37.

ных действий на территории бригантов. Р. Коллингвуд утверждает, что такой «полупостоянный лагерь был построен в Йорке в 71 г., а форт для IX Испанского легиона — два года спустя⁵¹. Однако Ф. Пирсон считает, что легион был переведен из Линкольна в Йорк в 78 г.⁵². В другом месте он говорит, что действительная дата строительства раннего форта неизвестна, крепостной вал был из глины, казармы — из дерева, несомненно только одно: IX легион двинулся из Линкольна между 71 и 74 гг.⁵³. Выбор Эборака (Йорк) в качестве новой базы для легиона, несомненно, обусловлен топографическими условиями местности. Это — ключ к территории бригантов, плацдарм для наступления в самом сердце враждебной страны. Эборак расположен на берегу главной реки бригантов Аузы, которая была судоходна⁵⁴. С экономической точки зрения Эборак во многом превосходил Линд, играл гораздо большую роль в жизни римской Британии. Форт имел прекрасные коммуникации — отчетливо видны следы двух древних путей — на запад из Донкастера в Каттерик и на восток из Броу на Хамбере к Норталертону⁵⁵. Древнейший вал Эборака представлял собой земляную насыпь с вертикалями из дерева спереди и сзади. Скоро, вероятно, были построены деревянные же башни. Форт занимал территорию в 41,5 акр (16,6 га), т. е. точно такую же, как и форт IX легиона в Линде⁵⁶. И. Ричмонд, который занимался раскопками римских фортов во всех северных районах страны, говорит, что ему неизвестны и непонятны причины, почему территория форта в Эбораке была такой незначительной⁵⁷. Мы вправе опять предположить, что размеры форта определялись малочисленностью легиона. Конечно, и в конце I в. н. э. легион разделялся на несколько вежсиллаций; именно в это время мы видим следы легиона в Олдборо — это всего лишь штамп на черепице, найденной в 20 милях от форта Эборак⁵⁸.

Кроме того, мы знаем, что часть легионеров IX Испанского легиона осела в Линде, который в конце принципата Домициана (92 г.) был объявлен колонией для ветеранов IX легиона и II Вспомогательного — *Colonia Domitiana*

⁵¹ R. G. Collingwood and J. N. L. Myres, ук. соч., с. 103.

⁵² F. R. Pearson, *Roman Yorkshire*, East Ardsley, 1973, с. 36.

⁵³ Там же, с. 41.

⁵⁴ F. R. Pearson, ук. соч., с. 41—43. «Eburach-Eboracum» от кельтского «ebur», «а boar» — «город на реке».

⁵⁵ R. G. Collingwood and J. N. L. Myres, ук. соч., с. 110.

⁵⁶ Правда, Ш. Фреге, совершенно неосновательно говорит, что форт Йорка имел площадь 50 акров (Sh. Frege, ук. соч., с. 99).

⁵⁷ R. G. Collingwood and I. A. Richmond, ук. соч., с. 16.

⁵⁸ A. R. Burn, *The Romans in Britain. An Anthology...* с. 21. Автор полагает, что легион находился здесь даже до основания форта в Эбораке.

Lindensium, — таково официальное наименование этой колонии (CIL, XIII, 6679). Мы располагаем всего пятью надписями IX Испанского легиона из Линда. Это старые находки (последняя найдена в 1909 г. — RIB, 257) и точная датировка надписей невозможна. Все эти надписи — надгробные: Квинта Корнелия (254), Гая Савфейя (255), Луция Семпрония Флавина (256) и Гая Валерия (257), есть еще фрагмент надписи некоего «сына Марка» (260).

Как видно, в трех случаях из четырех в именах нет сопони, что характерно скорее для I в. н. э. Следовательно, эти надписи оставлены ветеранами IX легиона, который давно уже в это время покинул Линд, передислоцировался в Эборак и, может быть, успел «таинственно исчезнуть» в начале II в. н. э.

Из самого же Йорка мы имеем всего четыре надписи на камне, оставленные IX легионом. «...богу Сильвану Луций Целерин Виталий, корникулярный IX Испанского легиона» (RIB, 659), две надгробные: «Луцию Дукцию Руфину, сыну Луция, Волтинской трибы из Вьенны, знаменосцу IX легиона» (RIB, 673) и «Гаю, сыну Гая..., Клавдиевой трибы из Новарии (западнее современного Милана) — ...IX Испанского легиона» (RIB, 680). Все эти три надписи не поддаются точной датировке, зато четвертая датируется совершенно точно временем от 10 декабря 107 г. до 9 декабря 108 г. Это — строительная надпись: «...сделал ворота для легиона IX Испанского» (RIB, 665). А. Берн приводит эту надпись как доказательство строительных работ в Йорке⁵⁹, и археологи подтверждают, что там именно в начале II в. были построены первые каменные здания⁶⁰.

Последний, зафиксированный в нарративных источниках период активной военной деятельности IX Испанского легиона наступает в конце 70-х гг. I в. н. э. Это время наступательных походов Юлия Агриколы на север страны. Летом 79 г. армия Агриколы двигалась по западной стороне Пеннин двумя параллельными колоннами — одна выступала из Йорка, другая — из Честера. Агрикола возглавлял, конечно, «свой» XX Валериев Победоносный легион, а IX Испанским командовал Гай Каристан Фронтон⁶¹, который возглавлял

⁵⁹ A. R. Burn, *The Romans in Britain, An Anthology...*, с. 40.

⁶⁰ R. G. Collingwood and I. A. Richmond, *ук. соч.*, с. 20. I

⁶¹ Родовое имя очень редкое, см. ILS, 9485. Это надпись из Антиохии (JRS, 13), 1913: «Гаю Каристану Фронтоу, сыну Гая, Сергиевой трибы, военному трибуну, префекту Боспорской алы, внесенному, в списки сената в ранге трибуна, принятому в преторский ранг императорскому легату Понта и Вифинии, легату божественного Веспасиана Августа командующему IX Испанским легионом в Британии...»). Однако летом 80 г. Каристан Фронтон покинул Британию: Тит назначал его правителем в Памфилию.

движение левой (восточной) колонны. Есть предположение, что именно в это время был основан форт Ньюстед на Твиде⁶² силами IX легиона, что не могло не привести к некоторому ослаблению легиона.

К лету 80 г. были «опустошены местности вплоть до Таная» (Тас., *Agr. vita*, XXII), т. е. римляне достигли Форты и Клайда. Суммируя археологические данные, можно не только определить маршрут армий Агриколы, но и вновь основанные им форты — сохранились земляные валы в Инглеборо и Кэррок Фелл⁶³.

В 83 г. римляне вторгаются в Каледонию, пройдя Пертширские высоты. Здесь опять видны остатки фортов и укрепленных маршевых лагерей: во-первых, это форт Инчутил на реке Тей (древний Танай) у Пертских высот, во-вторых, — Кардеан, в 12 милях к северо-востоку от него и, в-третьих, — Стракатро в 23 милях от Инчутила в том же направлении⁶⁴. Впоследствии Инчутил стал той пограничной точкой римских владений, которые входили в зону, контролируемую IX Испанским легионом из Эборака. Расстояние от Йорка до форты в Инчутиле П. Блейр определяет в 225 миль⁶⁵.

Естественно предположить, что этот форт, как и два других, выше названных, был укомплектован из состава IX Испанского легиона. Кроме того, надо учитывать, что это горный, труднопроходимый район, таким образом, на IX легион возлагалась совершенно непосильная задача.

Убедительным доказательством того обстоятельства, что в 80-е годы Эборак был зимней квартирой самого Агриколы, центральной базой римского наступления на Шотландию, служит посвящение некоего Деметрия (ILS, 8861). Другое посвящение того же Деметрия Океану и Тетису (RIB, 622—3) заставляет предположить, что он был писцом в штабе IX легиона в Эбораке.

В 83 г. состоялся знаменательный для IX легиона поход Агриколы в Каледонию. Тацит не приводит сведений о составе войск Агриколы в этом походе, только из беглого замечания (Тас. *Agr. vita*, XXVI) мы можем заключить, что IX легион выступил не в полном составе. Агрикола разделил свои силы на три части (Тас. *Agr. vita*, XXV), и бритты, будучи, видимо, прекрасно осведомленными о составе и численности его армии, мастерски организуют ночное нападение на лагерь самого слабого IX легиона. Они «убивают часовых, врываются в лагерь среди сна (одних) и смятения

⁶² R. G. Collingwood, and J. N. L. Myres, *ук. соч.*, с. 118; R. G. Collingwood and I. A. Richmond, *ук. соч.*, с. 33.

⁶³ P. H. Blair, *ук. соч.*, с. 54; Sh. Frege, *ук. соч.*, с. 104—106.

⁶⁴ См. карту, составленную Ш. Фрегом, *ук. соч.*, с. 106.

⁶⁵ P. H. Blair, *ук. соч.*, с. 66.

(других)» (Тас. *Agri. vita*, XXV). Только помощь другого отряда, пришедшего на рассвете, спасла IX легион от полного уничтожения. Однако бой продолжался всю ночь. Римляне понесли, очевидно, такие большие потери, что за время этой летней кампании не продвинулись ни на шаг и вернулись на исходные рубежи. Только в 84 г., во время нового похода, в битве в Граупийских горах (северо-восточная Шотландия) римские легионеры одержали крупную победу над плохо организованным, хотя и многочисленным каледонским войском.

Надпись, найденная в Тибуре, в Италии объясняет, почему IX Испанский легион оказался в столь невыгодном положении в Шотландии в 83 г. Это почетная надпись, отмечающая карьеру сенатора Луция Росция Элиана, консула, проконсула в Африке; претора, трибуна и т. д. В числе постов, которые он занимал, есть один, особенно интересующий нас — военного трибуна IX Испанского легиона и также отрядов этого легиона в германской экспедиции⁶⁶.

Император, квестором которого был Росций, не назван; в перечне наград, полученных Росцием также опущено имя императора. Вероятно, это Домициан, так как после смерти его имя в официальных документах опускалось. Очевидно, Домициан приказал Агриколе выделить войска для его собственной кампании на Рейне⁶⁷ и тем самым фактически сорвал поход Агриколы в 83 г.

Однако и после побед 84 г. положение римлян в Шотландии было непрочным. Практически и после отъезда Агриколы (86 г.) территория севернее Йорка не могла надежно контролироваться римскими войсками. На IX Испанский легион возлагалась задача прикрывать восточную сторону Британии к югу от форта Инчтутил⁶⁸.

Самый «темный» период истории IX легиона — это II в. н. э., т. е. первое его десятилетие. Мы вообще плохо знаем жизнь римской Британии в это время. Нет никаких определенных сведений о волнениях в провинции в период правления Нервы и Траяна. Однако мы знаем, что еще в конце I в. н. э. римляне приступили к реконструкции старых временных фортов Агриколы, что свидетельствует о возникшей напряженной обстановке в северных районах⁶⁹. Археологи-

⁶⁶ ILS, 1025; A. R. Burn, *The Romans in Britain. An Anthology...* 35; «trib. mil. leg. IX Hispan. vexillarior. eiusdem in expeditione Germanica».

⁶⁷ См. также ILS, 9200.

⁶⁸ D. Divine, ук. соч., с. 57.

⁶⁹ Так, в Ньюстеде, который приобрел теперь исключительно важное значение, был не позднее 90 г. полностью перестроен форт Агриколы, и на его месте возник новый, большой по размерам (14,3 акра) форт. — См. S. E. Winbolt, *Britain under Romans*, N. Y., 1945, с. 25; Sh. Frere, ук. соч., с. 121.

ческие раскопки таких фортов, как Ньюстед, Далсунтон, Гленлохар, Каррак, Оанвуд, Хай-Рочестер убедительно доказывают, что во времена Траяна они подверглись штурму восставших бриттов и были разрушены и сожжены⁷⁰. В некоторых из них найдены человеческие скелеты и оружие, что говорит о внезапной и быстрой эвакуации римлян из этих фортов.

В самом начале II в. также продолжается реконструкция фортов. Так, надписи из Керлеона доказывают, что восстановительные работы в этой крепости начались не позднее 104 г. (RIB, 330, 333—4, 336—47, 349—354, 175, 555) и приняла очень большой размах — были восстановлены основные здания форта и укрепления. В Честере также были выстроены новые каменные стены впереди старых деревянных не позднее 105—115 гг. (RIB, 464, 467—74). В эти же годы (107—108 гг.) в Йорке, как мы уже видели, производились восстановительные работы силами IX легиона (RIB, 665). Мы не располагаем прямыми указаниями о восстании в Британии в 20-х гг. II в., однако, биограф Адриана Элий Спарциан определенно утверждает, что в первые годы принципата Адриана «британцев невозможно было удержать под римской властью» (S. N. A., Ael. Spart., Hadr., V, 2). Заслуживает внимания риторический вопрос Фронтинуса — «сколько солдат было убито британцами... в правление Адриана?» (Fronto, De bello Parthico, 107). И, наконец, у нас есть косвенное свидетельство Ювенала, который пишет о трудностях жизни солдата, которому ежедневно приходится «разрушать лачуги мавров или убежища бригантов» (Satires, XIV, 196). Ювенал написал эту сатиру между 120 и 127 гг., и незачем видеть в ней какие-то следы, отголоски восстания бригантов в 85 г., как предполагает Ч. Омен⁷¹.

Кроме того, многочисленные монеты, выпущенные правительством Адриана, отмечают не только факт приезда Адриана в Британию или строительство вала, но и какую-то победу его войск. В этом отношении исключительный интерес представляет монета 119 года, на которой изображена Британия, сидящая, ногой опирающаяся на камень, склонившая голову на правую руку и держащая скипетр, вправо от нее — большой щит. На реверсе надпись «Britannia»⁷². Позднее, в 134—138 гг. в Риме выпускались монеты с такой же надписью на реверсе и также изображающие Британию, только в несколько иной позе⁷³. Несколько типов монет было выпущено

⁷⁰ Там же, с. 122.

⁷¹ Ch. Oman, *England before the Norman conquest*, London, 1910, с. 103.

⁷² *The Roman Imperial coinage*, v. 11, London, 1926, 577.

⁷³ Там же, 845.

в честь прибытия императора в Британию («adventui aug. Britanniae s. c.»)⁷⁴. Интересны монеты, на которых изображен Адриан, сидящий на коне и обращающийся к войску⁷⁵.

Все эти немногочисленные данные нарративных источников, археологии, эпиграфики и нумизматики свидетельствуют о том, что в начале принципата Адриана на севере Британии, скорее всего, на территории племени бригантов вспыхнуло крупное восстание, в ходе которого рассеянный по отдельным укреплениям Йоркшира малочисленный IX легион мог быть разбит, его живая сила уничтожена до такой степени, что всякие пополнения были бы нецелесообразны. Вероятным представляется также потеря орла в каком-нибудь бою, после чего исключение легиона из списков римской армии вполне естественно. Д. Дивайн выражает мысль многих исследователей, когда пишет: «Трудно представить себе, что такое разрушение одной трети военных сил провинции не вызвало никакой реакции в Риме»⁷⁶. Однако мы не можем с этим согласиться. Хорошо известные решительные меры по реорганизации римской армии, строительству военных укреплений на территории бригантов и вообще на севере провинции. Самая эффективная мера — это строительство вала Адриана между Тайном и Сольвеем в 123—124 гг., вскоре после отъезда Адриана из Британии⁷⁷. Этот вал предназначался для защиты северных границ провинции от нападения свободных племен Каледонии, но немаловажное значение имеет и тот факт, что вал Адриана был одинаково хорошо укреплен как с севера, так и с юга, и римляне могли в случае необходимости дать отпор восставшим племенам Севера. Обстоятельства, которые заставили римское правительство пойти на такие громадные расходы сил и средств, должны были быть не менее значительными, чем гибель легиона. Во-вторых, прибытие Адриана в Британию — провинцию далекую и малоинтересную для римлян, безусловно, должно было быть вызвано вескими причинами⁷⁸. Реорганизация истощенной армии также входила в его задачу. В связи с этим перевод VI Победоносного легиона из Германии в Эборак выглядит как часть большого плана, намеченного Римом для оказания помощи серьезно пострадавшей провинции. Прежде всего римляне вынуждены были организовать карательную экспедицию: надпись из Ярроу, реконструированная Ричмондом в 1942 г., вполне определенно говорит, что некие «варвары» были разбиты, рассеяны, и

⁷⁴ The Roman Imperial coinage, v. 11, London, 1926, 382.

⁷⁵ Там же, 912, 913.

⁷⁶ D. Divine, ук. соч., с. 76.

⁷⁷ S. H. A. Ael. Spart. Hadr. XI, 2, RIB, 1051.

⁷⁸ S. H. A. Ael. Spart. Hadr. XVI, 3, RIB, 288.

только после этого был сооружен вал в 80 миль длиной (RIB, 1051).

Нельзя не признать, что это были чрезвычайно эффективные меры, свидетельствующие о немедленной реакции правительства на какие-то события именно в том районе Британии, где дислоцировался «таинственно» исчезнувший легион.

Рассмотрев, таким образом, основные известные нам события истории IX Испанского легиона в Британии, мы можем прийти к следующим выводам.

Легион всегда был количественно меньше нормы, что доказывается размерами фортов Линд и Эборак. Легион всегда размещался в самых опасных для римлян районах Британии. Сначала его окружало враждебное племя иценов, которое нанесло сильнейший удар легиону в 60 г., затем ему пришлось до конца своего пребывания в Британии бороться с бригантами, чье имя стало нарицательным (франц. «brigand» — разбойник), держать в повиновении труднодоступный горный район; наконец, на территории Каледонии (древняя Шотландия) легион получает второй смертельный удар в ночном сражении, когда войска бриттов уничтожают почти весь лагерь IX легиона (83 г.).

Нам известны случаи, когда значительная часть личного состава IX Испанского легиона переводилась на континент (во время гражданской войны 68—69 гг. отряд IX легиона не менее 2 тысяч человек сражался в битве при Бедриаке, и в 83 г. по приказу Домициана был выделен отряд из состава IX легиона для войны с хаттами), зато зафиксирован только один случай пополнения легиона (в 60 г., когда Нерон послал 2 тысячи легионеров); после значительных потерь в Каледонии в 83 г. легион, без того уже ослабленный посылкой на континент значительного отряда, не получил никакого пополнения.

Легион менял базы — из Линда он передислоцировался в Эборак, однако часть легионеров осела в Линде, эпиграфические данные свидетельствуют о том, что во II в. н. э., может быть, даже во время «таинственного» исчезновения легиона (119—120 гг.) какие-то легионеры IX Испанского легиона оставались там.

Кроме того, нам известны постоянные маленькие укрепления и в районе Линда и в районе Эборака от маршевых лагерей до фортов размером в 30 акров, предназначенных для половины легиона. Логично заключение: отдельные отряды IX легиона имели свои постоянные зимние квартиры (в районе Линда-Кастор на р. Нене, Темпльборо, Челмсфорд, Грейт Кастертон, Уотер Ньютон, Годманчестер, Кембридж

и Лонгторп; в районе Эборака — Броу на р. Хамбер, Мальтон, Олдборо и т. д.), что значительно ослабляло легион.

Легион не принимал участия в строительстве вала Адриана. Ссылка на то обстоятельство, что его солдаты работали в западной части вала, которая первоначально была сооружена из дерна, и не оставили поэтому надписей на камне, неубедительна, так как все остальные легионы (Второй, Двадцатый и Шестой) оставили нам свои надписи на камне в очень большом количестве (791 надпись на территории вала: RIB, 1299—2090).

Еще менее убедительно предположение, что все указанные выше три легиона работали на строительстве вала, а IX Испанский нес охрану, так как больше других был знаком с условиями севера. В таком случае логично предположить, что до нас дошли бы какие-то свидетельства о его пребывании в этом районе.

Черепица со штампом IX легиона из Карлайла и такая же из Ниймегена (Голландия) не могут служить доказательством факта существования легиона как боевой единицы после 120 г., так как эти черепицы невозможно датировать с такой точностью. Можно скорее предположить, что на территории Голландии эти следы своего пребывания оставил отряд IX легиона в 83 г. во время германской кампании Домициана. Если принять во внимание возражение Ш. Фрера, что отряд, призванный к активным военным действиям, не может открывать мастерские, заниматься производством черепицы⁷⁹, то не в меньшей степени это замечание можно отнести к событиям 117—120 гг., когда легион, якобы, перевели из Британии в Германию для того, чтобы впоследствии перебросить на Восток. Кроме того, наличие одной черепицы не может служить доказательством существования в этом месте мастерской легиона.

Исключительное внимание, которое придается в современной научной литературе Запада этим двум находкам, несомненно, навеяно всевозрастающей ролью археологии. Недаром П. Блейр заявил, что, не читая Тацита, он может восстановить все события на севере Британии в конце I в. н. э.⁸⁰ Создается впечатление, что Тацита действительно давно не читают, делают произвольные выводы из данных эпиграфики, не придают значения данным нумизматики; тщательнейшим образом фиксируя все археологические свидетельства разрушения, гибели и реконструкции фортов в интересующий период, даже не пытаются связать все эти разрозненные факты воедино и объяснить гибель легиона простейши-

⁷⁹ Sh. Frere, *ук. соч.*, с. 140.

⁸⁰ P. H. Blair, *ук. соч.*, с. 53.

ми причинами — восстанием северных племен и, в первую очередь, бригантов.

Мы не можем также согласиться с предположением, что IX легион был выведен из Британии для участия в Парфянской войне или для подавления восстания в Иудее. Кроме упорного желания английских историков похоронить легион на Востоке, нет совершенно никаких данных. Правда, британский легат Секст Юлий Север был переведен в Иудею после 132 г., но нет никаких оснований утверждать, что он взял с собой какие-то силы из Британии, тем более именно пресловутый IX легион. Ни иудейский, ни парфянский материал (знакомый нам только по работам советских исследователей, в первую очередь А. Г. Бокшанина)⁸¹ не дает никаких указаний на пребывание этого легиона в указанных районах.

Трудно предположить, что за 20—25 лет (после последнего появления на сцене в 108 г.) IX Испанский легион не оставил никаких существенных следов своей деятельности ни в Британии, ни в Германии, ни в Парфии, ни в Иудее.

Легион, несомненно, понес очень тяжелые потери на территории Британии, был расформирован, но «гибель» легиона не надо понимать буквально. Отдельные его представители, тем более офицеры высшего ранга, могли уцелеть, «пережить» легион (ILS, 1070, 1071; CIL, V, 7159). Есть даже предположение⁸², что они медленно продвигались по служебной лестнице потому, что IX легион не только погиб, но и опозорил себя, отсюда замедленный *cursus honorum* его офицеров. Однако то обстоятельство, что в середине II в. его бывшие офицеры занимали высшие сенаторские должности, как раз свидетельствует, что к ним относились без подозрения.

История легиона — это история его поражений, которые он последовательно претерпевал от бриттов на протяжении почти ста лет. Материал источников достаточно убедителен, чтобы можно было говорить о восстании в Британии в 20-х гг. II в. н. э., в ходе которого погиб легион.

Реакция правительства Адриана на гибель одной трети римских сил в Британии гораздо более выразительна, а меры, несомненно, эффективнее, чем известная эмоциональная реакция Августа на гибель трех легионов в Тевтобургском лесу. Прошло более ста лет, и гибель легиона не была уже столь исключительным событием в глазах современников. Орел «тайнственности», окружавший исчезновение IX Испанского легиона, создан исключительно современными английскими историками.

⁸¹ Бокшанин А. Г. Парфия и Рим. ч. I. М., 1960; ч. II. М., 1966.

⁸² R. G. Collingwood and J. N. L. Myres, ук. соч., с. 130.

РИМ И ДРУИДЫ

Н. С. Широкова

Одним из наиболее интересных сюжетов культурной жизни древности можно считать историю друидов — влиятельного кельтского жречества, создавшего могущественную организацию и выработавшего своеобразную религиозную доктрину. Особого внимания заслуживает вопрос об отношении к друидам римских завоевателей; исследование его важно как для понимания судьбы самого друидизма, так и для правильного суждения о римской провинциальной политике.

Цезарь показывает институт друидов в пору его расцвета. Однако с тех пор, как римляне пришли в Галлию, власть и могущество друидов очень быстро склонились к упадку. По словам Фюстель-де-Куланжа, «легкость, с которой удалось ниспровергнуть друидизм, вызывает изумление историка»¹.

Как известно, в 52 г. до н. э. произошло знаменитое восстание Верцингеторикса (Caes., B. G., VII). В течение целого года Цезарь был вовлечен в длительную и трудную борьбу, когда Галлия, возглавляемая блестящим молодым арверном, в последний раз сопротивлялась римскому могуществу. В борьбу с римлянами была вовлечена значительная часть страны: восстали племена, жившие в центральной Галлии между Сеной и Гаронной. Однако ни разу восставшим не удалось призвать всю Галлию к оружию. Несмотря на стремление Верцингеторикса поднять всю страну многие галлы не приняли участия в борьбе, а некоторые племена предпочли делу национального единения преимущества дружбы с римлянами и вышли на поле боя как союзники Цезаря.

В период восстания Верцингеторикса никак не проявилась деятельность «ордена» друидов, который во времена независимости был единственным связующим звеном в разъединенном постоянная междоусобной борьбой обществе кель-

¹ Фюстель-де-Куланж. История общественного строя древней Франции, т. I, Римская Галлия, СПб., 1901, с. 134.

тов. То обстоятельство, что призыв к восстанию раздался из страны карнутов, еще не доказывает, что он был выдвинут друидами. Правда, высказывались предположения, что друиды проповедовали тогда священную войну². Но тексты молчат об этом. Цезарь нигде не говорит, чтобы друиды были как-то особенно враждебны. Даже, если друиды и выступали с какими-то проповедями, то практического значения они не имели, так как Галлия так и не сумела объединиться для борьбы с римлянами.

Таким образом, корпорация друидов оказалась бессильной в этот решительный момент перед лицом противоречий, раздиравших галльское общество. Видимо, сами жрецы оказались разделенными на враждебные лагеря. И это было началом конца великого «ордена»: объединенные действия стали невозможны и для самих друидов.

После Цезаря мы ни разу не слышим, чтобы друиды избрали верховного друида или созвали свое авторитетное собрание в стране карнутов. Фюстель-де-Куланж³ справедливо замечает, что если бы Галлия продолжала избирать вождя для своей религии, то, вероятно, историки упомянули бы об этом акте, столь важном в жизни галлов, поскольку он, конечно, привлек бы внимание римских правителей. Но абсолютное молчание документов на этот счет заставляет поверить, что у друидов не было больше ни верховного жреца, ни карнутских ассамблей. Римские историки молчат также о том, существовало ли какое-нибудь постановление римлян, запрещавшее эти собрания или выборы верховного друида. По словам Фюстель-де-Куланжа, «тексты не рассказывают ни о римском акте для уничтожения этих институтов, ни об усилении Галлии, чтобы их сохранить»⁴.

Вполне возможно, что эти установления, столь важные для организации друидов, исчезли сами собой, стихийно, в процессе романизации страны, которая за следующие пятьдесят лет пределала весьма большие успехи. Была произведена перепись местных жителей и реорганизованы методы местного управления⁵. Совершенно было изменено судопроизводство⁶. В отличие от галлов, для которых лучшей юрисдикцией была та, которая исходила от их верховных жрецов-друидов, римляне придерживались мнения, что право судить и наказывать может принадлежать только государству. Именно такой принцип судопроизводства распространили они в

² Фюстель-де-Куланж, ук. соч., т. I, с. 72, прим. 3.

³ Fustel de Coulanges, Comment le druidisme a disparu. *Revue celtique*, т. IV, Paris, 1879—1880, с. 45.

⁴ Fustel de Coulanges, ук. соч., *Revue celtique*, т. IV, с. 46.

⁵ C. Jullin, *Histoire de la Gaule*, т. IV, Paris, 1913, с. 315—366.

⁶ Фюстель-де-Куланж, *История*, т. I, с. 371—384.

Галлии: здесь, как и в других провинциях, право судопроизводства принадлежало проконсулам и императорским легатам. Этим, естественно, был нанесен сильнейший удар политическому могуществу друидов, наиболее ярким выражением которого являлись их карнутские ассамблеи: ведь именно судопроизводство, которое вершили друиды в период этих представительных собраний «ордена», поддерживало их власть над галлами. Теперь же этого не могло быть. По словам К. Жюллиана, «невозможно представить себе в римской империи друида, творящего суд и выносящего приговоры людям, как римский проконсул или легат»⁷.

Кроме того, поощрение культа императора или его гения местными жрецами-августалами⁸ и создание ежегодной религиозной ассамблеи в Лионе у алтаря Рима⁹ способствовало установлению и функционированию римских культов в Галлии, которые вытеснили культы местные, собственно галльские.

Все это, естественно, еще более сводило на нет то немногое, что могло остаться от светской и религиозной власти друидов. Им, в сущности, ничего не оставалось от былых прав, даже если предположить, что они были приглашены к сотрудничеству с римлянами (что, конечно, очень мало вероятно), поскольку их политические и юридические функции были узурпированы римскими властями, их религиозные церемонии были вытеснены римскими культами, их ежегодные ассамблеи больше не собирались.

Романизация Галлии нанесла удар еще одному весьма важному аспекту деятельности друидов — их идеологической функции как воспитателей юношества. После римского завоевания характер воспитания юношества изменился. Вместо старых друидических школ, в которых не обучали даже письму, появились светские учебные заведения, где преподавались поэзия, риторика, математика. Тацит говорит о школах города Августодуна, где можно было видеть «*galliarum sobolem liberalibus studiis operatam*» (Тас., Анн., III, 43). Преобладание римской образовательной системы лишало друидов их бывшего влияния на умы галльского юношества.

Таким образом, мы видим, что существовали веские причины и вполне реальная возможность, чтобы в процессе романизации Галлии друидическое жречество само собой, стихийно прекратило существование, утратив свои важнейшие функции.

Однако наши источники свидетельствуют, что римлянами

⁷ С. Jullian, ук. соч., с. IV, Paris, 1920, с. 5.

⁸ С. Jullian, ук. соч., т. IV, с. 343—349.

⁹ С. Jullian, ук. соч., т. IV, с. 432—446.

были приняты вполне определенные меры, направленные против друидизма. Об этом прямо говорят два римских автора: Светоний и Плиний. Текст Светония, посвященный этому вопросу, таков: «Druidarum religionem apud Gallos dirae immanitatis et tantum civibus sub Augusto interdictam penitus (Claudius) abolevit» (Suet., Claud., 25). У Плиния же мы читаем: «Tiberi Caesaris principatus sustulit Druidas eorum et hoc genus vatum medicorumque per senatus-consultum» (Plin., N. H. XXX, 13). Если расположить в хронологическом порядке материал, имеющийся в этих свидетельствах, то мы получим следующую информацию о мерах, принятых римлянами против друидов. Во-первых, в период principatus Августа была принята какая-то законодательная мера, которая запретила римским гражданам принимать участие в друидических обрядах. Во-вторых, при Тиберии был издан сенатус-консульт, который должен был уничтожить друидов на законном основании. И, наконец, император Клавдий издал законодательный акт, целью которого было совершенное уничтожение религии друидов.

Толкование этих свидетельств, отличающихся на первый взгляд ясностью и безапелляционностью, породило однако горячие споры в науке. Мнения ученых разделились. Д'Арбуа де Жюбенвилль, интерпретируя эти тексты, высказывал мнение, что друиды и их религия подверглись преследованиям со стороны римлян, и что Рим прибегал к насильственным средствам, стремясь искоренить друидизм¹⁰.

Среди специалистов по истории друидизма имеются и сторонники¹¹, и противники¹² этой точки зрения.

Нужно сказать, что при прочтении этих текстов создается именно то представление о мерах, принятых римлянами против друидов, которое составил себе Д'Арбуа де Жюбенвилль. Если принять такую точку зрения, то окажется, что отношение римлян к друидам находится в противоречии с традиционной для них религиозной политикой в завоеванных областях.

Как известно, римляне отличались большой веротерпимостью, которую можно объяснить следующими двумя причинами. Первая заключалась в том, что римлян интересовали в первую очередь политические вопросы: в области управления завоеванными странами императоры соблюдали свои

¹⁰ D'Arbois de Jubainville. *Druides en Gaule sous l'empire romain*. *Revue archéologique*, т. XXXVIII, Paris, 1879, с. 374—379.

¹¹ N. K. Chadwick *The Druids*, Cardiff and Connecticut, 1966, с. 71.

¹² Fustel de Coulanges, ук. соч., *Revue celtique*, т. IV, 1879, с. 37—59; C. Jullian, ук. соч., т. IV, с. 66, прим. 2, с. 173, прим. 3 и 4, с. 291; т. IV, с. 3—6; T. D. Kendrick *The druids*, London, 1972, с. 86—88.

права с высшей степенью строгости. Экономическая жизнь провинций занимала императорский Рим в меньшей степени, хотя экономические вопросы достаточно часто привлекали его внимание. Меньше всего интересовались римляне идеологией и культурой завоеванных народов, позволяя им философствовать, молиться, веровать по собственному усмотрению, лишь бы они не злоумышляли против императора.

Вторая причина веротерпимости римлян заключалась в том, что сама природа почитаемых варварами богов представляла мало радикальных отличий от ритуалов и божеств, к которым были привычны сами римляне. По словам Т. Кендрика, между религией римлян и религиями жителей провинций «не было таких явных отличий, какие представляют религиозные системы современного мира¹³».

Например, национальная религия галлов не отличалась существенным образом от того, чем она была в свое время у римлян. Имена богов были другие, но под ними Цезарь узнавал Меркурия, Юпитера, Марса, Аполлона и Минерву древней римской религии ((Caes., B. G., VI, 17). Это сходство позволило Цезарю высказать мысль, что галлы думают о богах почти то же самое, что и другие народы — *de his (id est Apolline, Marte, Jove, Minerva) eamdem fere quam reliquae gentes habent opinionem* (Caes., B. G., VI, 17).

По этим двум причинам Рим, завоевывая провинции, не делал попыток миссионерской деятельности. И если, в конечном счете, Юпитера, Марса, Меркурия и других богов римского пантеона стали почитать в самых отдаленных уголках империи, это явилось результатом постепенного слияния местных богов с римскими, слияния, обязанного политике терпимости, а не прямого обращения.

При таком положении вещей агрессивная политика римлян по отношению к друидам и друидизму, как она вырисовывается при первом прочтении текстов Светония и Плиния, представляет известное исключение на фоне общей терпимости и требует каких-то дополнительных объяснений и исследований.

Обратимся еще раз к текстам Светония и Плиния, рассмотрим их внимательнее, и в том контексте, в котором они даны¹⁴. Начнем с Плиния, сочинение которого имеет более обширный контекст.

Интересующему нас отрывку Плиний предпосылает свое рассуждение о магии, которую он всячески порицает. Он сетует на то, что магия приобрела очень большую власть в

¹³ T. D. Kendrick, *ук. соч.*, с. 73.

¹⁴ Блестящий анализ этих текстов дан Фюстель-де-Куланжем — *Fustel de Coulanges, Comment le druidisme a disparu, Revue celtique*, т. IV, с. 37—59.

мире. По его мнению, в этом нет ничего удивительного, так как магия охватила и смешала в себе три вещи, более всего властвующие над человеческим умом: медицину, страх перед богами и желание узнать будущее. Несколько далее Плиний замечает, что в Риме сенатус-консулт 657 г. запретил человеческие жертвы, а до этого времени римляне практиковали этот ужасный вид жертвоприношений.

Это последнее замечание показывает, в каком направлении развивается мысль Плиния. Он имеет в виду ту разновидность магии, которая не довольствуется безобидными предсказаниями, но не останавливается даже перед убийством, чтобы с помощью человеческого жертвоприношения или вылечить заболевшего, или умиловать божество, или угадать будущее.

Как мы знаем из текстов Цезаря (В. Г., VI, 16), Помпония Мелы (III, 2), Тацита (Ann., XIV, 30) и других наших источников, друиды совершали человеческие жертвоприношения именно для достижения трех выше указанных целей. Поэтому, когда Плиний продолжает: «Эта магия владела галлами и даже вплоть до времени, которое мы помним» (Plin., N. H., XXX, 13), то становится ясным в свете предыдущих рассуждений, что он имеет в виду эту практику друидов.

Итак, мы подошли к интересующему нас отрывку: «Эта магия владела галлами вплоть до времени, о котором мы помним. Только при principate Тиберия сенатус-консулт уничтожил друидов и весь этот род чародеев-знахарей — *Gallias utique possedit, et quidem ad nostram memoriam; namque Tiberii Caesaris principatus sustulit druidas eorum et hoc genus vatium medicorumque per senatus-consultum*» (Plin., N. H., XXX, 13).

Таким образом, отрывок Плиния, взятый в контексте, приобрел совершенно иное значение, чем то, которое выступало при первом прочтении. Мысль Плиния состояла не в том, что Тиберий уничтожил религию друидов и самих жрецов. Он имел в виду только то, что сенатус-консулт Тиберия освободил Галлию от чудовищного обряда человеческих жертвоприношений. То, что Плиний вкладывал именно такой смысл в свое свидетельство, доказывает отрывок, завершающий эту главу Плиния: «В настоящее время Британия все еще очарована магией и справляет ее ритуалы со столь великими церемониями, что может показаться, что она передала этот культ персам. Более того, в этом отношении согласны народы по всему миру, хотя и непохожие и неизвестные один другому. Поэтому невозможно достаточно высоко оценить, сколь мы обязаны римлянам за то, что они уничто-

жили этот чудовищный культ, в котором убийство человека было актом величайшей набожности, а поедание его мяса считалось в высшей степени целительным (Plin., N. H., XXX, 13).

Перейдем теперь к отрывку Светония: «*Druidarum religionem dirae immanitatis et tantum civibus sub Augusto interdictam Claudius penitus abolevit* (Suet., Claud., 25). Здесь следует обратить внимание на два слова «*dirae immanitatis*», так как они показывают, какой аспект друидизма имеет в виду Светоний. Говоря об уничтожении друидизма, он не думает ни об их богах, ни об их учении о бессмертии души, но только лишь о жестоком варварстве их религии (*dira immanitas*).

Смысл этих слов становится совершенно ясен, если их сравнить с выражениями, которые другие авторы используют для обозначения человеческих жертвоприношений, совершенных друидами. Так, Лукан говорит о том, что свирепого галльского бога Тевтатеса можно умилоствовать только «ужасной кровью» — *immitis placatur sanguine diro Teutates* (Luc., Thars., I, 445).

Тацит рассказывает о том, что были разрушены посвященные ужасным суевериям роши британских друидов, которые считали своим долгом покрывать алтари кровью пленников — *excisique luci saevis superstitionibus sacri nam cruore captivo adolere aras fas habebant* (Tac., Ann., XIV, 30).

Можно заметить, что эпитеты, которые Лукан и Тацит употребляют, описывая друидические обряды человеческих жертвоприношений, позволяют сделать вывод, что Светоний, под выражением «*religio dirae immanitatis*» подразумевал ту же самую варварскую практику принесения человеческих жертв, характерную для культа друидов.

Проведенный анализ текстов Светония и Плиния позволяет совершенно по-новому интерпретировать содержащийся в них материал, придав ему следующий смысл. Император Август запретил римским гражданам (видимо, имелись в виду и галлы, получившие права римского гражданства) принимать участие в обрядах человеческих жертвоприношений, совершавшихся друидами. Император Тиберий издал сенатус-консульт, цель которого была уничтожить этот варварский культ человеческих жертв. Видимо, несмотря на издание этого законодательного акта друиды продолжали совершать обряды такого рода, поэтому император Клавдий повторил запрещение этого кровавого культа для всех жителей Галлии без исключения и совершенно уничтожил его.

При таком толковании свидетельства Плиния и Светония находятся в совершенном согласии с текстами трех дру-

гих авторов, относящимися к тем же самым фактам. Так, Страбон, писавший во времена Тиберия, ничего не говорит о том, что Рим запретил культ друидов и уничтожил самих жрецов, но что римляне уничтожили то в их священных обрядах и прорицаниях, что было враждебно римским нравам —

καὶ τοῦτων δ' ἐκάλουν αὐτοὺς ῥωραῖοι καὶ τῶν κατὰ τὰς Ἡυζίας καὶ μαγείας, ὑπεναγκάσθησαν τοὺς παρ' αὐτῶν νόμιμοις (Strabo, IV, 4, 5).
Смысл этой фразы раскрывается в непосредственно следующем за ней рассказе о том, как друиды убивали обреченного человека жертвенным ножом и предсказывали будущее по его конвульсиям — ἀνθρώπου γὰρ καταπέλασμαυ παύσαντες εἰς ὕπνου μαχαίρα φανταζόντο ἐκ τοῦ ἐρῆθασθαι.

Аврелий Виктор также отмечает, что при Клавдии были уничтожены «позорные суеверия друидов», ничего не говоря об уничтожении самих жрецов и всей их религии — *compressa per Calliam druidarum famosae superstitiones* (Aug. Vic., De Caesaribus, 4).

Наконец, третий автор Помпоний Мела писал как раз во времена Клавдия. Он также ничего не говорит об уничтожении друидизма, но замечает, что в это время ритуал человеческих жертвоприношений был заменен процедурой, в которой действительное убийство отсутствовало, но допускалась имитация его, когда на алтарь проливали лишь несколько капель крови человека, посвященного в жертву — *manent vastigia feritatis jam abolitae, atque, ut ab ultimis caedibus temperant, ita nihilominus, ubi devotos altaribus a admovere, delibant* (Pomp., Mela, III, 2).

Таким образом, культ существует, все обряды его остаются дозволенными, хотя теперь они не доходят до таких жестокостей, как убийство человека.

Более тщательный разбор текстов Светония и Плиния и привлечение дополнительных материалов показали, что в споре о содержании законодательных мер, принятых римлянами против друидов, правы те, кто считает, что они были направлены не против религии или самих друидов, а лишь против их жестокого, варварского обряда человеческих жертвоприношений.

Такое решение данного вопроса устраняет предполагаемое противоречие между общей политикой веротерпимости, проводившейся римлянами в завоеванных областях, и их отношением к друидам: так же, как в других провинциях, в Галлии римляне оставили в покое местных жрецов и их религию. Что же касается человеческих жертвоприношений, то, помимо того, что они были не совместимы со смягчившими-

ся нравами этой эпохи, они еще затрагивали ту область провинциальной жизни, к которой римляне были очень внимательны. Это была уже область политики, поскольку друиды, совершая человеческие жертвоприношения, совмещали свои религиозные функции с приведением в исполнение приговора о смертной казни: по мнению же римлян, одна только верховная власть имела право располагать жизнью и смертью людей. Таким образом, запрещение человеческих жертвоприношений восходит к мерам политической безопасности, а не религиозной нетерпимости.

Самый же существенный момент в друидизме — его могущественная организация исчезла без всякого официального давления со стороны римлян в процессе романизации, не будучи в состоянии противостоять такому мощному политическому организму, каким была римская государственная организация провинциального управления.

ПРИНЦИПАТ ЮЛИЕВ-КЛАВДИЕВ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ СЕНЕКИ

Я. Ю. Межерницкий

Установление монархии и формирование новой политической системы при Августе и его преемниках были не только частью, но и важным фактором социально-экономического развития всего Средиземноморья, впервые оказавшегося в пределах одной державы. Это способствовало интенсификации уже начавшихся и протекавших процессов, в частности, дальнейшей эволюции и распространению основанной на античном рабстве экономической и социальной структуры, а также нивелировке составных частей огромной империи, сложившейся в результате римских завоеваний¹.

Укрепление императорской власти происходило в ходе расширения социальной базы монархии: ею становится постепенно класс городских собственников, связанных с рабовладельческим способом производства в масштабе всей огромной Империи. Это означало ущемление привилегий старой правящей верхушки — сенаторской и всаднической знати самого Рима, сохранявшего до этого времени полные институты. Борьба высших слоев римского общества с растущей и доходящей до произвола властью императоров приобрела особенно острые формы в период правления Юлиев-Клавдиев (14—68 гг. н. э.).

Перипетии и социальная сущность этой борьбы уже не

¹ См.: Ф. Энгельс, Бруно Бауэр и первоначальное христианство.— К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., изд. 2-е, т. 19, с. 310 и сл. Изучению этих процессов в различных частях Империи посвящены части общих работ и специальные исследования ряда советских учёных. См.: Машкин Н. А., Принципат Августа, М.-Л., 1949, с. 458—506, 607—608; Рабинович А. Б., Восточные провинции Римской империи в I—III вв. М.-Л., 1949; Кудрявцев О. В., Эллинские провинции Балканского полуострова во II в. н.э., М., 1954; Колосовская Ю. К., Паннония в I—III вв., М., 1973; Штаерман Е. М., Трофимова М. К., Рабовладельческие отношения в ранней Римской империи (Италия), М., 1971; Штаерман Е. М. и др., Рабство в западных провинциях Римской империи в I—III вв., М., 1977; Маринович Л. П. и др., Рабство в восточных провинциях Римской империи в I—III вв., М., 1977 и др. работы.

раз становились предметом изучения в советской историографии². Однако при этом недостаточно принимались во внимание литературные источники, современные изучаемому периоду, в частности, произведения Луция Аннея Сенеки (ок. 4 г. до н. э. — 65 г. н. э.). Если отдельные сообщения этого автора и использовались, то лишь спорадически³. Это тем более ощутимый пробел, что Сенека — не просто исторический свидетель, но и популярнейший писатель, идеолог определенных кругов римского общества, один из крупнейших политических деятелей, познавший участь ссыльного и «министра» Нерона, и, наконец, своеобразный мыслитель, стремившийся разобраться в противоречиях своей эпохи.

В зарубежной литературе проблема отношения Сенеки к принципату занимает значительное место, хотя решения ее далеко не однозначны и зачастую неубедительны. Большая часть исследователей считает, что в противоположность многим другим стойкам своей эпохи, Сенека выражал исключительно положительное отношение к монархии⁴. Отмечается, что Сенека различал «царя» как доброго правителя и «тирана» как дурного⁵. При этом, рассматривая Сенеку как идеолога принципата, исследователи чаще всего обращают внимание на сочинение, специально посвященное государственной добродетели — «De Clementia». Когда же с этим трактатом пытаются сравнивать другие прозаические сочинения Сенеки, то обнаруживают расхождения. Так, автор новейшей монографии, М. Гриффин отмечает, что в «De Clementia» Сенека сосредотачивается не на форме (оказание внешних почестей сенату), а на существе дела и практиче-

² См.: Сергеев В. С. Принципы династии Клавдиев, ИЖ, 1938, № 6; Его же, Принципат Тиберия. К вопросу о социальной природе императорской власти в Риме, ВДИ, 1940, № 2; Юдикис Н. Х., Юлиев-Клавдиева династия, уч. зап. Вологодского пединститута, т. IX, 1951; Бокшанин А. Г., Социальный кризис Римской империи в I в. н. э. М., 1954, а также работы С. В. Фрязинова, Э. К. Путьныя, М. Е. Абрамовой, В. А. Гольденберга, И. А. Стучевского, Л. В. Болтинской и др.

³ Можно говорить о тенденции игнорировать Сенеку как политического писателя. Так, даже Н. А. Машкин в своей во многом образцовой монографии утверждает, что политическая деятельность «сравнительно мало» отражена в сочинениях Сенеки, что «деятельность Августа интересует его с точки зрения морали». (Ук. соч., с. 330—331). Тем более заслуживает внимания работа русского дореволюционного исследователя принципата Э. Гримма (Исследования по истории развития римской императорской власти, т. 1—2, СПб., 1900—1901), в которой произведениям Сенеки отводится роль одного из важнейших источников. См. особ., т. 1, с. 431 сл.

⁴ См.: G. Boissier, L'opposition sous les Césars, P., 1885, с. 98—99; A. Sippel, Der Staatsmann und Dichter Seneca als politischer Erzieher, с. 9—11 et seq.; F. I. Kühnen, Seneca und die römische Geschichte, Köln, 1962, с. 84—85; A. Kopp Staatsdenken und politisches Handeln bei Seneca und Lucan, Heidelberg, 1969, с. 5.

⁵ См.: Ch. Favez, Le roi et le tyran chez Sénèque, — In: Hommages à Leon Herrmann. Bruxelles, 1960, с. 346—349.

ской реальности. А она была такова, что характер правления зависел не от конституционных форм, а от характера самого правителя⁶. Доктрина, изложенная в «De Clementia» — плод размышлений и опыта самого Сенеки, результат политического реализма, отвергающего «и философскую непреклонность и политическое лицемерие»⁷.

Однако, если в «De Clementia» Сенека дал философское обоснование монархии⁸ и обнаружил оптимистическую сторону своего мировоззрения, то в других работах он обнаруживает тоску по республике и описывает существующую систему как неизбежное зло. Здесь он проявляет себя как сенатор, избегающий, впрочем, крайней позиции «сенаторского идеалиста»⁹.

Наблюдения Гриффина, безусловно, заслуживают внимания. Однако недостаточно указать в качестве причины расхождений лишь настроения Сенеки, связанные с изменениями политической обстановки. Но тем более недопустимо при анализе взглядов какого бы то ни было автора ограничиться указанием: «из противоречия», которые чаще всего представляются таковыми лишь при поверхностном ознакомлении. Целью, на наш взгляд, должно быть выявление мировоззрения в целом, по-разному проявляющегося не только в различных ситуациях, но и на разных уровнях, в частности, практическом и теоретическом. Однако задача этой статьи гораздо скромнее. Анализируя отдельные высказывания в морально-философских сочинениях Сенеки, этого незаурядного представителя высших слоев римского общества, о принципате Юлиев-Клавдиев, мы попытаемся показать, что в них проявились различные стороны довольно последовательного, социально направленного подхода к политической деятельности.

Отношение к принципату имеет у Сенеки глубокое морально-философское обоснование. Прежде всего, отношение Сенеки к современной политической системе проявляется в высказываниях о государстве и государственной деятельно-

⁶ M. T. Griffin. *Seneca: a Philosopher in Politics*, Oxf., 1976, с. 147—148.

⁷ Там же, с. 169—170.

⁸ Этот трактат рассматривается как философское и юридическое обоснование принципата в ряде работ. См., напр: T. Adam, *Clementia principis*. Stuttgart, 1970; M. Fuhrmann, *Die Alleinherrschaft und die Problem der Gerechtigkeit (Seneca: De Clementia)*. — In: *Wege der Forschung*, Bd. GXXXV, 1969, с. 271—320. О юридических взглядах Сенеки см. также: R. Dull, *Seneca juriconsultus*. — In: *Aufstieg und Niedergang der römischen Welt*. 2 Principat. Bd. 1 5, 1976, с. 364—381.

⁹ Там же, с. 193—194. Мы не затрагиваем здесь другой, более широкий аспект так называемой «проблемы Сенеки» — вопрос о соотношении литературной и политической деятельности Сенеки, которому посвящена собственно книга Гриффина и еще очень большое число работ.

сти вообще. Скептицизм проявляется здесь в рассуждениях о тщетности государственной карьеры (*De brev.* XIX. 1—XX. 1; XVIII. 4—5 и др.), о том, что в порочном государстве мудрец может жить лишь в уединении, которое не менее полезно, чем активная политическая деятельность (*De otio* III. 1—5; *De tranq.* IV. 1 et seq; *Ep.* VIII. 1 et seq). Государство, по мнению Сенеки, часто неблагодарно в отношении к наилучшим и наиболее преданным гражданам (*De ben* V. 17. 1—2).

Сенека с презрением говорит о «занятых» (*occupatos*), мелких и крупных политических дельцах, которых собаки насилиу выгоняют из судов, которых сопровождает всюду толпа клиентов; о злоупотребляющих своим положением для бесчестной наживы (*De brev.* XII. 1). Сенека называет мерзкими тех, кто до последнего дня жизни суетился, выслуживался и считал при этом деньги, приводя в пример девяностолетнего старца С. Туранния, который никак не мог расстаться со службой при Гае Цезаре и заставлял домашних оплакивать свою отставку (*Ibid.* XX. 2—3). Ирония Сенеки впечатляет, особенно если вспомнить о его отношении к Калигуле (см. ниже). Отрицательное отношение к государственной службе и активной политической деятельности, прослеживаемое по многим произведениям Сенеки, недвусмысленно отражает его взгляд на современную политическую систему. Это побуждает нас подвергнуть сомнению распространенное мнение об одобрении Сенекой монархического режима.

Удаление от политической жизни Сенека понимает не как эпикурействующее безделье. Уединение рассматривается как политическая акция. Примером может служить его собственная отставка в 62 г.¹⁰ У Сенеки можно найти любопытный комментарий к такого рода обстоятельствам: «Если судьба отодвинула тебя из первых рядов в государстве, ты должен, тем не менее, занимать свое место и помогать криком, а если кто-нибудь закроет тебе рот, ты должен помогать молча. Дело *civis* *boni* никогда не бесполезно. Он помогает своим голосом и видом, выражением лица, жестом, упрямым молчанием, своей походкой...» (*De tranq.* IV. 6). Трудно сказать, описан ли этот портрет с кого-нибудь из представителей сенаторской или «философской» оппозиции, например, Тразена Пета, или носит автобиографический характер. В любом случае политическая направленность приведенного пассажа не вызывает сомнений.

Однако Сенека является не только выразителем настроений определенных кругов правящего класса Империи. Он

¹⁰ См. Та с. А п п., XV, 56—57; XV, 45.

пытается, используя достижения греческой и римской политической мысли¹¹, выявить характерные черты монархии как формы государства, ее сильные и слабые стороны.

Абсолютная, бесконтрольная власть одного человека таит в себе, по мнению Сенеки, ряд опасностей. Так, люди, занимающие высокое положение, страдают более всего от отсутствия тех, кто говорил бы им в лицо правду, освободил бы от лести и потакания фальшивых людей. Из-за привычки слушать лесть человек, обладающий властью, доходит до неведения истины. Подавленная свобода и низведенная до рабского положения преданность ставят его в опасное положение (*De ben.* VI. 30. 3—5 и сл.). Одну из задач философа Сенека видит в том, чтобы говорить людям, находящимся на вершине могущества, не то, что они желают слышать в настоящий момент, но то, что они пожелают услышать со временем. «Пусть до их ушей, наполненных лестью, доходит голос истины. Дай им полезный совет (*da consilium utile*-*ibid.* VI. 33. 1).

По произведениям Сенеки прекрасно прослеживается изменение характера политической деятельности и карьеры в период принципата. Продвижение зависит не от личных качеств, а от расположения императора. Давно забыты республиканские доблести, не может быть и речи о политических программах. Приближенный принцепса думает лишь: «Он дал мне претуру, а я надеялся на консулат; он дал двенадцать фасций, но не сделал ординарным консулом; он хотел, чтобы я дал название году, но дал лишь звание жреца; я кооптирован в коллегию, но почему лишь в одну? Он наградил меня публичной почестью, но не прибавил ничего к моему имуществу; то, что он дал мне, он должен был дать каждому, ведь он не дал ничего из своего». Любопытно, что Сенека советует такому вечно недовольному лучше выразить благодарность за то, что получил¹².

При соискании должностей предпочтение получают недостойные (*turpissimus*), скудоумные, развратные¹³. Как ненасытны желания ищущих должностей и почестей (см: *Ep.* LXXIII. 2—3)! Как низки эти люди, как еще более низки их адвокаты (см. *De ira* II. 7. 3)!

Не является редкостью подкуп обвинителя и выдвижение фальшивого обвинения. Новый оттенок приобретает такая форма коварства, существующая среди граждан, как возбуждение ненависти власть имущих (*De consp.* IX. 2). Сенека советует избегать дружбы с ними (*Ep.* XXXIV. 1, 2). Но в

¹¹ См. Т. Адам, ук. соч., *passim*.

¹² *De ira* III. 31. 1—3. См. также: *Ep.* XV. 10; *De brev.* XVII. 5—6.

¹³ *De ben.* IV. 30. 1; II.2 7. 1. Ср.: *Pers.* IV.

другом месте отмечает, что дружба с людьми, имеющими значение у сильных мира сего (*qui apud aliquem potentem potentes sunt*), избавляет от презрения. С этими следует поддерживать отношения, не связывая, однако, с ними своей судьбы. Последнее иногда скорее опасно, чем полезно (Ер. CV. 5).

С большим знанием дела Сенека обрисовывает и еще одну опасность, характерную для его времени. Это доносы¹⁴. Из-за них нужно сторониться мира и поменьше говорить с другими, а больше с собой. В разговорах есть особого рода сладость, которая льстит сердцу и, подобно опьянению или любви, заставляет выбалтывать тайны. Никто не умолчит о том, что слышал. Тот же, кто не умолчал о факте, не умолчит и о его виновнике. (Ер. CV. 6). В обществе царит взаимное недоверие (*De ben.* III. 15). В числе благодеяний Сенекой называется и такое, как молчанием подарить жизнь (*Ibid.* III. 9. 3). Для господ стали опасны и доносы рабов (Ер. XL VII. 4). Даже по закону, отмечает Сенека, они не во всем обязаны повиноваться, так, например, не станут исполнять приказаний, направленных против государства (*De ben.* XL. 20. 2).

Однако Сенека свидетельствует и о фактах оппозиционности. Так, он рассказывает, что некоторых на суде спасало влиятельное положение противника, так как судьи не хотели показаться пристрастными (*De ben.* VI. 8).

Не ускользнуло от внимания Сенеки и растущее влияние императорских вольноотпущенников. Таким могущественным царедворцам (*regiae potentiae ministri*) свойственно давать обещания, руководствуясь низким честолюбием, чтобы не убавлялась толпа просителей. Они находят удовольствие в продолжительном созерцании собственного величия, считают, что будут обладать меньшим могуществом, если не станут перед каждым в отдельности показывать, что они в состоянии сделать. Их несправедливость стремительна, щедрость же вяла (*De ben.* II. 5. 1—2). Приветствие такого царского привратника составляет благодеяние для раздетого аристократа (*Ibid.* III. 23. 5). Изнеженные отпрыски знатнейших фамилий целуют руки чужим рабам. Бывший раб, став любимцем царя, может быть опасен даже для своего прежнего господина. (См.: Ер.: XL, VII).

Получило отражение на страницах его произведений и такое орудие политики принципсов, как раздача продовольствия, которое «получают и вор, и преступник, и прелюбодей...» (*De ben.* IV. 2 8. См. также Ер. XXIV. 7).

Таких наблюдений, обобщений, советов мы найдем у Се-

¹⁴ См. ниже о доносчиках времени Тиберия.

неки немало. Однако более всего обнаруживает его позицию, и вместе с тем впечатления современников от правления Юлиев-Клавдиев, особое внимание к крайности нового режима, которые обозначались словом «тирания». Именно в условиях такой извращенной формы монархии проявляются и расцветают опаснейшие пороки: гнев (*ira*) и жестокость (*crudelitas*) вместе со вспыльчивостью (*irascundia*), мстительностью и т. п. Обличая их, Сенека дает красочные, потрясающие своим реализмом картины.

Обличению гнева посвящен один из трактатов Сенеки «*De ira*». Хотя гневающийся часто уподобляется им кровожадному зверю, однако Сенека подчеркивает, что порок этот присущ лишь человеку, так как только он обладает разумом (*De ira* I. 3. 4. Ср.: *De clem.* I. 25. 1). Зверей заставляет нападать голод или страх, для человека же доставляет наслаждение убить своего ближнего (*De clem.* I. 11. 4). Гнев — социальный порок, он присущ господам, имеющим рабов, но в большей, даже крайней степени, — тиранам. Ведь жестокость частного человека не способна принести много вреда. Кровожадность принципсов — война (*Ibid.* I. II. 4). Гнев является, по Сенеке, характернейшей чертой тирана, и в этом одно из главных его отличий от царя. Цари бывают жестокими по необходимости, тираны же свирепствуют ради удовольствия (*Ibid.*). Гнев в противоположность милосердию непостоянен и несправедлив. Он убивает тех, кого не надо, и не убивает никого из тех, кого следует, так как остывает, удовольствовавшись кровью двух-трех жертв (*De ir.* I. 17. 6—7). Девиз тирана — «тот проклятый стих, который многим принес гибель:

«Пусть ненавидят, лишь бы боялись»¹⁶.

Тиран не останавливается ни перед какими жестокостями. Его слуги вешают людей вниз головой, вбивают кол в половые органы, на кресте растягивают руки, применяют клин, бичи, особые машины для каждого органа и сустава (*Capit. ad. Marc.* XX. 2—3. См. также *De clem.* I. 13. 2). Тираны не щадят в своем бешенстве даже родных. Если не предается казни целая толпа несчастных, они думают, что их жестокость лишена власти (*De clem.* I. 26. 4). Тиран — тот же убийца, разбойник и пират (*De ira.* II. 28. 8; *De ben.* II. 18. 6).

При чтении произведений Сенеки «зримо» представляется обстановка при тираническом режиме. Люди не ходят без опасения на пиры, где даже пьяным надо заботливо держать

¹⁶ *De clem.* I. 12. 4. Стих из трагедии «Атрей» поэта Акция, современника Суллы. См. *Suet. Tib.* 59; *Cal.* 30. 1.

язык за зубами, ни на зрелища, на которых ищут повода для обвинения и приговоров. «Пусть эти зрелища устраиваются с большими затратами, на царские средства и с знаменитыми артистами — кому же могут быть приятны забавы в тюрьме?» — мрачно шутит Сенека (*De clem.* I, 26, 2).

Атмосфера страха и неуверенности накладывала отпечаток на всю систему ценностей представителей высших слоев римского общества, против которых был направлен террор прицепсов. Не удивительно, что живя в подобной обстановке, Сенека на первое место в ряду благодеяний ставит спасение от гнева тирана (*tyrannicae irae-De ben.* I, 11, 2—3). И, напротив, приняв благодеяние из рук тирана, когда делаешь это против воли, и необходимость уничтожает свободу, ты ему ничем не обязан, считает Сенека, так как не принимаешь, а повинешься, даже если в качестве дара представляется жизнь (*Ibid.* II. 18. 6—8; 19.1—2). Вообще, в то время как «*De clementia*», «*De ira*», а также «*Consolatio ad Polibium*» — это сгустки государственной философии знаменитого римского стоика, то «*De beneficiis*» представляет собой любопытнейший документ как своеобразный «кодекс чести» римской знати (и клиентов) в новых условиях.

Властвование недостойного царя Сенека объясняет уважением провидения к его предкам (*Ibid.* IV. 32. 2—3). Но тиранам приходится рано или поздно расплачиваться за свою жестокость. (Эта мысль Сенеки становится особенно понятной, если вспомнить, что ни один из императоров династии Юлиев-Клавдиев не умер естественной смертью). Ведь у того, кто пользуется слугами для пыток, не может быть добросовестных и преданных слуг (*De clem.* I. 13. 2). За спиной такого человека без промедления появляется отвращение, ненависть, яд, мечи (*Ibid.* I. 25. 2). Царская жестокость, устраняя врагов, увеличивает их число: ведь на место одного становятся родители и дети убитых, их родственники и друзья (*Ibid.* I—8. 7). Тираны трепещут среди самих своих увеселений (*De brev.* XVII. 3).

Никто не остается безнаказанным. Даже могущественный Сеян был разорван на куски народом (*De tranq.* V. 1). Несправедливые вечно смущены и тревожны. Такие люди столько же боятся, сколько и вредят, никогда не зная покоя. Они трепещут, уже когда совершают зло. Совесть их не дремлет и постоянно требует к ответу. Кто ждет наказания, тем самым уже отбывает его. А ждет всякий, кто заслужил. Для человека с нечистой совестью, говорит Сенека, существует безопасность, но нет покоя (*Ep.* CV. 7). Если ничтожные вредители могут обмануть и ускользнуть, то против великих восстают (*De clem.* I. 25. 4). «... против тиранов восставала

их страна, и против них же применяла вероломство и все, чему от них научилась» (Ibid. I. 26. 1).

Приведенные пассажи, как явствует уже из их взволнованного «тона», конкретности в изложении деталей, не являются абстрактным морализированием, как это нередко представляется. В еще большей степени это подтверждается многочисленными высказываниями писателя по поводу отдельных событий, лиц, обстоятельств.

Известно, что Сенека очень часто пользовался историческими «примерами» для придания большей убедительности своим сочинениям¹⁶. Однако встречается слишком упрощенное понимание этой особенности. Предполагается заранее, что их роль — иллюстративная, подчиненная, Сенеку интересует лишь моральная и во многом внешняя сторона факта. При этом упускается из внимания, что огромное большинство «примеров» Сенеки имели и острое политическое звучание, а сами факты были ценным и даже необходимым искушением в политике Сенеке материалом для обобщений. Особенно наглядно это показывают римские *exempla* из недалекого прошлого.

Мог ли Сенека, описывая мужественное поведение историка Кремуция Корда, не склонившего головы перед Сеяном (Cogn. ad Marc. I. 1 et seq.), или стоического философа Кана Юлия, не понимать, насколько политически злободневны эти «примеры»? Так, Кан Юлий, «великий муж», рожденный в наш век, поспорил с Гаем Цезарем. При расставании Фаларис¹⁷ сказал, что приказал его казнить. Кан Юлий лишь поблагодарил. Восхищаясь его мужеством, Сенека, не скрывая своих симпатий, восклицает: «О величайшая душа, главная жертва жестокостей Гая, пусть вечно живет твоя память!» (De tranq. XIV, 4—10).

Отношение Сенеки к принципату хорошо прослеживается по отзывам об императорах, правивших в период его сознательной жизни¹⁸. При их рассмотрении однако следует исключить откровенно льстивые высказывания о Клавдии в «Cogn.

¹⁶ См.: E. Albertini. La composition dans ouvrages philosophiques de Sénèque, Paris, 1923; E. Bickel, Diatribe in Senecae philosophi fragmenta, vol. I, Lipsiae, 1915; F. J. Kühnen, ук., соч., V. Bogun, Die ausserrömische Geschichte in den Werken Senecas, Köln, 1968.

¹⁷ Фаларис — тиран Агригента, употр. Сенекой в нарицательном смысле.

¹⁸ Мы не ставим задачей дать исчерпывающую сводку примеров. См. F. J. Kühnen, Seneca und die römische Geschichte, с. 73 сл., а также: Э. Гржимм. Ук. соч., т. I, с. 434—439.

solatio ad Polibium», написанном в период корсиканской ссылки с целью расположить к себе принцепса и его отпущенника¹⁹, а также отражающие скорее желательное, чем действительное положение вещей, характеристики Нерона в «*De clementia*», являющемся наставлением молодому Цезарю.

Отзывы о Тиберии как о частном лице положительны яли, по крайней мере, сдержанны (Cons. as Marc. IV.2 ; XV. 3; Cons. ad Polyb. XV. 5). Зато в «*De beneficiis*» мы находим негативные оценки, причем относящиеся к государственной деятельности. Это, например, порицание за неумение или нежелание оказать благодеяние претору Марцию Непоту. Вместо того, чтобы сразу помочь в уплате долга, Тиберий приказал ему представить в сенат отчет, и лишь затем отдал распоряжение освободить его от долгов, дав при этом оскорбительный выговор (II. 7. 2.—8. 2). Безусловно, Сенека здесь пристрастен, отказываясь понимать бережливость Тиберия и обреченность вырождающихся знатных фамилий (Ср. Tac. Ann. II. 48).

Крайне резко осуждает Сенека распространенную в царствование Тиберия «всеобщую страсть к доносам, опустошавшую Римское государство хуже всякой междоусобной войны. Подхватывались речи пьяных и шутников. Не было ничего безопасного. Не ждали результатов обвинения подсудимых, так как он всегда бывал один» (III.26.1). В связи с последним замечанием приводится и анекдот о некоем бывшем преторе Павле, который, будучи-пьяным, хотел бросить перстень с изображением Тиберия в горшок с нечистотами, но был спасен своим рабом (III. 26. 2).

Больше всего у Сенеки упоминаний о Калигуле, который представлялся ему настоящим олицетворенным тирана. Провидение сделало этого человека, страстно жаждавшего человеческой крови, владыкой *regi tergaum* за заслуги его отца Германика и других славных предков (De ben. IV. 31. 2). Природа создала Гая Цезаря для того, чтобы показать, на что способна величайшая порочность в сочетании с величайшей властью; он должен быть исключен из самого числа царей (Cons. ad Helv. X. 4). Среди многочисленных пороков Калигулы, описанных Сенекой, можно назвать стремление к роскоши (Ibid.), бесстыдство и непристойность (De const. XVIII. 2), безумие (De ira i.2 0. 8—9. Ср.: Dio LIX. 28; Suet. Cal. 22 etc. seq), склонность оскорбляться и клеймить каждого позором (De const XVIII. 1). Сенека высмеивает и

¹⁹ Об этом «Утешении» см., напр., Э. Гримм: Ук. соч., с. 443—446.

безобразную внешность тирана (Ibid. Ср. Suet. Cal. 50. 1; 52).

Характерно и то, что Калигула сравнивается с Ксерксом, типичным восточным деспотом.

Так, подражая этому «иностранным бесчестному царю», Гай занял корабли, подвозившие в Рим хлеб, для постройки моста. Это едва не стоило городу разрушения, голода и всеобщего хаоса (De brev. XVIII. 5. Ср.: Suet. Cal. 19). Но более всего Калигула отличается жестокостью и гневностью (De tranq. XI. 10; De const. XVIII. 4). В этом он, по мнению Сенеки, превосходит и всех варваров, и греков, и римлян²⁰.

Гай Цезарь хлестал бичом и истязал знатнейших людей Рима, сенаторов и всадников, причем не допрашивая, а по влечению души (*animi causa*). Особенно возмущает Сенеку то, что Калигула, не терпя отсрочки своей кровожадности (*crudelitas*), некоторых из жертв обезглавливал при искусственном освещении. Он пытал сенаторов самыми тяжелыми из существующих орудий пыток: канатом для растягивания тела, выкручиванием костей, дыбой, огнем и ... собственным выражением лица. Калигула хотел, чтобы римский народ имел одну шею, чтобы собрать в один удар все преступления (см.: De ira III. 18. 3—19. 2. Ср. Suet. Cal. 30. 2). Невозможно найти еще человека, который, истязая, еще затыкал бы рот кляпом из губки, чтобы жертвы не могли даже кричать. «Цезарь боялся, как бы последняя агония не привела бы к слишком откровенной речи, как бы ему не пришлось услышать то, чего он предпочел бы не слышать». Если не находилось губок, он приказывал рвать одежду несчастных и затыкать рты лоскутами. Гай посылал палачей в дома убитых, в ту же ночь кончая и с их отцами, и, милосердный, пронизывает Сенека, освобождал их от траура. (De ira III. 19. 3—5).

В лице Калигулы Сенека видит законченного деспота — пугало римской знати. Подарив жизнь Помпею Пенну, («если можно так сказать про того, кто только не отнимает», — оговаривается Сенека), он протянул ему для поцелуя левую ногу, обутую в золотой башмак с жемчугом. «Человек, рожденный для того, чтобы обычай свободного государства заменить персидским рабством (*Homō natus in hoc ut mores liberae civitatis Persika servitute mutaret*), не придавая значения тому, что престарелый сенатор умолял его, повергшись таким образом, как повергались побежденные неприятели перед своими врагами: ниже колен; и нашел нечто такое, чем мог попирать свободу!» (De ben. II. 12. 1—2). С удовлетворе-

²⁰ См. De ira III. 14. 1—18. 3; III. 21. 1—5. Ср.: Ad Helv. X. 4.

нием Сенека рассказывает, что среди заговорщиков, убивших Калигулу, первым героем был Кассий Херея, которому Калигула, издеваясь, давал пароли «Венера» и «Приап»; и описывает смерть ненавистного тирана (*De const.* XVIII. 3—5), заставившего, кстати, и его самого пережить немало неприятных минут²¹.

Ничего, в сущности, хорошего не говорит Сенека и о Клавдии, за исключением льстивых замечаний в «*Consolatio ad Polibium*». Даже свою благодарность за спасение от смерти в этом «Утешении» (XVIII, 2) он анализирует в другом сочинении, говоря, что скорее простит человеку убившему, чем сославшему (*De ira.* III. 43, 4). Неуважительно отзывается Сенека и о судейской деятельности Клавдия (*De ben.* I. 15. 6), отмечая с явным неодобрением, что за пять лет тот зашил в мешки и потопил больше отцеубийц, чем насчитывается таких казненных во все века (*De Clem.* I. 23. 1). Сенека считает, что не только суждение Клавдия не имеет никакой цены, но и подарок от него не следует рассматривать как благодеяние (*De ben.* I. 15. 5).

Что касается Нерона, то, разумеется, прямой критики здесь быть не могло, так как этот принцепс не дал возможности своему бывшему наставнику пережить себя. Однако к его правлению относятся многочисленные намеки, обнаруживающие разочарование Сенеки, особенно в «*De beneficiis*»²². Впечатления от царствования Нерона отразились, безусловно, и на оценках его предшественников, и, конечно, новой политической системы в целом. Как мы видели, Сенеку вряд ли можно назвать ее яростным приверженцем.

Однако было бы глубоким заблуждением считать Сенеку убежденным и решительным врагом принципата. Наблюдая явные и скрытые пороки нового режима, он мирился с ним как с неприятной, но хорошо осознаваемой необходимостью. Сенека прекрасно понимал, что с победой Августа «все уступило власти одного человека!» (*De prov.* II. 10). Он сближает *clementia e iustitia*, осознавая невозможность в своевременном ему, т. е. монархическом, государстве второго без первого²³. Все зависит от принцепса: «великому риску подвергался римский народ, когда не было известно, к чему обратятся твои благодарные дарования», — говорит Сенека Нерону и влагает в уста последнего такие слова: «Не я ли назначен из всех смертных богами, чтобы замещать их на земле? Я судья над жизнью и смертью народов...» (*De Clem.* I. 1. 7; I. 1. 2).

²¹ См. Dio LIX. 19. Ср.: Suet. Cal. 53. 2.

²² См., напр.: *De ben.* III. 3; IV. 4. 3 IV. 17.

²³ См. М. Фурманн, ук. соч., S. 315.

Подданным остается только терпеливо подчиняться воле властвующих и надеяться на будущее. «Пока лишения, по нашему мнению, не так невыносимы, чтобы заставить нас уйти из жизни, — советует Сенека, — что бы ни случилось, удерживайся от гнева. Он пагубен для тех, кто служит (*perniciosa est servientibus*). Любое раздражение ведет к самоистязанию, и чем более мятежны мы под властью, тем более тяжело мы ее ощущаем» (*De ira* III. 16. 1).

Может создаться впечатление, что Сенека предлагает смириться с новым режимом только потому, что борьба с ним невозможна в сложившихся обстоятельствах, а значит необходимо терпеть его со всеми недостатками. Но это далеко не так. Ведь Сенека сам служил Нерону, и не только делом, но и словом. Не имея возможности остановиться подробнее на этом вопросе, укажем лишь, что «философ у трона» прилагал усилия, и немалые, для улучшения управления и, в конечном счете, укрепление принципата. В этом смысле характерно одно из многочисленных наставлений молодому Цезарю в «*De Clementia*». Сенека советует, как добиваться, чтобы чаша терпения подданных не переполнилась: Для этого страх должен оставлять гражданам какую-нибудь гарантию неприкосновенности и обещать им больше надежды, чем опасностей. В противном случае, когда даже смиренные трепещут наравне с преступниками, людям соблазнительно броситься в опасности и рискнуть жизнью, переставшей им принадлежать» (*De Clem.* I. 12. 5).

Почему же Сенека, далеко не с восторгом относившийся к существующему политическому строю, прекрасно понимавший его монархическую сущность, не только не боролся против него, но еще и считал нужным давать советы, как его сохранить?

Дело в том, что такой опытный (мы бы даже сказали «прожженный») реалистичный политик, как Сенека, не мог в своих действиях руководствоваться лишь эмоциями. Он отчетливо видит, что монархия — единственное спасение для огромного государства, раздираемого социальными противоречиями, а сенат и знать уже неспособны управлять им в силу изнеженности и развращенности. Описанию этих и других пороков посвящены многие страницы сочинений Л. Э. Сенеки²⁴.

Осуждение испорченных нравов, богатства и роскоши — достаточно общее место в римской социальной мысли, начи-

²⁴ См., напр.: *Ep.* LXXX. 23; *Cons. ad Helv.* X. 8—11. (*Ср.*: *Hor. Sat.* II. 1. 22); XII. 1—9; *Ep.* CXII и др.

ная с Саллюстия²⁵. Однако в оценке этого идеологического феномена недостаточно ограничиваться рассмотрением его как одного из оправданий сильной императорской власти или сводить к социальной демагогии²⁶. Во всяком случае, и у Саллюстия, и у Сенеки в этом проявлялось стремление проникнуть в действительную причинную связь событий. Не случайно он сурово осуждает убийц «божественного Юлия» в «De ira», говоря, что среди них было больше алчущих друзей, чем врагов. «Друзей, чьи ненасытные надежды он оказался не в состоянии удовлетворить». Да и как можно было «удовлетворить такие бессовестные желания, если каждый из них жаждал так много, как может иметь лишь один?...» (III. 30. 4)²⁷.

Римское общество представляется Сенеке «неизмеримой людской массой, раздираемой несогласиями; мятежной, не владеющей собой, готовой неистовствовать как себе, так и другим на погибель», если бы ей удалось свеснуть ярмо власти принцепса (De Clem. I. I. 1). В этом римского стоика убедил опыт гражданских войн в I в до н. э., не зря он считает то время наиболее погрязшим в пороках (Ep. XCVII). Поэтому Сенека и предупреждает, что если хороший царь вдруг погибнет, это несчастье будет губительно и для благоденствия Рима: оно повергнет в прах благосостояние такого великого народа; но до тех пор римский народ далек от этой опасности, пока он будет уметь переносить узду; если же когда-нибудь он оборвет ее или же сброшенную вследствие какого-нибудь несчастного случая не допустит вновь наложить на себя — это величайшее государство, единое и цельное, распадется на много частей, и тогда конец повиновения этого города будет также концом его господства (De Clem I. 4. 2). Так что те круги римского общества, чьи интересы выражал «философ у трона», осознавали, ради чего они терпят весьма нелегкую «узду» монархической власти.

Сенеке, как и его современникам, было также ясно, что

²⁵ Саллюстий вслед за Платоном видит в богатстве один из факторов, приводящих к крушению государства (Cat. II. 4—7) и убеждает Цезаря принять строгие меры против роста состояний (Ep. ad Caes. I. 7. 4; II. 7. 5). Многие писатели I в. н. э. повторяют эту идею. В «Контроверсиях» Сенеки старшего мы находим примеры, подтверждающие пагубную роль богатства (Cont. II. I. I; 10—13). «Песня о гражданской войне» Петрония начинается пространным описанием упадка, обусловленного ростом роскоши в Риме (Pet. Sat. 119. 1—60 120, 85—93). Аналогичное отношение к роскоши характерно для Флора, полагавшего, что она была причиной гражданских войн (I. 47. 1; II. 13. 8. Пер. М. Ф. Дашковой и А. И. Немировского).

²⁶ Ср.: Штаерман Е. М. Кризис античной культуры, М., 1976, с. 78—79.

²⁷ Ср.: De ben. IV. 37. 2, где аналогичную мысль высказывает Филипп Македонский.

именно благодаря единовластию» «оружие повсюду сложено, во всем мире царит мир» (Ер. ХСІ. 2). Все это и побуждает его не только смириться, но и обосновать необходимость монархии. Ведь монарх — это связь, которая объединяет государство, жизненное дыхание, которым дышат эти столь многие тысячи людей, сами по себе, если устранить его державную мысль, они были бы ничем иным, как обузой для себя и добычей для врагов (De Clem. I. 4. 1). «Подобно тому, как всё тело служит душе...; руки, ноги, глаза выполняют ее дело, ее защищает кожа, по ее приказу мы лежим или беспокойно бегаем, когда она приказывает; то ли как корыстолюбивый хозяин мы обшариваем море ради наживы, то ли как честолюбец — и вот уж мы положили на огонь правую руку или прыгнули в бездну, — так и эта неисчислимая масса людей, окружая одного человека, управляется его дыханием, движется его разумом; не будь его сдерживающего решения, она бы задавила и погубила себя собственными силами»²⁰.

В произведениях Сенеки мы обнаруживаем практически мыслящего политического писателя, ясно сознающего монархический характер существующего режима. Используя, наряду с историческими сведениями и достижениями греческой мысли собственный политический опыт, приобретенный в ходе активной деятельности при Юлиях-Клавдиях, он сводит его в довольно стройную систему, становясь, таким образом, первым теоретиком принципата.

²⁰ De Clem. I. 3. 5. Пер. П. М. Шендяпина.

ВОССТАНИЕ 34—33 гг. НА СРЕДНЕМ ДУНАЕ

И. Н. Свиридова

Проникновение римлян на дунайские земли относится еще к периоду республики. Уже в III в. до н. э. в результате Первой Иллирийской войны римляне захватили греческие города по побережью Адриатического моря — Апполонию, Коркиру, Эпидамн. Эти города стали плацдармом для наступления на другие области Иллирии.

Начиная со II в. до н. э., систематически посылаются легионы в земли иллирийцев. Завоевываются области, пограничные с Северной Италией, — по побережью Адриатического моря, и западные районы будущей провинции Паннонии. Завоевание Македонии укрепило позиции римлян в Иллирии, отсюда, из новой римской провинции, отправлялись солдаты в военные походы во внутренние районы Иллирии.

В 183 г. была основана Аквилея, которая стала опорной базой для проникновения в бассейн Среднего Дуная. Однако во внутренние области современной Боснии и в северные районы вдоль течения реки Савы еще не вступала нога римского солдата.

Настоящее завоевание дунайских областей начинается только с периода правления Октавиана-Августа. Первым этапом и своего рода прологом этого явилась иллирийская война, которую Октавиан вел в 36—32 гг. до н. э., еще до своего полного разрыва с Антонием, как один из триумвиров, управлявший западной частью Римской державы.

Иллирийская война Октавиана заслуживает внимательного изучения, ибо этим походом началось систематическое продвижение римского государства к Дунаю, и все последующие операции непосредственно связаны с событиями 36—33 гг. (поход Марка Красса в Мезию и Фракию в 28 г., экспедиция Тиберия и Друза в Паннонию и Далмацию в 13—9 гг. и т. д.).

Поход Октавиана в Иллирию привлекал внимание мно-

гих специалистов-историков¹. Но опираясь на огромный исторический материал, тщательно анализируя источники, большинство историков останавливается лишь на событиях, связанных с победами Рима над варварами, почему сосредотачивает свое внимание лишь на первом этапе похода 36—35 гг.

Поход Октавиана интересен именно тем, что покорение иллирийских племен произошло не в 35 году, а лишь спустя два года — в 33—32 году, после подавления восстания в Далмации и Паннонии.

Военные операции римского полководца в 36 и 35 годах ограничились завоеванием северо-западных областей Далмации и южных областей Паннонии. Восстание 34—33 гг., охватившее северо-западные и юго-восточные области Иллирии, заставило Октавиана значительно расширить военные операции, покорять и усмирять мятежные племена на территории всей Иллирии. Источники и современные исследователи называют разные причины, побудившие Октавиана начать длительную и кровопролитную борьбу на Дунае. При этом подчеркивается столкновение личных интересов Октавиана и его политического противника Марка Антония.

Антоний управлял восточными римскими провинциями, которые находились в непосредственной близости от Италии, и завоеванием Иллирии можно было, с одной стороны, обезопасить границы северной Италии, а, с другой — создать удобный опорный пункт для наступления против легионов Антония. Отмечалось также стремление триумвиров привлечь на свою сторону местное население. Судя по данным источников, в битве при Акци на стороне Антония сражались некоторые фракийские племена. Октавиан же, в свою очередь, привлекал другие племена, он даже предложил царю гетов Котизону свою дочь, а сам домогался руки дочери другого гетского царя. Дион упоминал о военнопленных даках, которые участвовали в триумфе Октавиана после победы над Антонием.

Наличие огромного количества легионов у триумвиров заставляло последних изыскивать способы, чтобы держать в повиновении солдатские массы, причем на основании монет можно установить, что у Антония было около 30 легионов, у Октавиана — около 20. Между тем в армии Октавиана было

¹ Колосовская Ю. К. Паннония в I—III веках, М., 1973, с. 39—57. G. Veith, Die Feldzüge des C. Julius Caesar Octavianus in Illirien, «Schriften der Balkankommission Antiq. Abt» VII, Wien, 1914; I. Kromayer, Kleine Forschungen zur Geschichte des Zweiten Triumvirats, «Hermes» 33, 1898, с. 1—70; E. Swoboda, Octavian und Illyricum, Wien, 1932; N. Vulic, The Illyrian War of Octavian, — JRS., 24, 1934, с. 163—167; Schmitthener, Octavians militärische Unternehmungen in der Jahren 33—35 v. chr. «Historia», VII (1958, с. 189—236).

не все благополучно: Дион Кассий рассказывает о восстании ветеранов², вспыхнувшем накануне похода в Иллирию, которое было подавлено с величайшими трудностями. Причем Октавиан даже не посмел избавиться от ненадежной части своих войск, опасаясь, что Антоний привлечет их к себе на службу³.

Чтобы занять солдат делом, поднять их дисциплину и натренировать для предстоящей войны с Антонием, Октавиану нужна была небольшая победоносная военная компания. Это была, по мнению Гартгаузена, основная причина похода Октавиана на средний Дунай — Август не столько заботился о завоевании территории, сколько о создании своей армии и ее боеспособности. Иллирия отвечала всем требованиям римского полководца. Кроме того, необходимо было поднять военный престиж Октавиана в Италии и за ее пределами, ибо последний до сих пор вел только гражданские войны. И действительно, в иллирийской войне, как отмечают источники, римский полководец показал немало мужества и распорядительности. Он не только лично руководил операциями, но непосредственно принимал участие в сражениях и дважды был ранен⁴. Однако помимо причин личного характера, завоевание Иллирии диктовалось и соображениями иного порядка. В этот период на Дунае происходит интенсивный процесс консолидации племен, благодаря чему возникают такие племенные объединения, как, например, «государство» Маробода у маркоманов, «государство» Децебала у даков. Эти крупные государственные объединения, возникающие у самых границ римской империи, серьезно беспокоили правительство Рима. К тому же сюда устремлялись различные перебежчики из Рима, недовольные римской политикой, а маркоманы и даки охотно давали им убежище.

Воинственные дунайские и фракийские племена совершали неоднократные набеги на территорию римского Иллирика, провинцию Македонию, и римлянам приходилось принимать меры к тому, чтобы обезопасить свои северные границы. Но военное продвижение римлян к Дунаю вовсе не исходило только из одного стремления найти естественные границы против дунайских племен на севере: дунайская граница становится важнейшим участком обороны империи только со времени Флавиев.

События I в. н. э. показывают, что самая напряженная и драматическая борьба развернулась по другую сторону северных римских границ, уже за Дунаем. Видимо, уже в пла-

² Cass. Dio, 49, 34.

³ Cass. Dio., 49, 34.

⁴ App. III., 20; 27.

Нах Октавиана Дунай должен был стать плацдармом для наступательной войны в направлении Средней и Восточной Европы. Не случайно поэтому еще в 36 г. до н. э. Октавиан вслед за завоеванием иллирийцев планировал войну против даков, везов, бастарнов⁵.

Среднедунайские области могли иметь притягательную силу в глазах римлян своими запасами полезных ископаемых.

По утверждению Плиния Старшего, запасы железа были у нориков, золота, серебра и железа — у далматов и паннонцев. Уже в первые годы образования здесь римских провинций Норик, Паннония, Далмация и др. занимали особое место по экспорту руд.

Обладание дунайскими областями предоставляло в распоряжение римского правительства обширные плодородные земли. Однако в конце I века до н. э. для римских завоевателей важна была не столько территория, сколько население придунайских областей, которое служило прекрасным источником для пополнения римской армии.

Помимо солдат римское государство нуждалось в рабах, и покоренное дунайское население увеличивало армию невольников. О продаже в рабство пленных неоднократно говорят наши источники. Дион Кассий рассказывает о том, что после иллирийской кампании Октавиана в 35—33 гг. до н. э. большое количество пленных было продано в рабство⁶. В 12 г. до н. э. после похода Тиберия и Друза пленные паннонцы были обращены в рабов. Предусматривалась продажа рабов в Италию и другие провинции; по свидетельству Диона Кассия, жители Паннонии были проданы с условием, что их увезут с родины⁷. На экспорт рабов в Италию из Далмации и Паннонии указывал Страбон⁸. Об этом говорит и эпитафия из колумбария рода Статилиев: Тит Статилий Тавр, командующий фронтом против далматов в Иллирийскую войну Октавиана 35—33 гг. до н. э.; а затем сухопутным войском Октавиана в битве при Акци, консул 26 г. до н. э. привел в Италию множество рабов-иллирийцев. Они имелись и в его собственном доме в Риме, как гласит текст следующей эпитафии: Мессия Дардана, прядильщица, поставила надгробие, видимо, своему мужу Иакинту Дардану⁹. Варрон также сообщает о том, что лучшими пастухами в Италии являются рабы-иллирийцы.

На территории замиреной Паннонии было немало не-

⁵ App. III., 22.

⁶ Cass. Dio, 54, 31.

⁷ Cass. Dio, 54, 31.

⁸ Strabo, IV, VI, 7.

⁹ CIL. VI, 6343.

вольничьих рынков, где в I в н. э. римские солдаты покупали и продавали военнопленных. Известно о существовании таких рынков в Эмоне, Аквинке, Интерцизе. На то, что римские солдаты обращали пленных в рабов именно в этот период, указывал А. Мочи¹⁰. Знаменитая гемма Августа рассказывает о том, как пленные-иллирийцы обращались в рабов.

Иллирийская война началась летом 36 г. Морской флот вышел из сицилийских и южноиталийских гаваней и направился к восточному побережью Адриатического моря. Целью экспедиции было покорение многочисленных племен по побережью Далмации. Следуя из самой южной точки Далмации — Доклей на север страны, флот римлян покорял племена в скалистых бухтах Мелита и Пурзола¹¹. На борту кораблей находилось сухопутное войско, которое временами высаживалось на берег и совершало карательные экспедиции в глубь страны.

Основной удар был направлен против морских пиратов Адриатического моря — либурнов, живших на юго-западе Далмации. К сожалению, почти ничего неизвестно о ходе борьбы либурнов с римлянами. Либурны, очевидно, потерпели поражение, ибо обязались выдать свои суда¹², чем нанесли удар не только военной мощи, но и экономике этого племени. Не случайно поэтому либурны восстали в 34 году после ухода основных сил римлян в Паннонию и подняли на борьбу против Рима другие иллирийские племена. Во главе римских морских сил стоял Агриппа, способный военный командир. Можно установить, что римский флот собрался у Сенин, области яподов на северо-западе Далмации, где встретился с сухопутными силами Октавиана.

В то время как объединенные силы Агриппы и Октавиана готовились к завоеванию Яподии, отряд римских войск под руководством Мессалы Корвина покорял племена карнов, тевринков, ретов на севере страны. Описание этой войны не сохранилось, но среди элегий поэта Тибулла, современника и друга Мессалы Корвина, мы находим упоминание о победе римского полководца над «русоголовыми карнами»¹³.

Одним из иллирийских племен, с которым столкнулись римские войска, были яподы, жившие к югу от Альпийских гор¹⁴. В 35 г. до н. э. бассейн реки Любляны был превращен в плацдарм для наступления против этих племен. Следуя с северо-запада на юго-восток Далмации, римляне планомерно

¹⁰ A. Mocsy. Die Entwicklung der Sklavenwirtschaft in Pannonien zur Zeit des Principates, A. A. N. A. S. H. v. IV, 1—4, 1956.

¹¹ App., III, 16.

¹² Там же.

¹³ Tib. Elegiae I. (1, 7).

¹⁴ App. III., 16.

похорили племена монтнигов, авендетов, арупиннов¹⁵. Названные племена не оказали Октавиану и его полководцам сильного сопротивления, и римские войска не разрушали крепостей и поселений этих племен.

Однако политика Октавиана по отношению к цизальпийским племенам яподов была вызвана отнюдь не гуманностью римского полководца. Не последнюю роль сыграло и то, что последний готовился к войне с Антонием; ему было небезразлично, на чьей стороне могут оказаться иллирийские племена. С другой стороны, слабое сопротивление цизальпийских яподов объясняется, очевидно, тем, что они были ближайшими соседями северной Италии и еще в республиканский период были вовлечены в сферу экономического влияния Рима.

По-иному пошло покорение яподов по другую сторону Альп. Здесь римские войска столкнулись с отчаянным сопротивлением. Тербаны, позены¹⁶ и другие многочисленные племена яподов устраивали на пути римских солдат завалы из деревьев, совершали дерзкие нападения на продовольственные обозы римлян, поджидали в засаде авангард войск противника. Сами они были неуязвимы в чаще густых лесов. Римскому командованию приходилось тратить много времени и сил, чтобы прорубать дороги в лесной чаще. С величайшими трудностями римские войска пробивались к области тербанов и овладели крепостью Тербон¹⁷. Последовала кровавая расправа с населением. Но самые жестокие бои произошли у сильно укрепленного пункта Метула. Это поселение было сильно укреплено, находилось на вершине двух холмов, поросших лесом. Крепкие деревянные стены могли выдержать длительную осаду, а гарнизон в 3000 человек — отважно ее защищать.

Аппиан и Дион Кассий весьма драматично описывают борьбу защитников Метула с римлянами¹⁸. Гарнизон с успехом отбивал атаки врагов. Римляне обнесли это поселение огромным валом, но в результате многочисленных вылазок осажденных вал был отбит у них. В период осады защитники Метула даже выстроили вторую внутреннюю оборонительную стену, и когда войска Октавиана, наконец, овладели внешней стеной крепости, вторая стена преградила им доступ в крепость. Тогда солдаты Октавиана построили четыре деревянных моста и попытались взять Метулу одновременно с четырех сторон. Однако защитникам удалось сбросить со всех стен три римских моста¹⁹. На оставшийся четвертый

¹⁵ App. III, 16; CIL III, p. 384, 385, Strabo, IV, 6, 10.

¹⁶ App. III, 18.

¹⁷ App. III, 18, Strabo, IV, 6, 10.

¹⁸ App. III, 19, 20; Cass. Dio., 49, 35.

¹⁹ Flor., IV, 12.

мост, желая спасти положение и подать пример солдатам, устремился сам Октавиан. Пример полководца подействовал на растерявшихся было солдат, которые вслед за Октавианом продолжали штурм твердыни яподов, но произошла катастрофа: деревянное сооружение не выдержало слишком большой тяжести и развалилось. При этом большое количество римлян было убито и ранено: серьезные увечья получил сам Октавиан²⁰. Однако энергичные действия римлян заставили защитников Метула направить в римский лагерь посольство с предложением о капитуляции. Осажденные обязались добровольно сдать «город» и выдать 50 заложников. Но стоило только солдатам Рима войти в укрепление яподов, как жители снова начали борьбу против армии противника. По свидетельству Аппиана²¹, женщины вместе со своими детьми бросались в горящие дома: Октавиан жестоко расправился с укреплением яподов. Метул был сожжен до основания.

Покорением яподов и либурнов закончились военные операции Октавиана в Далмации. После расправы с Метулом римские войска направились в Паннонию²². Это было первое столкновение Рима с населением Паннонии: сам Август в «Деяниях» отмечает, что до его правления никто из римских полководцев не проникал так далеко в земли этих племен²³. Хотя Август несколько преувеличивает свои заслуги, ибо еще в республиканский период к Саве неоднократно совершались походы римлян, тем не менее ни одна из паннонских общин не была подчинена Риму. Действительно, только после событий 35—33 гг. среднее течение Савы становится северной границей римского Иллирика.

Расстояние от Метула до Сисции (крепости на западе Паннонии) было пройдено всего за 8 дней²⁴. Путь легионов мог проходить через долину р. Колапис, либо по реке Унне в верхнее течение Савы. Сисция имела большое значение на протяжении всей истории войн римлян с придунайскими племенами, так как находилась на слиянии судоходных рек Савы и Кульпы и была сильно укреплена.

Несмотря на умеренные требования Октавиана к защитникам крепости: выдать 100 заложников и поставить римский гарнизон, осажденные отвергли римские притязания. Правда, среди защитников Сисции были определенные круги населения, склонявшиеся к добровольному подчинению Риму²⁵.

²⁰ App. III, 20; Flor. IV, 12.

²¹ App. III, 21.

²² App. III, 22.

²³ Res Gestae, 30.

²⁴ Q. Lippel, Die römische Herrschaft in Illyrien bis auf Augustus, Leipzig 1877, с. 133—134.

²⁵ App. III, 23; Cass. Dio., 49, 37; Vell. Pat. II, 73, 3.

Используя географическое положение Сисции, войска Рима осадили крепость с суши и со стороны реки. Осада продолжалась в течение трех месяцев. В этот длительный период дипломатии Октавиана удалось привлечь отдельные дунайские племена на свою сторону и использовать их в борьбе против защитников. По утверждению Диона Кассия²⁶, союзные Риму дунайские племена прибыли к Сисции на своих суденышках, выдолбленных из целого дерева. Октавиан, однако, не слишком полагался на усердие союзных племен, поэтому руководить всеми операциями на реках был назначен вольноотпущенник Мена²⁷. В период всей осады происходили сражения на реках. В одной из битв флот римских союзников потерпел серьезное поражение от защитников Сисции и их союзников, и Мена был убит²⁸. После продолжительной осады Сисция была взята штурмом. Но город не был разрушен, жители его не были изгнаны, Октавиан довольствовался небольшой контрибуцией. Такая политика объясняется, видимо, тем, что Октавиан стремился превратить этот пункт в плацдарм для продолжающихся войн на среднем и нижнем Дунае.

Таким образом, уже в первые годы иллирийской войны Октавиана наметилось ожесточенное сопротивление, по-видимому, низов иллирийского населения, что препятствовало осуществлению дальнейших завоевательных планов Рима. Последующие же годы после похода Октавиана в Иллирию наполнены яркими эпизодами упорной освободительной войны племен против Рима, среди которых довольно крупным было восстание на среднем Дунае в 34—33 году до н. э. Это восстание застало Октавиана на пути из Галлии в Британию. Пришлось отказаться от похода в Британию и поспешить в Иллирию. !

Началось восстание в Паннонии, в Сисции и распространилось на другие иллирийские области. Римский гарнизон в Сисции был разбит, и остатки его покинули крепость²⁹. Поэтому Октавиан поспешил из Галлии в Паннонию на помощь римским войскам. Объединенными усилиями Октавиана и Геминия удалось сломить сопротивление, и в Сисции был снова водворен Геминия с 25 когортами. О восстании в Паннонии источники сообщают очень скупо, и восстановить весь ход борьбы нам не представляется возможным. Восстанием были охвачены и другие племена в Паннонии: известно, например, о покорении теврисков, которые, по свидетельству

²⁶ Сааз. Dio, 49, 37.

²⁷ Там же.

²⁸ App. III, 22.

²⁹ App. III, 24; Cass. Dio, 49, 37, 2.

Диона Кассия, были опасными противниками римлян³⁰. Кроме того, также известно о покорении племен между Савой и Дравой. Сам Октавиан не продвинулся дальше Сисцини, но вполне возможно, что легаты, завоевывая паннонские племена, дошли до Дуная, или точнее — до впадения Савы в Дунай, ибо Дион Кассий в речи Октавиана при Акцих утверждает, что войско дошло до Дуная.

Под влиянием римской агрессии среди иллирийского населения Далмации складывается обширный военно-племенной союз, который охватывает племена по побережью Адриатического моря. Инициаторами этого союза были либурны³¹, корабли которых уничтожали римляне в 36 году. Активными участниками борьбы против Рима и союзниками либурнов были далматы³². В окрестностях Салоны и Андетрии в 33 г. развернулись самые ожесточенные бои между восставшими племенами и легионами Рима³³. Племена, обитавшие на юге Далмации, — дербаны, их соседи — доклеты и дарданы, участвовали также в освободительной борьбе: лишь этим можно объяснить поход Октавиана и жестокую расправу с дербанами в 33 году³⁴.

На время были забыты старые племенные распри, и союзники объединились для общей борьбы. Укрепленное поселение Промона на границе либурнов и далматов стало местом сбора повстанцев³⁵. В сравнительно короткое время здесь собралось значительное союзное войско в 12 тысяч человек.

Известны и вожди освободительного движения: Верз из племени либурнов и Тестимус из племени далматов³⁶. Начальные мероприятия обоих вождей позволяют заключить о согласованных военных действиях либурнов и далматов против римских войск. Таким образом, здесь можно наблюдать уже нечто новое: появление у дунайского населения сознания необходимости объединиться для борьбы против Рима. Раньше же племена упорно защищали только свои земли от агрессоров. Так, в 35 году до н. э. подняли борьбу против римлян позены из племени яподов³⁷, покорение этого мятежного племени было поручено Гельвию, который без особого труда подавил выступление позенов. Другие иллирийские племена не поддержали позенов: этим объясняется сравнительно легкая победа римского легата. Теперь иллирийские племена

³⁰ Cass. Dio, 49, 38, 3.

³¹ App. III, 25.

³² App. III, 2 7, 28, Cass. Dio, 49, 38, 3.

³³ App. III, 27.

³⁴ App. III, 28.

³⁵ App. III, 25—26.

³⁶ App. III, 25.

³⁷ App. III, 21.

объединяются для общей борьбы и защищают земли своих соседей. Известно, например, о битвах далматского ополчения в окрестностях Промоны³⁸, о помощи дарданов, доклетов и дербанов жителям Синодии, Сетовии в землях далматов³⁹.

Подавив антиримское движение паннонских племен, Октавиан поспешил с отрядом войск в Далмацию. Римский полководец выбрал наикратчайший путь в сторону повстанцев. Спустившись по долине реки Уни, римские войска очутились в Либурнии, подошли к Промоне. Это главное убежище повстанцев-либурнов находилось высоко в горах, было сильно укреплено и казалось неприступным. Командованию Рима пришлось проделать большую подготовительную работу для штурма Промоны. Желая, очевидно, воспрепятствовать общению защитников крепости с другими племенами. Октавиан приказал своим солдатам обнести поселение со всех сторон стенами. Эта предосторожность оказала большую услугу войскам римлян: спешившее на помощь к либурнам союзное войско далматов во главе со своим вождем Тестимусом было разбито на подступах к Промоне одним из отрядов Октавиана⁴⁰.

Окрыленные победой над далматами, римские легионы начали штурм крепости. Осажденные оделали попытку прорвать осаду, но были разбиты, и в Промону вместе с защитниками ворвались римские войска.

Покончив с либурнами и оставив в Промоне большой гарнизон, войска Октавиана двинулись против далматов⁴¹. Аппиан подчеркивает огромные трудности, с которыми столкнулись римские войска. Плохие дороги, незнакомая местность, постоянные набеги и засады неуловимых врагов — все это вносило в римскую армию большую дезорганизацию и ухудшало ее боевые качества. Непроходимые дороги не позволили Октавиану проникнуть в глубь земель далматских племен. Военные действия ограничивались районами Салоны, Сетовии, Синодии.

Первым сильно укрепленным пунктом на пути солдат Октавиана на землях далматов явилась Синодия⁴², которая находилась к северо-востоку от Салоны. В непроходимой лесной чаще близ крепости далматы устроили засаду и поджидали римские войска. Благодаря предосторожности римского полководца солдаты миновали засаду далматов и подошли к укреплению. На помощь к жителям Синодии спешили союзные племена, однако Октавиану удалось разбить ополчение

³⁸ App. III, 21.

³⁹ App. III, 26.

⁴⁰ App. III, 27.

⁴¹ App. III, 28.

⁴² App. III, 27.

союзников, а затем взять это укрепленное поселение. По свидетельству Аппиана, римляне сожгли Синодию до основания и сурово расправились с жителями⁴³. Затем войска отправились к Сетовии. Опасаясь засады, Октавиан разделил войско на две части: одна часть следовала по долине, другая — двигалась по горам, вырубала леса и уничтожала все живое, что встречала на своем пути. С величайшими трудностями войска подошли к Сетовии и осадили укрепление. Осада была продолжительной. Осажденные попытались опять снять осаду со своих стен, и эта попытка чуть не увенчалась успехом. В одной из битв Октавиан был ранен во второй раз. Предоставив своему полководцу Статилию Тавру все полномочия для борьбы с далматами, Октавиан вернулся в Рим. Но в январе 33 года он вновь возвратился в Далмацию и принял капитуляцию жителей Сетовии.

Затем войска Октавиана направились на юг Далмации против дарданов, дербанов и доклетов. О ходе этой войны Аппиан⁴⁴ сообщает мало, и поэтому воссоздать картины борьбы трудно. Войска Рима заставили племена заключить мирный договор и выдать задолжников. Однако для выполнения договора потребовалось присутствие солдат в землях этих племен. Куда же римляне не могли проникнуть, там господство Рима не признавалось. Следует отметить, что Аппиан говорит не о покорении племен, а о союзе с ними. Очевидно, господство Рима в землях дербанов и дарданов было непрочным. Действительно, всего через несколько лет, уже в 28 году выяснилось, что племена дарданов были враждебно настроены к войскам Красса и не пропустили их через свои земли в Македонию.

Военные операции 34—22 гг. в Далмации, таким образом, ограничивались территорией на побережье Адриатического моря. В результате похода Октавиана были покорены наиболее крупные иллирийские племена яподов, либурнов, далматов, дербанов, доклетов, дарданов, теврисков, карнов, глиндиционов. Заканчивая повествование об иллирийской войне, Аппиан отмечает, что Октавиан не только привел к покорности иллирийские племена, ранее подчиненные Риму, но также покорил прежде независимые⁴⁵.

Однако это сообщение Аппиана мы должны взять под сомнение. Либо он преувеличивает победы Октавиана в Иллирии, либо о многом сознательно умалчивает. Например, в отношении ретов и нориков нам мало что известно. Есть основания предполагать, что Мессала не ограничился завоева-

⁴³ App. III, 27.

⁴⁴ App. III, 28.

⁴⁵ App. III, 28.

нием карнов и отправился на север против ретов и моринов.

Римское завоевание в Далмации не распространилось на восток страны, по крайней мере, ничего неизвестно о судьбе пирустов, десидиатов и бревков в Паннонии. Участвовали ли эти племена в борьбе против Рима или были пассивными наблюдателями событий, — мы не знаем. Дюн Кассий, который прекрасно осведомлен о племени десидиатов, в книге, посвященной иллирийской войне, даже не упоминает об этом племени. Аппиан также ничего не сообщает о названных племенах. Относительно размеров завоеванной территории в этой кампании Октавиана существуют различные точки зрения. Прежде всего, какие народы Паннонии и Далмации были покорены, вся ли Сава стала границей римской провинции. Есть основание сомневаться в полном успехе римского завоевания Иллирии и с некоторой уверенностью можно заключить, что римское влияние не затронуло восточные районы современной Боснии. Тем не менее завоеванием земель Далмации и, особенно, Паннонии римляне расширили границы своей империи до Дуная. Следует, однако, оговориться, что в этот период границы новой провинции не простирались на всем своем протяжении до Дуная, а ограничивались только сравнительно небольшим участком реки от Савы до Дуная. Римские войска вышли к среднему течению Савы, которая стала северной римской границей. Поэтому в последующие годы римляне еще будут иметь дело со свободными племенами (поход Тиберия в Паннонию в 12—8 г. до н. э., освободительная борьба в 6—9 г. на Дунае).

Римская дипломатия в дунайских областях энергично привлекала на свою сторону местную племенную знать. История знает несколько зависимых царей во времена Августа на Дунае. Например, на нижнем Дунае во Фракии — царь одрисов, дентелетов; среди племен гетов — Род. На среднем Дунае командование Октавиана также пыталось заручиться союзом с родовой аристократией иллирийских племен. Интересно проследить отношение Октавиана к вождям повстанцев в Далмации. Вождь либурнов — Верз и далматов — Тестимус были захвачены римскими солдатами. Источники ничего не говорят о расправе над племенными вождями. В то время, как рядовые общинники подвергались жестокой каре, пленные вожди были увезены в Рим для участия в триумфе римского полководца. Ввиду напряженной политической обстановки триумф Октавиана над Иллирией был отложен до победы над Антонием. В 29 году Август торжественно праздновал свои победы. Триумф длился три дня — 13, 14 и 15 августа. Первый день триумфа был посвящен победам Октавиана в Иллирии. В перечне своих деяний

Октавиан рассказывает, что во время его триумфа перед колесницей шли 10 царей и их близких, среди них и находились иллирийские вожди. Таким образом, в течение пяти лет вожди иллирийцев были живы и жили в Риме. Дальнейшая их судьба неизвестна.

Из иллирийской военной добычи Октавиан приказал построить библиотеку в честь своей сестры и портик Октавии⁴⁶.

В самой Иллирии Октавиан занялся мирным строительством. Именно в этот период на месте туземных городищ возникли римские города, на побережье Далмации-Герцеста (Триест), Пола, Ядер (Цара), Салона, Нарона; по ту сторону Альп от Аквилей к Саве — Емона и Сисция. Эти города, должны были, по мнению правительства Рима, стать оплотом римского влияния в завоеванных областях. Стремясь привлечь большое количество переселенцев из Италии и ветеранов. Октавиан предоставил этим городам римское городское право.

Восстание 34—33 гг. до н. э. существенно отличается от предшествующих выступлений. В этот период, уже указывалось, среди части иллирийских племен была сделана первая попытка к объединению для борьбы с Римом. Однако такой племенной союз охватывал лишь население Далмации; иллирийские племена в Паннонии, хотя и боролись против римских легионов, с племенами в Далмации не были объединены. Поэтому восстанием были охвачены только покоренные области Иллирии, и огонь освободительного движения не перекинулся на соседние дунайские области.

Тем не менее, восстание на среднем Дунае на некоторое время задержало вторжение Рима на нижний Дунай (Октавиан вынужден был отложить планируемый поход против даков и бастарнов) и препятствовало подготовке Октавиана к назревавшей борьбе с Антонием.

Вместе с тем события в Иллирии в 34—33 гг. показали римскому государству всю непрочность их завоеваний дунайских земель.

⁴⁶ G. Alföldi, *Bevölkerung und Gesellschaft der römischen Provinz Dalmatien*, Budapest, 1965, с. 97, 137, 146.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЯ

а) сборники источников, справочные пособия, общие труды

Fgr Hist	— F. Jacoby, Die Fragmente der griechischen Historiker Tl. I.—, Berlin, 123—
SHA	— Scriptores Historiae Augustae.
IG ²	— Inscriptiones Graecae, editio minor, vol. I—I/III, Berlin, 1913—1924.
Tod	— M. N. Tod, A. Selection of Greek Historical Inscriptions 2nd edition, vol. I—II, Oxford, 1946—1948.
CIL	— Corpus Inscriptionum Latinarum.
RIB	— The Roman Inscriptions of Britain, vol. I, Oxford, 1965.
RE	— Pauly's Realenciclopädie der classischen Altertumwissenschaft, neue Bearbeitung, Stuttgart, 1894.
CAH	— The Cambridge Ancient History, vol. I—XII, Cambridge, 1924—1939.
MH	— «Historia Mundi». Ein Handbuch der Weltgeschichte in X Bd. Bd. I—IV. Bern, 1952—1956.

б) периодические издания

ФФ	— Филологическое обозрение.
ВДИ	— Вестник древней истории.
Уч. зап.	— Ученые записки.
CIPh	— Classical Philology.
JSH	— The Journal of Hellenic Studies.
RA	— Revue Archéologique.
HZ	— Historische Zeitschrift.
CIQu	— Classical Quarterly.
RF	— Rivista di filologia e di istruzione classica.
NCr	— Numismatic Chronicle.
EE	— Ephemeris epigraphica.
JRS	— The Journal of Roman Studies.

СОДЕРЖАНИЕ

1. В. М. Строгоцкий (Горький). Диодор Сицилийский о процессах против Фемистокла и Павсания (XI, 39—47, 54—59).	3
2. Л. А. Пальцева (Ленинград). Культ богини Девы в Херсонесе .	30
3. С. К. Сизов (Ленинград). Податной устав Гиерона III .	47
4. М. С. Садофская (Горький). IX Испанский легион в Британии .	65
5. Н. С. Широкова (Ленинград). Рим и друиды .	86
6. Я. Ю. Межерницкий (Калуга). Принципат Юлиев-Клавдиев в произведенных Сенокс .	95
7. И. Н. Спиридова (Москва). Восстание на Среднем Дунае в 34—33 гг. до н. э.	110

Из истории античного общества

Межвузовский сборник

Редактор Л. В. Лахтурова

Тех. редактор Е. В. Тамберг

Корректоры Н. М. Кодратьева, В. И. Холодкова

Сдано в набор 25/1 1978 г. Подписано к печати 26/IX 1979 г. МЦ 00703.
Формат 60×90^{1/16}. Бумага офсетная. Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл. печ. л. 7,75. Уч.-изд. л. 7,69. Тираж 800 экз.
Заказ 949. Цена 1 руб.

Доп. план ГГУ 1979, позиция 224

Горьковский госуниверситет им. Н. И. Лобачевского,

г. Горький, пр. Гагарина, д. 23

Дзержинская типография Горьковского областного управления
издательств, полиграфии и книжной торговли
Дзержинск, пр. Цюлковского, д. 16